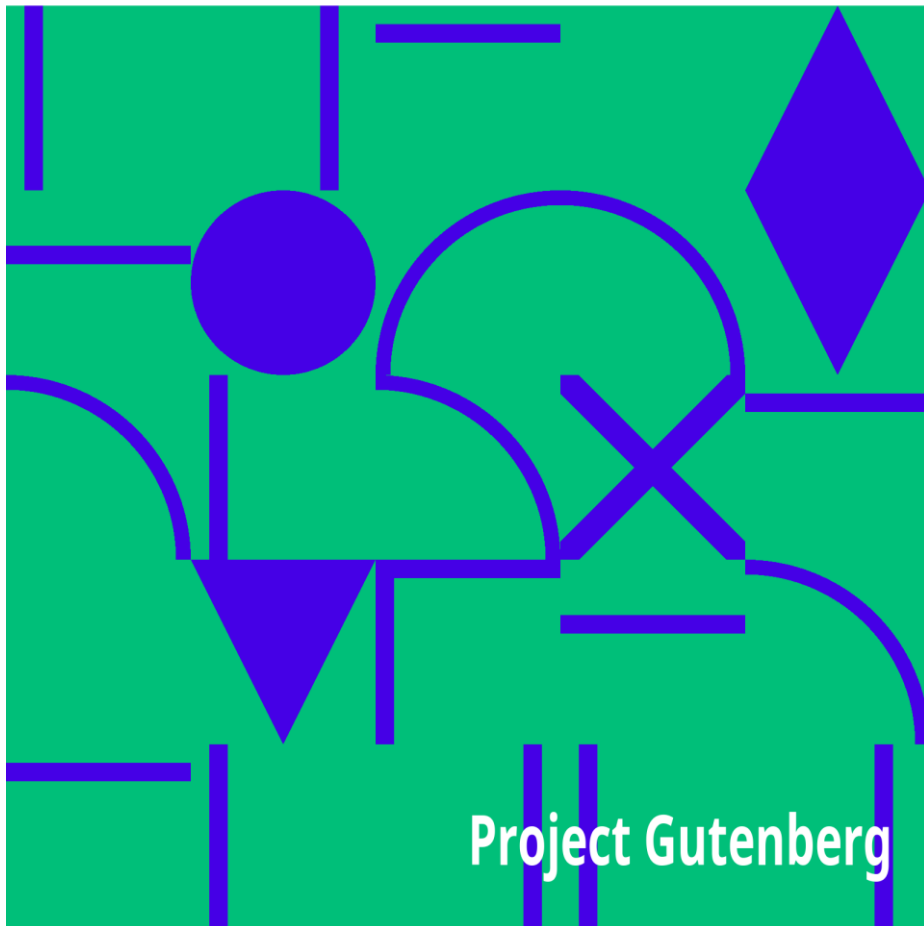

Общество стяжательства

Р. Х. Тоуни

The Acquisitive Society

R. H. Tawney

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" Общества стяжательства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Общество приобретения

Автор: Р. Х. Тоуни

Дата выхода: 16 сентября 2010 г. [Электронная книга № 33741]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ОБЩЕСТВО СТЯЖАТЕЛЬСТВА" ***

ОБЩЕСТВО СТЯЖАТЕЛЬСТВА

АВТОР Р. Х. ТАУНИ

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК БАЛЛИОЛ-КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ; ПОКОЙНЫЙ ЧЛЕН
КОМИССИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НЬЮ-ЙОРК

ХАРКОРТ, БРЕЙС И КОМПАНИЯ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1920 Г.,
HARCOURT, BRACE AND HOWE, INC.

НАПЕЧАТАНО В США
КОМПАНИЕЙ QUINN & BODEN
RAHWAY, Нью-Джерси

Содержание

ГЛАВА

- I ВВЕДЕНИЕ
- II ПРАВА И ФУНКЦИИ
- III ОБЩЕСТВО ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ
- IV НЕМЕЗИДА ИНДУСТРИАЛИЗМА
- V СОБСТВЕННОСТЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД
- VI ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
- VII ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ПРОФЕССИЯ
- VIII "ПОРОЧНЫЙ КРУГ"
- IX УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
- X ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКА УМСТВЕННОГО ТРУДА
- XI НЕОБХОДИМОСТЬ

Автор желает выразить свою признательность редактору Журнала Хибберта за разрешение перепечатать появившуюся в нем статью.

ОБЩЕСТВО СТЯЖАТЕЛЬСТВА

Я

ВВОДНЫЙ

Общеизвестно, что характерной добродетелью англичан является их способность к постоянной практической деятельности, а их характерным пороком является нежелание проверять качество этой деятельности ссылками на принципы. Они не проявляют интереса к теории, принимают основы как должное и больше интересуются состоянием дорог, чем их местом на карте. И можно справедливо возразить, что в обычные времена такое сочетание интеллектуальной покорности с практической энергией достаточно полезно, чтобы объяснить, если не оправдать, невозмутимость, с которой его обладатели переносят критику более предприимчивых в умственном отношении наций. Это настроение тех, кто заключил сделку с судьбой и довольствуется тем, что она предлагает, не возобновляя сделку. Это позволяет уму беспрепятственно концентрироваться на прибыльной деятельности, потому что его не отвлекает пристрастие к невыгодным спекуляциям. Можно сказать, что большинство поколений идут по пути, который они не прокладывают и не открывают, а принимают; главное, что они должны идти. Шоры, которые носят англичане, позволяют им еще увереннее передвигаться рысью по проторенной дороге, не терзаясь любопытством относительно места назначения.

Но если лекарство от конституции не должно стать его повседневной пищей, то и его ежедневная пища не может стать его лекарством. Бывают необычные времена, и в такие времена недостаточно следовать по дороге. Необходимо знать, куда она ведет, и, если она никуда не ведет, следовать по другой. Поиск другого предполагает рефлекссию, которая не свойственна суетливым людям, которые называют себя практичными, потому что они принимают вещи такими, какие они есть, и оставляют их такими, какие они есть. Но практический совет для путешественника, который не уверен в своем пути, состоит не в том, чтобы со всей быстротой двигаться в неправильном направлении: он должен подумать, как найти правильное. И практический поступок для нации, которая столкнулась с одним из поворотных моментов истории, состоит не в том, чтобы вести себя так, как будто не произошло ничего очень важного, как будто не имело значения, повернула ли она направо или налево, поднялась в гору или спустилась в долину, при условии, что она продолжала делать с чуть большей энергией то, что делала до сих пор; но подумать, разумно ли то, что она делала до сих пор, и, если это неразумно, изменить это. Когда разрушенные концы ее промышленности, ее политики, ее социальной организации приходится собирать по кусочкам после катастрофы, она

должна принять решение; ибо она принимает решение, даже если отказывается принимать решение. Если она хочет принять решение, которое будет востребовано, она должна на мгновение выйти за рамки философии в пользу владельцев своих газет. Если только оно не должно двигаться с энергичной тщетностью белки во вращающейся клетке, оно должно иметь четкое представление как о недостатке того, что есть, так и о характере того, что должно быть. И чтобы получить это представление, она должна апеллировать к какому-то стандарту, более стабильному, чем сиюминутные потребности своей торговли, промышленности или социальной жизни, и судить о них в соответствии с ним. Короче говоря, она должна опираться на Принципы.

Подобные соображения, возможно, не совсем неуместны в то время, когда факты вынудили англичан пересмотреть свои социальные институты, к чему их не могло побудить никакое обращение к теории. Обращение к принципам является условием любой значительной реконструкции общества, потому что социальные институты являются видимым выражением шкалы моральных ценностей, которая управляет умами индивидов, и невозможно изменять институты, не изменяя эту моральную оценку. Парламент, промышленные организации, весь сложный механизм, с помощью которого общество выражает себя, - это мельница, которая перемалывает только то, что в нее вкладывается, а когда в нее ничего не вкладывается, перемалывается воздух. Конечно, есть много людей, которые не желают никаких изменений и которые, когда они будут предприняты, будут противиться им. Они находили существующий экономический порядок прибыльным в прошлом. Они желают только таких изменений, которые обеспечат равную прибыльность в будущем. *Quand le Roi avait bu, la Pologne était ivre.* Они искренне неспособны понять, почему их соотечественники не могут счастливо греться у огня, который согревает их самих, и спрашивают, подобно французскому фермеру-генералу: "Если все идет так счастливо, зачем утруждать себя тем, чтобы что-то менять?" Таких людей следует пожалеть, ибо им недостает социальных качеств, присущих человеку. Но они не нуждаются в аргументах, ибо Небеса лишили их одной из способностей, необходимых для понимания этого.

Однако есть и другие, которые осознают стремление к новому социальному порядку, но еще не осознают последствий своего собственного желания. Мужчины могут искренне сочувствовать требованию радикальных перемен. Они могут осознавать социальное зло и искренне стремиться устранить его. Они могут создать новый департамент, назначить новых должностных лиц и придумать новое название, чтобы выразить свою решимость осуществить что-то более радикальное, чем реформа, и менее тревожное, чем революция. Но если они не приложат усилий не только к тому, чтобы действовать, но и к тому, чтобы размышлять, они в конечном итоге ничего не добьются. Ибо они отдают себя в руки тех, кто думает, что они практичны, потому что они принимают свою философию настолько как должное, что не осознают ее последствий, и как только они пытаются действовать, эта философия вновь заявляет о себе и служит подавляющей силой, которая еще глубже втискивает их действия в старые русла. "Несчастный я человек; кто избавит меня от тела этой смерти?" Когда они хотят поставить свою экономическую жизнь на более прочную основу, они повторяют, как попугаи, слово "Производительность", потому что именно это слово первым приходит им на ум; независимо от того факта, что производительность уже является основой, на которой она зиждется, что возросшая производительность является единственным характерным достижением довоенной эпохи, как религия была характерна для средневековья или искусство для классических Афин, и

что именно в столетии, когда наблюдался наибольший рост производительности со времен падения Римской империи, экономическое недовольство было наиболее острым. Когда их охватывает общественное раскаяние, они не могут придумать ничего более оригинального, чем уменьшение бедности, потому что бедность, будучи противоположностью богатству, которое они ценят больше всего, кажется им самым ужасным из человеческих несчастий. Они не понимают, что бедность - это симптом и следствие социального беспорядка, в то время как сам беспорядок одновременно является чем-то более фундаментальным и более неисправимым, и что качество их социальной жизни, которое приводит к деморализации немногих чрезмерным богатством, также является качеством, которое приводит к деморализации многих чрезмерной бедностью.

"Но увеличение производства важно". Конечно, важно! Изобилие — это добро, а дефицит - зло, и не нужно призраков из могил последних пяти лет, чтобы сказать нам это. Но многое зависит от совместных усилий, а сотрудничество - от моральных принципов. А моральные принципы - это то, что презируют пророки этого устройства. Таким образом, мир "продолжает испытывать дефицит", потому что он слишком алчен и близорук, чтобы искать то, "что заставляет людей быть единомышленниками в одном доме". Благонамеренные схемы социальной реорганизации, выдвигаемые ее коммерческими наставниками, несостоятельны, потому что они пытаются совместить несовместимое и, если они все нарушают, ничего не решают. Они похожи на человека, который, обнаружив, что его дрянные ботинки плохо изнашиваются, заказывает пару на два размера больше вместо пары из хорошей кожи, или который компенсирует плохие шесть пенсов, положенные на тарелку в воскресенье, плохим шиллингом на следующий. И когда их приступ лихорадочной энергии иссякает, и нет ничего, что можно было бы показать, кроме разочарования, они кричат, что реформа невыполнима, и обвиняют человеческую природу, тогда как винить им следовало бы самих себя.

Однако принципы, на которых должна основываться промышленность, всегда просты, как бы трудно ни было их применять; и если ими пренебрегают, то не потому, что они трудны, а потому, что они элементарны. Они просты, потому что промышленность проста. Отрасль, в конце концов, по своей сути представляет собой не что иное, как группу людей, связанных с различной степенью конкуренции и сотрудничества, чтобы зарабатывать себе на жизнь, предоставляя обществу те или иные услуги, в которых оно нуждается. Организуйте это как хотите, пусть это будет группа мастеров, работающих молотком и зубилом, или крестьяне, вспахивающие свои поля, или армии механиков сотен различных профессий, строящих корабли, которые представляют собой чудеса сложности, с машинами, которые являются кульминацией столетий изобретений, их функция - служение, их метод - объединение. Поскольку ее функцией является обслуживание, отрасль в целом имеет права и обязанности по отношению к сообществу, отмена которых влечет за собой привилегии. Поскольку его методом является объединение, различные партии в нем имеют права и обязанности по отношению друг к другу; и пренебрежение ими или их извращение влечет за собой угнетение.

Следовательно, условия правильной организации промышленности постоянны, неизменны и могут быть постигнуты самым элементарным разумом, при условии, что он будет видеть природу своих соотечественников в общих чертах истории, а не в бескровных абстракциях экспертов. Первый заключается в том, что она должна быть подчинена сообществу таким образом, чтобы оказывать наилучшие технически возможные услуги, чтобы тем, кто не оказывает никаких услуг, вообще не платили, потому что суть функции в том, что она должна находить свой смысл в

удовлетворении не самой себя, а цели, которой она служит. Второе заключается в том, что ее руководство и правительство должны находиться в руках лиц, ответственных перед теми, кем руководят и управляют, потому что условием экономической свободы является то, что людьми не должна управлять власть, которую они не могут контролировать. Промышленная проблема, по сути, является проблемой права, а не просто материальной нищеты, и, поскольку это проблема права, она наиболее остра среди тех слоев рабочего класса, чьи материальные страдания наименьши. Это вопрос, во-первых, Функциональности, а во-вторых, Свободы.

II

ПРАВА И ФУНКЦИИ

Функция может быть определена как деятельность, которая воплощает и выражает идею социальной цели. Суть его в том, что агент выполняет его не только ради личной выгоды или собственного удовольствия, но и признает, что он несет ответственность за его выполнение перед каким-либо вышестоящим органом. Цель индустрии очевидна. Оно состоит в том, чтобы снабжать человека необходимыми, полезными или красивыми вещами и, таким образом, оживлять тело или дух. Поскольку оно руководствуется этой целью, оно является одним из важнейших видов человеческой деятельности. В той мере, в какой это отвлекает от него, оно может быть безвредным, забавным или даже возбуждающим для тех, кто им занимается, но оно имеет не большее социальное значение, чем упорядоченная деятельность муравьев и пчел, расхаживание павлинов или борьба плотоядных животных за падаль.

Люди обычно ценили этот факт, какими бы нежелательными или неспособными они ни были действовать в соответствии с ним; и поэтому время от времени, насколько им удавалось контролировать силы насилия и жадности, они прибегали к различным приемам, чтобы подчеркнуть социальное качество экономической деятельности. Однако нелегко эффективно подчеркивать это, потому что для этого требуется постоянное усилие воли, против которого восстают эгоистические инстинкты, и потому что, если эта воля должна возобладать, она должна быть воплощена в какой-нибудь социальной и политической организации, которая сама по себе может стать настолько деспотичной, тиранической и коррумпированной, что будет препятствовать выполнению функций вместо того, чтобы способствовать им. Когда этот процесс вырождения зашел далеко, как это было в большинстве европейских стран к середине восемнадцатого века, необходимо разрушить мертвую организацию и расчистить почву. В ходе этого индивид эмансипируется и его права расширяются; но идея социальной цели

дискредитируется дискредитацией, справедливо приписываемой устаревшему порядку, в котором она воплощена.

Поэтому неудивительно, что в новых индустриальных обществах, возникших на руинах старого режима, доминирующей нотой должно было стать отстаивание индивидуальных прав, независимо от какой-либо социальной цели, которой способствовало их осуществление. Экономическая экспансия, сконцентрировавшая население на добыче угля, была, по сути, огромным движением колонизации, продвигавшимся с юга и востока на север и запад; и было естественно, что в этих регионах Англии, как и в американских поселениях, характерной философией было философия пионеров и лагеря шахтеров. Изменение социального качества было глубоким. Но, по крайней мере, в Англии оно было постепенным, и "промышленная революция", хотя и катастрофическая по своим последствиям, была лишь видимой кульминацией незаметных моральных изменений поколений. Расцвет современных экономических отношений, который можно датировать в Англии второй половиной семнадцатого века, совпал с развитием политической теории, заменившей концепцию цели концепцией механизма. На протяжении значительной части истории люди находили значение своего общественного строя в его связи с универсальными целями религии. Она была как одна из ступеней лестницы, протянувшейся от ада к Раю, и классы, составлявшие ее, были руками, ногами, головой корпоративного организма, который сам по себе был микрокосмом, несовершенным отражающим большую вселенную. Когда Реформация сделала Церковь подразделением светского правительства, это подорвало и без того ослабленные духовные силы, которые воздвигли этот возвышенный, но слишком тщательно продуманный синтез. Но его влияние сохранялось почти столетие после того, как были обрублены корни, питавшие его. Это была атмосфера, в которой люди рождались и от которой, какой бы практичной или даже макиавеллистской она ни была, им нелегко было освободиться. Для нового государственного руководства не было неудобством видеть, что вес традиционной религиозной санкции добавляется к его собственной озабоченности подчинением всех классов и интересов общей цели, хранителем которой оно само считало себя и в течение большей части шестнадцатого века считалось общепринятым. Линии социальной структуры больше не должны были воспроизводить в миниатюре план вселенского порядка. Но общие привычки, общие традиции и верования, общее давление сверху придавали им единство направления, которое сдерживало силы индивидуальных вариаций и горизонтальной экспансии; и центр, к которому они сходились, некогда Церковь, обладавшая некоторыми чертами государства, теперь стал государством, облекшим себя многими атрибутами Церкви.

Разница между Англией времен Шекспира, которую все еще посещают призраки Средневековья, и Англией, которая слилась в 1700 году в результате ожесточенной полемики двух последних поколений, заключалась в различии социальной и политической теории даже в большей степени, чем в конституционном и политическом устройстве. Глубоко изменились не только факты, но и умы, которые их оценивали. Суть изменения заключалась в исчезновении идеи о том, что социальные институты и экономическая деятельность были связаны с общими целями, которые придавали им значимость и служили их критерием. В восемнадцатом веке и государство, и Церковь отреклись от той части сферы, которая заключалась в поддержании общей системы социальной этики; то, что от нее осталось, было подавлением класса, а не дисциплиной нации. Общественное мнение перестало рассматривать социальные институты и экономическую деятельность как подчиняющиеся, подобно личному поведению, моральным критериям, потому что на него больше не влияло зрелище институтов, которые, будучи

произвольными, капризными и часто коррумпированными в своем практическом функционировании, были внешним символом и выражением подчинения жизни целям, выходящим за рамки частных интересов. Та часть правительства, которая занималась социальным управлением, если и не прекратила свое существование, то, по крайней мере, устарела. Ибо та демократия, которая существовала в Средние века, была мертва, а революционная демократия еще не родилась, так что управление перешло в летаргические руки классов, которые распоряжались государственной властью в интересах безответственной аристократии. И Церковь была еще более удалена от повседневной жизни человечества, чем Государство. Филантропия процветала; но религия, некогда величайшая общественная сила, стала такой же частной вещью, как поместье сквайра или рабочая одежда рабочего. Существовали особые разрешения и случайные вмешательства, подобные действиям монарха, который помиловал преступника или подписал приказ о его казни. Но то, что было знакомым, человеческим и привлекательным - то, что было христианским в христианстве, в значительной степени исчезло. Бог был отброшен на холодные высоты бесконечного космоса. На Небесах, так же как и на земле, существовала ограниченная монархия. Провидение было зрителем любопытной машины, которую оно сконструировало и привело в движение, но управлять которой оно не могло и не желало. Подобно случайному вмешательству короны в работу парламента, ее мудрость проявлялась в нечастости ее вмешательства.

Естественным следствием отречения от власти, которая, пусть и несовершенно, служила общей цели в социальной организации, стало постепенное исчезновение из общественной мысли идеи цели как таковой. Его место в восемнадцатом веке заняла идея механизма. Представление о людях, объединенных друг с другом, и о всем человечестве, объединенном с Богом взаимными обязательствами, вытекающими из их отношения к общей цели, которое, будучи смутно понимаемым и несовершенно реализуемым, было краеугольным камнем, скрепляющим социальную ткань, перестало запечатлеваться в умах людей, когда Церковь и государство отошли из центра социальной жизни на периферию. То, что осталось, когда снесли краеугольный камень арки, - это частные права и частные интересы, скорее материалы общества, чем само общество. Эти права и интересы были естественным порядком, который был искажен амбициями королей и священников и который возник, когда исчезла искусственная сверхструктура, потому что они были творением не человека, а самой Природы. В прошлом они рассматривались как относящиеся к какой-либо общественной цели, будь то религия или национальное благосостояние. С тех пор они считались абсолютными и неосуществимыми и основывались на своей собственной добродетели. Они были высшей политической и социальной реальностью; и поскольку они были высшей реальностью, они не были подчинены другим аспектам общества, но другие аспекты общества были подчинены им.

Государство не могло посягать на эти права, ибо государство существовало для их поддержания. Они определяли соотношение классов, поскольку наиболее очевидным и фундаментальным из всех прав была собственность — собственность абсолютная и безусловная, — и те, кто обладал ею, считались естественными правителями тех, кто ею не обладал. Общество возникло в результате их осуществления посредством контрактов индивида с индивидом. Оно достигло своей цели в той мере, в какой, сохраняя договорную свободу, оно обеспечило полный простор для их беспрепятственного осуществления. Она потерпела неудачу в той мере, в какой, подобно французской монархии, взяла верх над ними, используя произвольную власть. Задуманное таким образом общество приобрело вид огромной акционерной компании, в которой политическая власть и получение дивидендов были

справедливо распределены между теми, кто владел наибольшим количеством акций. Потоки социальной активности не сходились к общим целям, а были рассеяны по множеству каналов, созданных частными интересами индивидов, составляющих общество. Но в самом их разнообразии и спонтанности, в самом отсутствии каких-либо попыток связать их с более масштабной целью, чем цель отдельного человека, заключается наилучшая гарантия ее достижения. Существует мистицизм разума так же, как и эмоций, и восемнадцатый век нашел в благодеянии естественных инстинктов замену Богу, которого он изгнал из общения с обществом, и без колебаний отождествил их.

"Таким образом, Бог и природа спланировали общую структуру
И повелели, чтобы любовь к себе и общение были одним и тем же".

Результатом применения таких идей на практике стало общество, которым правил закон, а не каприз правительств, но которое не признавало моральных ограничений для достижения отдельными лицами своих экономических интересов. В мире мысли это была политическая философия, которая сделала права основой социального порядка и которая рассматривала исполнение обязательств, если вообще рассматривала его, как неизбежный процесс их свободного осуществления. Первым известным выразителем этой философии был Локк, у которого доминирующей концепцией является неосуществимость частных прав, а не predetermined гармония между частными правами и общественным благосостоянием. У великих французских писателей, которые подготовили путь для Революции, хотя и верили, что они были слугами просвещенного абсолютизма, почти в равной степени подчеркивается святость прав и непогрешимость алхимии, посредством которой стремление к частным целям преобразуется в достижение общественного блага. Хотя их труды обнаруживают влияние концепции общества как саморегулирующегося механизма, которая впоследствии стала наиболее характерной чертой английского индивидуализма, французская революция выжгла в сознании Европы первое, а не второе. В Англии идея права носила негативный и оборонительный характер, служа барьером для посягательств правительств. Французы бросились в атаку из окопов, которые англичане были вынуждены защищать, и во Франции эта идея стала утвердительной и воинственной, став не средством защиты, а принципом социальной организации. Попытка перестроить общество на правах, причем правах, проистекающих не из заплесневелых хартий, а из самой природы самого человека, была одновременно и триумфом, и ограничением Революции. Это придало ему энтузиазм и заразительную силу религии.

То, что произошло в Англии, на первый взгляд может показаться с точностью до наоборот. Английские практичные люди, чьи мысли были выдержаны в более низком ключе, были немного шокированы пышностью и блеском этого грандиозного кредо. Они не испытывали особого сочувствия к абсолютным утверждениям Франции. Их воображение захватило не право на свободу, которое не взывало к их коммерческим инстинктам, а целесообразность свободы, которая взывала; и когда Революция продемонстрировала взрывную силу идеи естественного права, они стали искать какую-нибудь менее угрожающую формулу. Впервые это было предложено Адамом Смитом и его предшественниками, которые показали, как механизм

экономической жизни превращает "словно невидимой рукой" осуществление индивидуальных прав в инструмент общественного блага. Бентам, презиравший метафизические тонкости и считавший Декларацию прав человека столь же абсурдной, как и любую другую догматическую религию, завершил новую ориентацию, сформулировав окончательный критерий политических институтов в виде принципа полезности. Отныне акцент был перенесен с права индивида осуществлять свою свободу по своему усмотрению на целесообразность беспрепятственного осуществления свободы обществом.

Это значительное изменение. Это разница между всеобщим и равным гражданством Франции с ее пятью миллионами крестьян-собственников и организованным неравенством Англии, прочно основанным на классовых традициях и классовых институтах; переход от надежды к смирению, от огня и страсти века безграничных перспектив к монотонному ритму заводского двигателя, от Тюрго и Кондорсе к меланхолическому математическому кредо Бентама, Рикардо и Джеймса Милля. Человечество обладает, по крайней мере, тем превосходством над своими философами, что великие движения исходят из сердца и воплощают веру, а не приятные корректировки гедонистических расчетов. Таким образом, во имя прав собственности Франция за три года отменила огромное количество прав собственности, которые при старом режиме отнимали у крестьянина часть продуктов его труда, и социальная трансформация пережила целый мир политических перемен. В Англии благая весть о демократии была принесена слишком осторожно, чтобы достичь ушей лани в борозде или пастуха на холме; произошли политические перемены без социальных преобразований. Доктрина полезности, хотя и является острой в сфере политики, не предполагает существенного вмешательства в основы социальной структуры. Ее сторонники были в основном озабочены устранением политических злоупотреблений и правовых аномалий. Они атаковали синекуры, пенсии, уголовный кодекс и судебную процедуру. Но они затронули только поверхность социальных институтов. Они считали чудовищной несправедливостью, что гражданин должен платить одну десятую часть своего дохода в виде налогов бездействующему правительству, но вполне разумно, что он должен платить одну пятую часть в виде арендной платы праздному домовладельцу.

Разница, тем не менее, заключалась в акценте и экспрессии, а не в принципе. На практике очень мало имело значения, объявлялись ли частная собственность и неограниченная экономическая свобода, как во Франции, естественными правами, или же, как в Англии, они просто раз и навсегда признавались целесообразными. В любом случае они считались само собой разумеющимися как основы, на которых должна была основываться социальная организация, и по поводу которых дальнейшие рассуждения были недопустимы. Хотя Бентам утверждал, что права проистекают из полезности, а не из природы, он не заходил в своем анализе так далеко, чтобы утверждать, что любое конкретное право относится к какой-либо конкретной функции, и, таким образом, без разбора одобрял права, которые не сопровождались оказанием услуг, а также права, которые были. Короче говоря, избегая фразеологии естественных прав, английские утилитаристы сохранили нечто похожее на их суть. Ибо они исходили из того, что частная собственность на землю и частная собственность на капитал были естественными институтами, и действительно дали им новую жизнь, доказав, к их собственному удовлетворению, что результатом их постоянного применения должно быть социальное благополучие. Их негативное учение было так же важно, как и их позитивное. Это был проводник, который отводил молнию. За их политической теорией, за практическим поведением, которое, как всегда, продолжает выражать теорию еще долгое время после того, как она была дискредитирована в мире мысли, лежит признание абсолютных прав на

собственность и экономическую свободу в качестве неоспоримого центра социальной организации.

Результат такого отношения был судьбоносным. Мотивом и источником вдохновения Либерального движения восемнадцатого века была атака на привилегии. Но кредо, изгнавшее призрак аграрного феодализма, преследующий деревни *изамки* во Франции, было бессильно разоружить нового великана индустриализма, который протягивал свои конечности на севере Англии. Когда, лишенный своего великолепия и иллюзий, либерализм восторжествовал в Англии в 1832 году, он без всякой критики перенес в новый мир капиталистической промышленности категории частной собственности и свободы заключения договоров, которые были созданы в более простых экономических условиях доиндустриальной эпохи. В Англии эти категории искажаются до тех пор, пока их больше нельзя будет распознать, и со временем они станут безвредными. В Америке, где необходимость вынудила кристаллизовать принципы в конституции, они обладают жесткостью железной рубашки. Великолепные формулы, в которых общество фермеров и мастеров-ремесленников закрепило свою философию свободы, рискуют стать оковами, используемыми англосаксонской бизнес-аристократией для сковывания повстанческих движений со стороны иммигрантов и полукрабского пролетариата.

III

ОБЩЕСТВО СТЯЖАТЕЛЬСТВА

На практике эта доктрина была дополнена определенными ограничениями для предотвращения конкретных бедствий и реагирования на исключительные чрезвычайные ситуации. Но в особых случаях она ограничена именно потому, что ее общая значимость считается неоспоримой, и вплоть до кануна нынешней войны это была рабочая вера современной экономической цивилизации. Это подразумевает, что основа общества заключается не в функциях, а в правах; что права не выводимы из выполнения функций, так что приобретение богатства и пользование собственностью зависят от оказания услуг, но что индивид вступает в мир, обладая правами на свободное распоряжение своей собственностью и достижение своих экономических личных интересов, и что эти права предшествуют любой услуге, которую он может оказать, и независимы от нее. Действительно, предполагается, что результатом их осуществления будет служение обществу. Но это не первичный мотив и критерий трудолюбия, а вторичное следствие, возникающее случайно в результате осуществления прав, следствие, которое действительно достигается на практике, но которого никто не добивается. Это не конечная цель экономической деятельности или стандарт, по

которому о ней судят, а побочный продукт, поскольку каменноугольная смола является побочным продуктом производства газа; независимо от того, появляется этот побочный продукт или нет, не предлагается отказываться от самих прав. Ибо они рассматриваются не как условное доверие, а как собственность, которая действительно может уступить место особым требованиям чрезвычайных ситуаций, но которая возобновляет свое влияние, когда чрезвычайная ситуация заканчивается, и в обычное время не подлежит обсуждению.

Эта концепция широко распространена в истории девятнадцатого века, как в Англии, так и в Америке. Доктрина, которую оно унаследовало, заключалась в том, что собственность принадлежит по абсолютному праву на индивидуальной основе, и к этому основному принципу оно добавило другую, которая в принципе может быть прослежена далеко в истории, но которая достигла своего полного расцвета только после подъема капиталистической промышленности, а именно, что общества действуют несправедливо и неразумно, когда ограничивают возможности экономического предпринимательства. Следовательно, каждая попытка навязать обязательства в качестве условия владения собственностью или осуществления экономической деятельности наталкивалась на бескомпромиссное сопротивление. История борьбы между гуманитарными чувствами и теорией собственности, пришедшей из восемнадцатого века, хорошо известна. Никто не забыл о противодействии, выдвинутом во имя прав собственности фабричному законодательству, жилищной реформе, вмешательству в фальсификацию товаров, даже обязательной санитарной обработке частных домов. "Могу ли я не делать со своими собственными то, что мне нравится?" таков был ответ на предложение требовать от владельцев заводов и домов минимальных стандартов безопасности и санитарии. Даже по сей день, в то время как английский городской землевладелец может ограничить или исказить развитие целого города, удерживая землю только по завышенным ценам, английские муниципалитеты не имеют достаточных полномочий для принудительной покупки и должны либо платить бешеные деньги, либо видеть тысячи своих членов перенаселенными. Вся совокупность процедур, с помощью которых они могут приобретать землю или даже новые полномочия любого рода, была тщательно разработана юристами для защиты владельцев собственности от возможности того, что их частные права могут быть подчинены общественным интересам, поскольку их права считаются первичными и абсолютными, а общественные интересы вторичными и условными.

Никому не нужно лишний раз напоминать о влиянии той же доктрины на сферу налогообложения. Таким образом, подоходный налог был отменен в качестве временной меры, поскольку нормальное общество считалось таким, в котором индивид тратил весь свой доход на себя и не имел никаких обязательств перед обществом в связи с этим. Смертные пошлины были осуждены как грабеж, поскольку они подразумевали, что право на получение пособия по наследству зависит от социальной санкции. Бюджет 1909 года вызвал бурю не потому, что налогообложение земли было тяжелым — в сумме земельные налоги были ничтожными, — а потому, что считалось, что он включает доктрину о том, что собственность не является абсолютным правом, но что оно может должным образом сопровождаться особыми обязательствами, доктрину, которая, если довести ее до логического завершения, разрушит ее святость, сделав собственностью уже не абсолютной, а условной.

Такой вывод кажется неприемлемым влиятельной части общественного мнения, поскольку оно привыкло рассматривать свободное распоряжение собственностью и неограниченную эксплуатацию экономических возможностей как абсолютные и безусловные права. В целом, до недавнего времени у этого мнения было мало противников, которых нельзя было игнорировать. Как следствие, сохранение прав собственности не подвергалось серьезной угрозе даже в тех случаях, когда очевидно, что их осуществление не приносит никакой пользы, прямо или косвенно. Никто не предполагает, что владелец городской земли выполняет *в качестве* собственника какие-либо функции. У него есть право на частное налогообложение, вот и все. Но частная собственность на городскую землю сегодня так же безопасна, как и столетие назад; и лорд Хью Сесил в своей интересной маленькой книге о консерватизме заявляет, что независимо от того, вредна частная собственность или нет, общество не может вмешиваться в нее, потому что вмешиваться в нее - значит воровать, а воровство - это зло. Никто не предполагает, что для общественного блага большие площади земли должны использоваться под парки и охотничьи угодья. Но наши сельские джентльмены по-прежнему плотно оседают в своих деревнях и по-прежнему убивают их тысячами. Никто не может утверждать, что монополист побуждается "невидимой рукой" служить общественным интересам. Но в значительной области промышленности конкуренция, как показывает недавний отчет о трастах, была заменена объединением, а объединениям предоставлена такая же неограниченная свобода, как и отдельным лицам, в использовании экономических возможностей. Никто на самом деле не верит, что добыча угля зависит от выплаты лицензионных платежей за добычу полезных ископаемых или что суда не будут ходить туда-сюда, если судовладельцы не смогут зарабатывать пятьдесят процентов на их капитал. Но угольные шахты, или, скорее, угольщик, по-прежнему платит авторские отчисления, а судовладельцы по-прежнему сколачивают состояния и становятся равными.

В тот самый момент, когда все говорят о важности увеличения производства материальных благ, последний вопрос, который, по-видимому, приходит в голову любому государственному деятелю, заключается в том, почему богатство должно быть растрчено на бесполезную деятельность и на расходы, которые либо непропорциональны службе, либо вообще не предназначены для каких-либо услуг. Действительно, настолько укоренившейся стала практика оплаты в силу прав собственности, даже без намека на оказание какой-либо услуги, что, когда в условиях чрезвычайного положения в стране предлагается добывать нефть из земли, правительство фактически предлагает, чтобы каждый галлон платил налог землевладельцам, которые никогда даже не подозревали о его существовании, и простодушные собственники полны болезненного удивления при любом сомнении, несет ли нация моральное обязательство выделять их и дальше. Такие права, строго говоря, являются привилегиями. Под определением привилегии понимается право, к которому не прилагается соответствующая функция.

Короче говоря, считается, что пользование собственностью и руководство промышленностью не требуют социального обоснования, поскольку они рассматриваются как права, основанные на их собственной ценности, а не функции, о которых следует судить по успеху, с которым они способствуют достижению социальной цели. Сегодня эта доктрина, пусть и интеллектуально дискредитированная, все еще является практической основой социальной организации. Насколько медленно она уступает даже самой настойчивой демонстрации своей неадекватности, показывает отношение руководителей делового мира к ограничениям, наложенным на экономическую деятельность во время войны. Контроль над железными дорогами, шахтами и судоходством, распределение сырья через государственный

департамент, а не через конкурирующих торговцев, регулирование цен, попытки пресечь "спекуляцию" — детальное применение этих мер могло быть эффективным или неэффективным, мудрым или неблагоразумным. Действительно, очевидно, что некоторые из них были глупыми, как, например, ограничение импорта, когда миру предстоит восстанавливать разрушения в течение пяти лет, и что другие, хотя и здравые по замыслу, были сомнительны в своем исполнении. Если бы на них напали на том основании, что они препятствуют эффективному выполнению функций, — если бы лидеры отрасли выступили вперед и сказали в целом, как некоторые, к их чести, сделали: "Мы принимаем вашу политику, но мы улучшим ее выполнение; мы желаем оплаты услуг и только услуг и поможем государству следить за тем, чтобы оно не платило ни за что другое", — могли бы возникнуть разногласия относительно фактов, но их не могло быть в отношении принципа.

Однако в действительности тяжесть обвинений, выдвигаемых против этих ограничений, как правило, оказывается прямо противоположной. Большинство их критиков осуждают их не потому, что они ограничивают возможность служения, а потому, что они уменьшают возможность получения прибыли, не потому, что они мешают торговцу обогащать общество, а потому, что они затрудняют ему обогащение самому; короче говоря, не потому, что они не смогли превратить экономическую деятельность в социальную функцию, а потому, что они были слишком близки к успеху. Если доверять финансовому консультанту Угольного контролера, то акционеры угольных шахт, по-видимому, неплохо преуспели во время войны. Но предложение ограничить их прибыль 1/2 доллара за тонну лорд Гейнфорд назвал "чистым грабежом и конфискацией". За некоторыми почетными исключениями требуется, чтобы в будущем, как и в прошлом, директора промышленности были свободны обращаться с ней как с предприятием, осуществляемым для их собственного удобства или продвижения, вместо того, чтобы быть вынужденными, как они были частично вынуждены во время войны, подчинять ее социальной цели. Ибо признать, что критерием торговли и промышленности является ее успех в достижении социальной цели, означает сразу же превратить собственность и экономическую деятельность из прав, которые являются абсолютными, в права, которые являются условными и производными, поскольку это означает утверждать, что они относительно к функциям и что они могут быть справедливо аннулированы, когда функции не выполняются. Короче говоря, это означает, что собственность и экономическая деятельность существуют для достижения целей общества, тогда как до сих пор в мире бизнеса общество рассматривалось как существующее для достижения этих целей. Для тех, кто занимает свое положение не как функционеры, а благодаря своим успехам в том, чтобы заставить промышленность вносить вклад в их собственное богатство и общественное влияние, такое изменение средств и целей кажется немногим меньшим, чем революция. Ибо это означает, что они должны оправдывать перед общественным судом права, которые они до сих пор считали само собой разумеющимися как часть порядка, не поддающегося критике.

На протяжении большей части девятнадцатого века значение противопоставления двух принципов - прав личности и социальных функций - маскировалось доктриной о неизбежной гармонии между частными интересами и общественным благом. Утверждалось, что конкуренция является эффективной заменой честности. Сегодня эта вспомогательная доктрина разлетелась на куски под воздействием критики; мало кто сейчас стал бы исповедовать приверженность сочетанию экономического оптимизма и морального банкротства, которое побудило экономиста девятнадцатого века сказать: "Жадность сдерживается жадностью, а стремление к наживе само устанавливает границы". Однако склонность рассматривать права

личности как центр и стержневую точку общества по-прежнему остается наиболее мощным элементом политической мысли и практической основой промышленной организации. Кропотливое опровержение доктрины о том, что частные и общественные интересы взаимосвязаны и что любовь человека к себе является Божьим Провидением, которая служила оправданием поклонения экономическому эгоизму в прошлом веке, на самом деле принесло удивительно незначительные результаты. Экономическому эгоизму все еще поклоняются; и ему поклоняются потому, что эта доктрина на самом деле не была центром позиции. Это было внешнее сооружение, а не цитадель, и теперь, когда внешнее сооружение захвачено, цитадели еще предстоит победить.

То, что придает особое качество и характер промышленной системе, созданной за последние полтора столетия, ее прочность и сплоченность, - это не ее опровергнутая теория экономической гармонии. Это доктрина о том, что экономические права предшествуют экономическим функциям и независимы от них, что они существуют сами по себе и не нуждаются в более высоких рекомендациях. Практическим результатом этого является то, что экономические права сохраняются независимо от того, выполняются экономические функции или нет. Сегодня они сохраняются в более угрожающей форме, чем в эпоху раннего индустриализма. Ибо те, кто контролирует промышленность, больше не конкурируют, а объединяются, и соперничество между собственностью на капитал и собственностью на землю давно закончилось. Основой Нового консерватизма, по-видимому, является решимость организовать общество таким образом, как посредством политических, так и экономических действий, чтобы обезопасить его от любых попыток погасить платежи, которые производятся не за обслуживание, а потому, что владельцы обладают правом извлекать доход без этого. Отсюда слияние двух традиционных партий, предлагаемое "усиление" второй палаты, возвращение к протекционизму, быстрое обращение промышленников-конкурентов к преимуществам монополии и попытки откупиться уступками от более влиятельной части рабочего класса. Революции, как показывает долгий и горький опыт, склонны черпать свой цвет из режима, который они свергают. Стоит ли удивляться, что кредо, утверждающее абсолютные права собственности, иногда наталкивается на контрподтверждение абсолютных прав труда, на самом деле менее антисоциальное и бесчеловечное, но почти такое же догматичное, почти такое же нетерпимое и бездумное, как и оно само?

Общество, которое стремилось поставить приобретение богатства в зависимость от выполнения социальных обязательств, которое стремилось соразмерить вознаграждение со службой и отказывало в нем тем, кто никакой службы не выполнял, которое в первую очередь интересовалось не тем, чем люди обладают, а тем, что они могут произвести, созидать или достигать, можно было бы назвать функциональным обществом, потому что в таком обществе основным предметом социального внимания было бы выполнение функций. Но такого общества не существует, даже как отдаленного идеала, в современном мире, хотя нечто подобное висело в умах людей в прошлом как нереализованная теория. Современные общества стремятся защитить экономические права, предоставляя экономическим функциям, за исключением моментов чрезвычайной ситуации, самим выполнять себя. Мотивом, придающим окраску и

качество их общественным институтам, их политике и политическому мышлению, является не попытка обеспечить выполнение задач, поставленных на государственной службе, а увеличение возможностей, открытых перед отдельными лицами для достижения целей, которые они считают выгодными для себя. Если бы их спросили, какова цель или критерий социальной организации, они дали бы ответ, напоминающий формулу "наибольшее счастье для наибольшего числа". Но сказать, что целью социальных институтов является счастье, значит сказать, что у них вообще нет общей цели. Ибо счастье индивидуально, и сделать счастье целью общества - значит разделить само общество на амбиции бесчисленных индивидуумов, каждый из которых направлен на достижение какой-то личной цели.

Такие общества можно назвать обществами приобретения, потому что вся их тенденция, интерес и озабоченность направлены на содействие приобретению богатства. Привлекательность этой концепции, должно быть, очень велика, поскольку она подчинила себе весь современный мир. С тех пор как Англия впервые открыла возможности индустриализма, она набирала силу за силой, и по мере того, как индустриальная цивилизация вторгается в страны, доселе удаленные от нее, по мере того, как Россия, Япония, Индия и Китай втягиваются в ее орбиту, каждое десятилетие наблюдается новое расширение ее влияния. Секрет его триумфа очевиден. Это приглашение людям использовать силы, которыми их наделила природа или общество, с помощью умения или энергии, безжалостного эгоизма или просто удачи, не задаваясь вопросом, существует ли какой-либо принцип, которым их применение должно быть ограничено. Она предполагает социальную организацию, которая определяет возможности, которыми фактически должны обладать различные классы, и концентрирует внимание на праве тех, кто обладает или может приобрести власть, наиболее полно использовать ее для своего собственного саморазвития. Сосредоточив внимание людей не на выполнении социальных обязательств, что ограничивает их энергию, поскольку определяет цель, на которую она должна быть направлена, а на осуществлении права преследовать свои собственные интересы, это открывает неограниченные возможности для приобретения богатства и, следовательно, дает волю одному из самых мощных человеческих инстинктов. Сильным это сулит неограниченную свободу для проявления своей силы; слабым - надежду на то, что они тоже однажды станут сильными. Перед глазами обоих предстает золотой приз, которого не все могут достичь, но к которому каждый может стремиться, - чарующее видение бесконечного расширения. Это убеждает людей в том, что нет иных целей, кроме их собственных, нет иного закона, кроме их желаний, нет иных ограничений, кроме тех, которые они считают целесообразными. Таким образом, это делает человека центром его собственной вселенной и превращает моральные принципы в выбор целесообразности. И это чрезвычайно упрощает проблемы социальной жизни в сложных сообществах. Ибо это избавляет их от необходимости проводить различие между различными видами экономической деятельности и различными источниками богатства, между предприимчивостью и алчностью, энергией и беспринципной жадностью, законной собственностью и собственностью, являющейся воровством, справедливым пользованием плодами труда и праздным паразитизмом, обусловленным рождением или состоянием, потому что это рассматривает все виды экономической деятельности как стоящие на одном уровне, и предполагает, что избыток или дефект, расточительство или излишество не требуют сознательного усилия социальной воли, чтобы предотвратить их, но исправляются почти автоматически механической игрой экономических сил.

Под влиянием таких идей люди не становятся религиозными, мудрыми или артистичными; ибо религия, мудрость и искусство подразумевают принятие ограничений. Но они становятся могущественными и богатыми. Они наследуют землю и меняют облик природы, если у них нет собственной души; и у них есть та видимость свободы, которая заключается в отсутствии препятствий между возможностями для самосовершенствования и теми, кого рождение, богатство, талант или удача поставили в положение воспользоваться ими. Ни отдельным людям, ни обществу не составляет труда достичь своей цели, если эта цель достаточно ограничена и непосредственна, и если они не отвлекаются от ее достижения другими соображениями. Характер, который посвящает себя развитию возможностей и оставляет обязательства заботиться о себе, направлен на достижение цели, которая одновременно проста и осуществима. Восемнадцатый век определил это. Двадцатый век в значительной степени достиг этого. Или, если он этого не достиг, он, по крайней мере, осознал возможности этого достижения. Национальный объем производства материальных благ на душу населения, по оценкам, в 1914 году составлял примерно 200 долларов. Если человечество не решит продолжать приносить процветание в жертву амбициям и ужасам национализма, вполне возможно, что к 2000 году оно удвоится.

IV

НЕМЕЗИДА ИНДУСТРИАЛИЗМА

Такое счастье не так уж далеко от достижения. Однако в ходе достижения этой цели мир столкнулся с рядом неожиданных последствий, которые являются причиной его *недомогания*, поскольку ограничение экономических возможностей было причиной социального *недомогания* в восемнадцатом веке. И эти последствия не являются, как часто предполагают, случайными ошибочными корректировками, а естественным образом вытекают из его доминирующего принципа: так что в некотором смысле причиной его замешательства является не его неудача, а качество его успеха, а сам его свет - своего рода тьма. Воля к экономической власти, если она достаточно целеустремленна, приносит богатство. Но если оно целеустремленно, оно разрушает моральные ограничения, которые должны были бы обуславливать погоню за богатством, и, следовательно, также делает погоню за богатством бессмысленной. Ибо то, что придает смысл экономической деятельности, как и любой другой деятельности, - это, как мы уже говорили, цель, на которую она направлена. Но вера, на которой зиждется наша экономическая цивилизация, вера в то, что богатство - это не средство, а цель, подразумевает, что любая экономическая деятельность в равной степени заслуживает оценки, независимо от того, подчинена она социальной цели или нет. Следовательно, он отделяет

выгоду от служения и оправдывает вознаграждения, ради которых не выполняется никакая функция или которые совершенно несоразмерны ей. Богатство в современных обществах распределяется в соответствии с возможностями; и хотя возможности частично зависят от таланта и энергии, в еще большей степени они зависят от рождения, социального положения, доступа к образованию и унаследованного богатства; одним словом, от собственности. Ибо талант и энергия могут создавать возможности. Но собственности нужно только ждать этого. Именно спящий партнер получает дивиденды, которые производит фирма, а оставшийся наследник всегда претендует на свою долю в наследстве.

Поскольку вознаграждение отделено от услуг, так что больше всего ценятся не богатства, полученные в обмен на труд, а богатства, экономическое происхождение которых, считаясь грязным, скрывается, отсюда следуют два результата. Первый - это создание класса пенсионеров в промышленности, которые взимают пошлину с ее продукции, но ничего не вносят в ее увеличение, и которых не просто терпят, но которым аплодируют, которыми восхищаются и которых защищают с усердной заботой, как будто секрет процветания заключен в них. Ими восхищаются, потому что в отсутствие какого-либо принципа дискриминации между доходами, которые являются оплатой функций, и доходами, которые таковыми не являются, все доходы, просто потому, что они представляют богатство, находятся на одном уровне оценки и оцениваются исключительно по их величине, так что во всех обществах, принявших индустриализм, есть верхний слой, который претендует на получение удовольствия от социальной жизни, в то время как он отказывается от своих обязанностей. *Рантье* и его привычки, какими знакомыми они были в Англии до войны! Государственная школа, затем клубная жизнь в Оксфорде и Кембридже, а затем еще один клуб в городе; Лондон в июне, когда в Лондоне приятно, вересковые пустоши в августе и фазаны в октябре, Канны в декабре и охота в феврале и марте; и целый мир восходящей буржуазии, стремящейся подражать им, старающейся, чтобы их дорогие часы показывали время по этому нелепому календарю!

Вторым следствием является деградация тех, кто трудится, но кто своим трудом не получает большого вознаграждения; то есть подавляющего большинства человечества. И эта деградация неизбежно вытекает из отказа людей отводить цели труда первое место в своих размышлениях о нем. Когда они делают это, когда их умы сосредоточены на том факте, что смысл труда заключается в служении человеку, все, кто трудится, кажутся им достойными уважения, потому что все, кто трудится, служат, а различие, отделяющее тех, кто служит, от тех, кто просто тратит, настолько важно и фундаментально, что стирает все незначительные различия, основанные на различиях в доходах. Но когда критерий функции забывается, единственным критерием, который остается, является критерий богатства, а Общество стяжательства почитает обладание богатством, как Функциональное общество почитало бы, даже в лице самого скромного и трудолюбивого ремесленника, искусство созидания.

Таким образом, богатство становится основой общественного уважения, и масса людей, которые трудятся, но не приобретают богатства, считаются вульгарными, бессмысленными и ничтожными по сравнению с теми немногими, кто приобретает богатство благодаря счастливой случайности или умелому использованию экономических возможностей. На них начинают смотреть не как на цели, ради которых вообще стоит производить богатство, а как на инструменты его приобретения миром, который отказывается оскверняться контактом с тем, что считается скучным и убогим занятием - трудом. Они несчастливы, ибо наградой за все, кроме самого ничтожного, являются не просто деньги, но уважение их собратьев, и они знают, что их

не ценят, как, например, ценят солдат, хотя именно потому, что они отдают свои жизни созданию цивилизации, существует цивилизация, защищать которую солдатам стоит. Их не уважают, потому что восхищение общества направлено на тех, кто получает, а не на тех, кто отдает; и хотя рабочие отдают много, они мало получают. И *рантье*, которых они поддерживают, несчастливы; ибо, отбросив идею функции, которая ограничивает приобретение богатства, они также отбросили принцип, который один придает богатству смысл. Следовательно, до тех пор, пока они не смогут убедить себя в том, что быть богатыми само по себе достойно уважения, они могут купаться в общественном восхищении, но они неспособны уважать самих себя. Ибо они отменили принцип, который делает деятельность значимой и, следовательно, достойной уважения. Они, действительно, более достойны сожаления, чем некоторые из тех, кто им завидует. Ибо, подобно духам в Аду, они наказываются достижением своих желаний.

Общество, управляемое этими представлениями, неизбежно становится жертвой иррационального неравенства. Чтобы избежать такого неравенства, необходимо признать, что существует некоторый принцип, который должен ограничивать выгоды определенных классов и конкретных индивидов, поскольку выгоды, получаемые из определенных источников или превышающие определенные суммы, являются незаконными. Но такое ограничение подразумевает стандарт дискриминации, который несовместим с предположением, что каждый человек имеет право на то, что он может получить, независимо от какой-либо оказанной за это услуги. Таким образом, привилегия, которая должна была быть изгнана Евангелием 1789 года, возвращается в новом обличье, порождение уже не неравных юридических прав, препятствующих естественному осуществлению равных способностей рук и разума, а неравных полномочий, проистекающих из осуществления равных прав в мире, где собственность и унаследованное богатство, а также аппарат классовых институтов сделали возможности неравными. Неравенство, опять же, приводит к неправильному направлению производства. Ибо, поскольку спрос на один доход в 50 000 фунтов стерлингов является таким же мощным магнитом, как и спрос на 500 доходов в 100 фунтов стерлингов, он отвлекает энергию от создания богатства к умножению предметов роскоши, так что, например, в то время как десятая часть населения Англии перенаселена, значительная часть из них занята не восполнением этого дефицита, а строительством отелей для богатых людей, роскошных яхт и автомобилей, подобных тому, который используется государственным секретарем по военным делам, "с внутренним убранством, инкрустированным серебром из красного дерева в четвертинках и обитым палевой замшей и сафьяном". "который недавно был куплен капиталистом из пригорода, чтобы поощрять полезные отрасли промышленности и порицать общественную расточительность примером частной экономии, за ничтожную сумму в 14 000 долларов.

Таким образом, часть товаров, производимых ежегодно и называемых богатством, является, строго говоря, расточительством, поскольку она состоит из предметов, которые, хотя и считаются частью дохода нации, либо не должны были производиться до тех пор, пока другие предметы уже были произведены в достаточном изобилии, либо вообще не должны были производиться. И некоторая часть населения занята производством товаров, которые ни один человек не может производить со счастьем или даже без потери самоуважения, потому что он знает, что лучше бы их не производили; и что его жизнь потрачена впустую на их создание. Все признают, что армейский подрядчик, который во время войны нанял несколько сотен землекопателей для рытья искусственного озера на своей территории, не прибавлял, а отнимал богатство нации. Но в мирное время многие сотни тысяч рабочих, если они не копают пруды,

выполняют работу, которая одинаково глупа и расточительна; хотя в мирное время, как и на войне, есть важная работа, которая ждет своего завершения и которой пренебрегают. Этим пренебрегают, потому что, хотя эффективный спрос мужской массы слишком мал, существует небольшой класс, который носит несколько мужских нарядов, обедает за несколько мужских блюд, занимает дома нескольких семей и живет жизнью нескольких мужчин. До тех пор, пока меньшинство имеет настолько большой доход, что часть его, если оно вообще тратится, приходится тратить на мелочи, до тех пор часть человеческой энергии и механического оборудования нации будет отвлекаться от серьезной работы, которая ее обогащает, на изготовление мелочей, которые ее обедняют, поскольку их можно производить только ценой отказа от производства других вещей. И если пэры и миллионеры, которые сейчас проповедуют обязанность производства шахтерам и портовым рабочим, желают, чтобы производилось больше богатства, а не расточительства, то простейший способ, которым они могут достичь своей цели, - это передать обществу все свои доходы, превышающие (скажем) 5000 долларов в год, чтобы они могли быть потрачены на устройство к работе не садовников, шоферов, домашней прислуги и владельцев магазинов в Вест-Энде Лондона, а строителей, механиков и учителей.

Поэтому тем, кто кричит, как многие сейчас делают: "Производите! Производите!", можно задать один простой вопрос: "Что производить?" Еда, одежда, комната в доме, искусство, знания? Непременно! Но если нация скудно снабжена этими вещами, не лучше ли ей прекратить производить множество других, которые заполняют витрины магазинов на Риджент-стрит? Если оно желает переоснастить свою промышленность машинами, а железные дороги - вагонами, не лучше ли ему воздержаться от проведения выставок, призванных побудить богатых людей переоснастить себя автомобилями? Что может быть более ребяческим, чем настаивать на необходимости увеличения производительной силы, если часть уже существующей производительной силы используется не по назначению? Не является *лименьшее* производство бесполезных вещей столь же важным, сколь и условием *большого* производства важных вещей? Разве призыв "Тратить меньше на предметы личной роскоши" не был бы таким же мудрым, как призыв "производить больше"? Однако этот результат неравенства, опять же, является явлением, которое не может быть предотвращено, или остановлено, или даже признано обществом, которое исключает идею цели из своих социальных механизмов и производственной деятельности. Ибо признать это - значит признать, что существует принцип, превосходящий механическую игру экономических сил, который должен определять относительную важность различных занятий, и, таким образом, отказаться от мнения, что любое богатство, каким бы составным оно ни было, является целью и что любая экономическая деятельность в равной степени оправдана.

Отказ от идеи цели влечет за собой еще одно последствие, о котором все сожалеют, но которое никто не может предотвратить, кроме как отказавшись от веры в то, что свободное осуществление прав является главным интересом общества, а выполнение обязательств - второстепенным и случайным следствием, о котором можно позаботиться само собой. Она заключается в том, что общественная жизнь превращена в арену ожесточенных антагонизмов и что значительная часть промышленности осуществляется в промежутках между замаскированными социальными войнами. Идея о том, что промышленный мир может быть обеспечен простым проявлением такта и снисходительности, основана на идее о том, что

между различными группами, участвующими в нем, существует фундаментальная идентичность интересов, которая иногда прерывается прискорбными недоразумениями. И та, и другая идея являются иллюзией. Споры, которые имеют значение, вызваны не непониманием идентичности интересов, а лучшим пониманием разнообразия интересов. Хотя формальное объявление войны является эпизодом, условия, вытекающие из объявления войны, постоянны; и то, что делает их постоянными, - это концепция промышленности, которая также делает постоянными неравенство и неэффективные доходы. Это отрицание того, что промышленность имеет какую-либо цель, кроме удовлетворения тех, кто в ней занят.

Этот мотив порождает промышленную войну не как прискорбный инцидент, а как неизбежный результат. Она порождает промышленную войну, потому что ее учение состоит в том, что каждый индивид или группа имеет право на то, что они могут получить, и отрицает существование какого-либо принципа, отличного от рыночного механизма, который определяет, что они должны получить. Ибо, поскольку доход, доступный для распределения, ограничен и поскольку, следовательно, при переходе определенных пределов то, что приобретает одна группа, должна потерять другая группа, очевидно, что если относительные доходы различных групп не должны определяться их функциями, то для их определения не остается иного метода, кроме взаимного самоутверждения. Личный интерес, действительно, может заставить их воздерживаться от использования всей своей силы для отстаивания своих требований, и, поскольку это происходит, мир в промышленности обеспечивается, как люди пытались обеспечить его в международных делах, балансом сил. Но поддержание такого мира зависит от оценки его участников в том, что им больше терять, чем приобретать в результате открытой борьбы, и не является результатом их принятия какого-либо стандарта вознаграждения в качестве справедливого урегулирования их претензий. Следовательно, оно ненадежно, неискренне и коротко. Это не имеет конца, потому что не может быть конца в простом увеличении дохода, так же как и в удовлетворении любого другого желания получить материальные блага. Когда требования удовлетворяются, старая борьба возобновляется на новом уровне и будет возобновляться всегда, пока люди стремятся положить ей конец простым повышением вознаграждения, а не поиском принципа, на котором должно основываться все вознаграждение, большое или малое.

Такой принцип предлагается идеей функции, поскольку его применение устранило бы излишки, являющиеся предметом споров, и сделало бы очевидным, что вознаграждение основано на услуге, а не на случайности, привилегии или праве использовать возможности для заключения жесткой сделки. Но идея функции несовместима с доктриной о том, что каждый человек и организация имеют неограниченное право использовать свои экономические возможности так полно, как им заблагорассудится, что является рабочей верой современной промышленности; и, поскольку это не принято, люди смиряются с решением проблемы силой или предлагают, чтобы государство заменило силу частных ассоциаций применением своей силы, как будто отсутствие принципа может быть компенсировано новым видом механизмов. И все же истинная причина промышленных войн всегда так же проста, как и истинная причина международных войн. Она заключается в том, что если люди не признают закон выше своих желаний, то они должны сражаться, когда их желания сталкиваются. Ибо, хотя группы или нации, находящиеся в конфликте друг с другом, могут быть готовы подчиниться принципу, который превосходит их обоих, нет причин, по которым они должны подчиняться друг другу.

Следовательно, популярная среди богатых людей идея о том, что производственные споры исчезли бы, если бы только производство богатства удвоилось и каждый жил бы в два раза богаче, не только опровергается всем практическим опытом, но и по самой своей природе основана на иллюзии. Ибо вопрос заключается не в количестве, а в пропорциях; и мужчины будут бороться за то, чтобы им платили 120 долларов в неделю вместо 80 долларов, с такой же готовностью, как они будут бороться за то, чтобы им платили 20 долларов вместо 16 долларов, до тех пор, пока нет причин, по которым им следует платить 80 долларов вместо 120 долларов, и до тех пор, пока другим мужчинам, которые не работают, вообще ничего не платят. Если бы шахтеры требовали более высокой заработной платы, когда были бы устранены все излишние расходы при добыче угля, существовал бы принцип, с помощью которого можно было бы удовлетворить их требования, принцип, согласно которому одна группа рабочих не должна посягать на средства к существованию других. Но до тех пор, пока владельцы полезных ископаемых получают лицензионные платежи, а исключительно продуктивные рудники платят тридцать процентов. для отсутствующих акционеров нет обоснованного ответа на требование повышения заработной платы. Ибо, если общество вообще что-то платит тем, кто не работает, оно может позволить себе платить больше тем, кто работает. Следовательно, наивная жалоба о том, что рабочие никогда не бывают удовлетворены, строго справедлива. Это верно не только для рабочих, но и для всех классов общества, которое ведет свои дела по принципу, что богатство, вместо того чтобы быть пропорциональным функциям, принадлежит тем, кто может его получить. Они никогда не бывают удовлетворены и не могут быть удовлетворены. Поскольку до тех пор, пока они делают этот принцип руководством своей индивидуальной жизни и своего общественного устройства, ничто, кроме бесконечности, не может принести им удовлетворения.

Итак, и здесь преобладающее настаивание на правах и преобладающее пренебрежение функциями заводит людей в порочный круг, из которого они не могут вырваться, не избавившись от господствующей над ними ложной философии. Но это делает нечто большее. Благодаря этому сама эта философия кажется правдоподобной и воодушевляющей, а также правилом не только для промышленности, в которой она зародилась, но и для политики, культуры, религии и всего компаса социальной жизни. Возможность того, что один аспект человеческой жизни может быть настолько преувеличен, что затмит, а со временем и атрофирует, все остальные, стала известна англичанам на примере "прусского милитаризма". Милитаризм - это характеристика не армии, а общества. Его суть заключается не в каком-то определенном качестве или масштабе военной подготовки, а в состоянии ума, которое, концентрируясь на одном конкретном элементе социальной жизни, в конечном итоге приводит к его возвышению до тех пор, пока он не становится арбитром всех остальных. Цель, ради которой существуют вооруженные силы, забыта. Считается, что они действуют по своему собственному праву и не нуждаются ни в каких оправданиях. Вместо того, чтобы рассматриваться как инструмент, необходимый в несовершенном мире, они превращаются в объект суеверного почитания, как будто без них мир был бы бедным и безвкусным местом, так что политические институты и социальные устройства, интеллект, мораль и религия загоняются в форму, приспособленную для одной деятельности, которая в нормальном обществе является второстепенной, как полиция, содержание тюрем или чистка канализации, но которая в

милитаристском государстве является своего рода мистическим воплощением самого общества.

Милитаризм, как достаточно ясно видят англичане, - это поклонение фетишу. Это низвержение человеческих душ ниц перед идолом и растерзание их тел для умиротворения. Чего они не видят, так это того, что их преклонение перед экономической деятельностью, промышленностью и тем, что называется бизнесом, также является поклонением фетишу, и что в своей преданности этому идолу они мучают себя так же напрасно и предаются тем же бессмысленным выходкам, как пруссаки делали в своем поклонении милитаризму. За то, что военные традиции и дух сделали для Пруссии, в результате создания милитаризма, коммерческие традиции и дух сделали для Англии, в результате создания индустриализма. Индустриализм является не более необходимой характеристикой экономически развитого общества, чем милитаризм является необходимой характеристикой нации, которая содержит вооруженные силы. Это не более результат применения науки к промышленности, чем милитаризм является результатом применения науки к войне, и идея о том, что это нечто неизбежное в обществе, использующем уголь, железо и машины, так далека от истины, что сама по себе является продуктом извращения сознания, порождаемого индустриализмом. Люди могут использовать любые механические инструменты, какие им заблагорассудится, и от этого им не становится хуже. Что убивает их души, так это то, что они позволяют своим инструментам использовать *их*. Короче говоря, сущность индустриализма заключается не в каком-либо особом методе производства, а в особой оценке важности промышленности, которая приводит к тому, что она вообще считается единственной важной вещью, так что она возвышается из подчиненного места, которое она должна занимать среди человеческих интересов и видов деятельности, до уровня стандарта, по которому оцениваются все другие интересы и виды деятельности.

Когда член Кабинета министров заявляет, что величие этой страны зависит от объема ее экспорта, так что Францию, экспортировавшую сравнительно немного, и Елизаветинскую Англию, которая почти ничего не экспортировала, предположительно следует жалеть как совершенно низшие цивилизации, это индустриализм. Это смешение одной второстепенной сферы жизни с жизнью в целом. Когда фабриканты плачут и режут себя ножами из-за того, что предлагается, чтобы мальчики и девочки четырнадцати лет посещали школу восемь часов в неделю, а на президента Совета по образованию их опасения производят такое серьезное впечатление, что он сразу же разрешает сократить количество часов до семи, - это индустриализм. Это поклонение фетишу. Когда правительство получает деньги на войну, которая обходится в 28 000 000 долларов в день, закрывая музеи, которые обходятся в 80 000 долларов в год, это индустриализм. Это презрение ко всем интересам, которые явно не способствуют экономической деятельности. Когда Пресса кричит, что единственное, что необходимо для превращения этого острова в Аркадию, - это производительность, и еще больше производительности, и еще больше продуктивности, это индустриализм. Это смешение средств с целями.

Люди всегда будут путать средства с целями, если у них нет какого-либо четкого представления о том, что важны именно цели, а не средства, — если они позволят своему разуму ускользнуть от того факта, что именно социальная цель производства придает ему смысл и делает его вообще достойным продолжения. И когда они сделают это, они перевернут весь свой мир с ног на голову, потому что не видят полюсов, на которых он должен вращаться. Поэтому, когда, подобно

Англии, они полностью индустриализированы, они ведут себя как Германия, которая была полностью милитаризована. Они говорят так, как будто человек существует для промышленности, а не промышленность существует для человека, как пруссаки говорили о человеке, существующем для войны. Они негодуют на любую деятельность, которая не окрашена преобладающим интересом, потому что она кажется им конкурирующей. Поэтому они разрушают религию, искусство и мораль, которые не могут существовать, если они не бескорыстны; и, уничтожив все это, являющееся целью, ради промышленности, которая является средством, они превращают саму свою промышленность в то, чем они делают свои города, в пустыню неестественной тоски, которую только забывчивость может сделать терпимой, и которую только возбуждение может позволить им забыть.

Раздираемое подозрениями и взаимными обвинениями, жаждущее власти и забывающее об обязанностях, желающее мира, но неспособное "искать мира и обеспечить его", потому что не желающее отказываться от веры, которая является причиной войны, с чем можно сравнить такое общество, как не с международным миром, который также называют обществом и который также является социальным только по названию? И сравнение - это больше, чем игра слов. Это аналогия, уходящая корнями в исторические факты. Не случайно, что в последние два столетия, когда наблюдался новый рост новой системы промышленности, наблюдался также рост системы международной политики, которая достигла кульминации в период с 1870 по 1914 год. И то, и другое являются выражением одного и того же духа и движутся в соответствии со сходными законами. Суть первого заключалась в отрицании любого авторитета, стоящего выше индивидуального разума. Это оставляло людям свободу следовать своим собственным интересам, амбициям или аппетитам, не стесненным подчинением какому-либо общему центру лояльности. Суть последнего заключалась в отрицании любой власти, стоящей выше суверенного государства, которое опять же задумывалось как компактная самодостаточная единица — единица, которая утратила бы саму свою сущность, если бы утратила независимость от других государств. Точно так же, как первый освободил экономическую деятельность от сети устаревших традиций, так и другой освободил нации от произвольного подчинения чужеродным расам или правительствам и превратил их в национальности с правом самостоятельно определять свою судьбу.

Национализм, по сути, является у наций аналогом того, чем является индивидуализм внутри них. У него схожие истоки и тенденции, схожие победы и недостатки. Ибо национализм, как и индивидуализм, делает упор на правах отдельных единиц, а не на их подчинении общим обязательствам, хотя его единицами являются расы или нации, а не отдельные люди. Подобно индивидуализму, он апеллирует к инстинктам самоутверждения, которым обещает возможности неограниченной экспансии. Подобно индивидуализму, это сила огромной взрывоопасной мощи, справедливые притязания которой должны быть признаны, прежде чем станет возможным использовать какой-либо альтернативный принцип для управления ее действиями. Ибо никто не может навязать сверхнациональную власть раздраженным, недовольным или угнетенным национальностям так же, как никто не может подчинить экономические мотивы контролю общества, пока общество не признает, что существует сфера, которую они могут законно занимать. И, подобно индивидуализму, доведенный до логического завершения, он ведет к саморазрушению. Ибо как национализм в период своей блестящей юности начинается с утверждения, что нации, поскольку они духовные существа, должны определять сами себя, и слишком часто переходит в утверждение, что они должны доминировать над другими, так и индивидуализм начинается с утверждения права людей

делать из своей собственной жизни все, что они могут, и заканчивается потворствованием подчинению большинства людей тем немногим, кому удача, особые возможности или привилегии позволили наиболее успешно использовать свои права. Они поднялись вместе. Вполне вероятно, что если когда-нибудь они придут в упадок, то придут вместе. Ибо жизнь нельзя разделить на части. В конечном итоге мир пожинает в войне то, что он сеет в мире. И ожидать, что международное соперничество может быть искоренено до тех пор, пока промышленный порядок внутри каждой нации таков, что обеспечивает успех тем, чье существование является борьбой за самовозвеличивание, - это мечта, которая не имеет достоинства даже в том, чтобы быть красивой.

Итак, извращение национализма - это империализм, как извращение индивидуализма - это индустриализм. И извращение происходит не из-за какого-либо изъяна или порока в человеческой природе, а благодаря силе идеи, потому что принцип несовершенен и раскрывает свои недостатки по мере того, как он раскрывает свою силу. Ибо он утверждает, что права наций и отдельных лиц абсолютны, что неверно, вместо того, чтобы утверждать, что они абсолютны в своей собственной сфере, но что сама их сфера зависит от роли, которую они играют в сообществе наций и отдельных лиц, что верно. Таким образом, это вынуждает их к неограниченной экспансии, в ходе которой они пожирают континенты и океаны, закон, мораль и религию, и, наконец, свои собственные души, в попытке достичь бесконечности путем добавления к себе всего конечного. Тем временем их соперники, их подданные и они сами осознают опасность, исходящую от противостоящих сил, и стремятся обеспечить безопасность и избежать столкновения, установив баланс сил. Но равновесие, будь то в международной политике или в промышленности, неустойчиво, потому что оно зиждется не на общем признании принципа, которым ограничены притязания наций и отдельных лиц, а на попытке найти равновесие, которое может избежать конфликта, не откладывая предъявление неограниченных притязаний. Такого равновесия найти невозможно, потому что в мире, где возможности наращивания военной или промышленной мощи безграничны, такого равновесия существовать не может.

Таким образом, до тех пор, пока люди движутся по этому плану, решения нет. Они могут добиться мира, только отказавшись от притязаний на беспрепятственное осуществление своих прав, что является причиной войны. Короче говоря, то, что мы наблюдаем в течение последних пяти лет, как в международных делах, так и в промышленности, - это распад организации общества на основе прав, оторванных от обязанностей. Рано или поздно крах был неизбежен, потому что основа была слишком узкой. Ибо право - это просто власть, обеспеченная юридическими санкциями, "способность", как определяют ее юристы, "присущая одному человеку контролировать с помощью государства действия других", и право не должно быть абсолютным по той же причине, по которой власть не должна быть абсолютной. Без сомнения, лучше, чтобы отдельные люди имели абсолютные права, чем чтобы ими обладало государство или правительственная структура; и это была реакция против злоупотреблений абсолютной властью со стороны государства, которая привела в восемнадцатом веке к декларации абсолютных прав личности. Наиболее очевидной защитой от утверждения одной крайности было утверждение другой. Поскольку правительства и пережитки феодализма посягали на собственность отдельных лиц, утверждалось, что право собственности было абсолютным; поскольку они задушили предпринимательство, утверждалось, что каждый человек имеет естественное право вести свой бизнес так, как ему заблагорассудится. Но на самом деле и то, и другое утверждение ложны и, если применять их на практике, должны привести к катастрофе.

Государство не имеет абсолютных прав; они ограничены его осуществлением. Индивид не имеет абсолютных прав; они относительно к функции, которую он выполняет в сообществе, членом которого он является, потому что, если они не являются настолько ограниченными, последствия должны быть чем-то вроде частной войны. Короче говоря, все права условны и производны, потому что любая власть должна быть условной и производной. Они вытекают из цели общества, в котором они существуют. Они должны использоваться для содействия достижению этой цели, а не для того, чтобы помешать ей. И на практике это означает, что для того, чтобы общество было здоровым, люди должны рассматривать себя не как обладателей прав, а как попечителей для выполнения функций и инструментов достижения социальной цели.

V

СОБСТВЕННОСТЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

Применение принципа, согласно которому общество должно быть организовано на основе функций, не является загадочным, а простым и непосредственным. Прежде всего, он предлагает стандарт для проведения различия между теми видами частной собственности, которые являются законными, и теми, которые таковыми не являются. В течение последних полутора столетий политическая мысль колебалась между двумя концепциями собственности, обе из которых, по-своему, экстравагантны. С одной стороны, практической основой социальной организации была доктрина о том, что особые формы частной собственности, существующие в любой момент, являются вещью священной и неприкосновенной, что все может надлежащим образом стать объектом прав собственности и что, когда это происходит, право собственности на это является абсолютным и безусловным. Современная промышленная система сформировалась в эпоху, когда эта теория собственности торжествовала. Американская конституция и Французская декларация прав человека рассматривали собственность как одно из основных прав, для защиты которых существуют правительства. Английская революция 1688 года, какой бы недогматичной и сдержанной она ни была, фактически сделала то же самое. Великие индивидуалисты от Локка до Тюрго, Адама Смита и Бентама - все они повторяли, на разных языках, сходную концепцию. Хотя то, что придало Революции ее дьявольский характер в глазах английских высших классов, было ее отношением к собственности, догма о святости частной собственности поддерживалась французскими якобинцами так же упорно, как и английскими тори; и теория о том, что собственность является абсолютным, которой придерживаются многие современные консерваторы, идентична, если только они знали это, теории не только людей 1789 года, но и самого Конвента.

С другой стороны, атака была почти такой же безукоризненной, как и защита. "Частная собственность" была центральной позицией, против которой общественное движение последних ста лет направляло свои силы. Критика в его адрес варьировалась от воображаемого коммунизма в самых элементарных и личных вещах первой необходимости до прозаичных и частично реализованных предложений передать определенные виды собственности из частной в общественную собственность или ограничить их эксплуатацию ограничениями, налагаемыми государством. Но, какими бы разными ни были акценты и методы, общая нота того, что удобно назвать социалистической критикой собственности, - это то, что подразумевает само слово "социализм". Его суть заключается в утверждении, что экономические пороки общества в первую очередь обусловлены нерегулируемым функционированием в современных условиях промышленной организации института частной собственности.

Расхождение во мнениях естественно, поскольку в большинстве дискуссий о собственности противоположные теоретики обычно обсуждают разные вещи. Собственность - самая неоднозначная из категорий. Она охватывает множество прав, которые не имеют ничего общего, за исключением того, что они осуществляются отдельными лицами и обеспечиваются государством. Помимо этих формальных характеристик, они бесконечно различаются по экономическому характеру, социальному эффекту и моральному оправданию. Они могут быть условными, как предоставление патентных прав, или абсолютными, как владение арендной платой за землю, окончательными, как авторское право, или постоянными, как безвозмездное владение, такими же всеобъемлющими, как суверенитет, или такими же ограниченными, как сервитут, такими же интимными и личными, как владение одеждой и книгами, или такими же отдаленными и неосязаемыми, как доли в золотом руднике или каучуковой плантации. Следовательно, бесполезно приводить доводы в пользу или против частной собственности, не уточняя конкретные формы собственности, о которых идет речь, и журналист, утверждающий, что "частная собственность является основой цивилизации", соглашается с Прудоном, который сказал, что это было воровство, по крайней мере, в том отношении, что без дальнейшего определения оба слова бессмысленны. Аргументы, которые поддерживают или уничтожают определенные виды собственности, могут быть неприменимы к другим; соображения, которые являются убедительными на одной стадии экономической организации, могут оказаться почти неуместными на следующей. Мудрый поступок состоит не в том, чтобы нападать на частную собственность вообще или защищать ее вообще; ибо вещи не похожи по качеству просто потому, что они идентичны по названию. Это умение различать различные конкретные воплощения того, что само по себе, в конце концов, немногим больше абстракции.

Происхождение и развитие различных видов прав собственности не является существенным для данного обсуждения. Каким бы ни был исторический процесс, посредством которого они были установлены и признаны, обоснование частной собственности, традиционное для Англии, заключается в том, что в ней видят гарантию того, что каждый человек пожнет там, где он посеял. "Если я откажусь наслаждаться плодами труда, - сказал Бентам, повторяя то, что по существу было аргументами Локка, - я буду жить только изо дня в день; я не стану братья за работу, которая принесет пользу только моим врагам". Утверждается, что собственность является моральным правом, а не просто юридическим правом, поскольку она гарантирует, что производитель не будет насильственно лишен результата своих усилий. Период, от которого была унаследована эта доктрина, отличался от нашего в трех очевидных, но важных аспектах. Собственность на землю и простой капитал, используемые в большинстве отраслей промышленности, были широко распространены. До возникновения капиталистического

сельского хозяйства и капиталистической промышленности владение или, по крайней мере, безопасное и эффективное занятие земли и инструментов теми, кто ими пользовался, было условием, предшествующим эффективной работе в поле или в мастерской. Силами, угрожавшими собственности, были налогово-бюджетная политика правительств, а в некоторых странах, например во Франции, - разлагающиеся пережитки феодализма. Вмешательство как того, так и другого привело к принесению в жертву тех, кто выполнял полезную работу, тем, кто этого не делал. Противостоять им означало защищать не только собственность, но и промышленность, которая была неразрывно с ней связана. Действительно, слишком часто сопротивление оказывалось неэффективным. Привыкший к нищете сельского собственника во Франции, Вольтер с удивлением заметил, что в Англии крестьянин может быть богатым и "не боится увеличить поголовье своего скота или покрыть крышу черепицей". И английские парламентарии и французские философы, которые сделали неприкосновенность прав собственности центром своей политической теории, защищая тех, кто владеет, случайно, хотя иногда и непреднамеренно, защищали тех, кто трудится. Они защищали йомена, или мастера-ремесленника, или торговца от того, чтобы плоды его труда были растрочены прихлебателями в Сент-Джеймсе или придворными паразитами Версаля.

В таких обстоятельствах доктрина, которая находила оправдание частной собственности в том факте, что она позволяла трудолюбивому человеку пожинать там, где он посеял, была не парадоксом, а, по отношению к массе населения, почти трюизмом. Собственность защищалась как самое священное из прав. Но она защищалась как право, которое не только широко использовалось, но и было необходимым для выполнения активной функции обеспечения продовольствием и одеждой. Ибо она состояла преимущественно из одного из двух типов: земли или орудий труда, которые использовались владельцем в производственных целях, и личного имущества, которое было предметом первой необходимости или удобствами цивилизованного существования. Первое имело свое *основание* в том факте, что земля крестьянина или инструменты ремесленника были условием оказания им экономических услуг, в которых нуждалось общество; второе - потому, что мебель и одежда необходимы для благопристойной и комфортной жизни. Права собственности — а их, конечно, было множество, — источником которых был не труд, а хищническая сила, были защищены от критики широким распространением того или иного вида собственности среди массы населения, и, по крайней мере, в Англии, наиболее грубые из них постепенно были сведены к минимуму. Когда собственность на землю и тот простой капитал, который существовал, были в целом распределены между всеми классами общества, когда в большинстве частей Англии типичным рабочим был не чернорабочий, а крестьянин или мелкий хозяин, который мог указать на полосы, которые он вспахал, или ткань, которую он соткал, когда большая часть богатства, переходящего после смерти, состояла из земли, домашней мебели и товаров для торговли, которые с трудом отличались от них, моральное оправдание права собственности было самоочевидным. Очевидно, что это было то, что говорили теоретики, и простые люди знали, что это был труд, затраченный на его производство, приобретение и управление им.

Такая собственность была не бременем для общества, а условием его здоровья и эффективности, да и вообще его дальнейшего существования. Защищать его означало поддерживать организацию, через которую поставлялись предметы первой необходимости. Если, как в Англии времен Тюдоров, крестьянина выселяли из его хозяйства, чтобы освободить место для овец, или давили, как во Франции восемнадцатого века, произвольным налогообложением и сеньориальными сборами, земля перестала обрабатываться, и вся

община испытывала нехватку продовольствия. Если инструменты плотника или кузнеца были изъяты, плуги не ремонтировались и лошади не подковывались. Следовательно, до возникновения коммерческой цивилизации признаком государственной мудрости, как в Англии времен Тюдоров, так и во Франции времен Генриха IV, было бережное отношение к мелкому собственнику вплоть до оскорбления великого. Народные настроения идеализировали йомена — "Иосифа страны, который спасает бедных от голодной смерти" — не только потому, что он владел собственностью, но и потому, что он работал над ней, осуждал "передачу средств к существованию многих в руки одного", что капиталистические общества невозмутимо рассматривают как неизбежный и, по—видимому, похвальный результат экономического развития, проклинал ростовщика, который воспользовался потребностями своего соседа, чтобы жить без труда, был потрясен бездушным безразличием к общественному благосостоянию, проявляемым теми, кто "не имел перед глазами ни того, ни другого". Бог или выгода и преимущество королевства, окружили изгородями и дамбами города и поселки" и были достаточно могущественны, чтобы вынудить правительства вмешаться, чтобы предотвратить переход от поля к полю и использование ткацких станков - короче говоря, установить пределы размаху, до которого может вырасти собственность.

Когда Бэкон, который восхвалял Генриха VII за защиту права арендатора мелкого фермера и призывал в Палате общин к более жесткому земельному законодательству, писал: "Богатство подобно грязи. Это нехорошо, но если это будет распространяться", - выражал он в эпиграмме то, что было обычным делом для каждого писателя о политике, от Фортескью в конце пятнадцатого века до Харрингтона в середине семнадцатого. Современному консерватору, склонному принять *на веру* энергичный аргумент, в котором лорд Хью Сесил осуждает доктрину о том, что сохранение прав собственности должно зависеть от того, для чего они используются, можно напомнить, что собственная теория лорда Хью такого рода, что его предки переворачиваются в могилах. Из двух членов семьи, добившихся отличия до девятнадцатого века, старший посоветовал короне не допускать, чтобы землевладельцы выселяли арендаторов, и фактически предложил установить максимальный размер денежной компенсации для собственности, которой могут обладать разные классы, в то время как младший выступил против огораживания в парламенте и провел закон, обязывающий землевладельцев строить коттеджи, сдавать их в аренду с небольшими участками и распахивать пастбища.

Уильям и Роберт Сесил были мудрыми и ответственными людьми, и их мнение о том, что защита собственности должна сопровождаться исполнением обязательств перед ее владельцами, разделялось большинством их современников. Идея о том, что институт частной собственности предполагает право собственника использовать ее или воздерживаться от использования так, как ему заблагорассудится, и что его главное значение заключается в обеспечении его доходом, независимо от любых обязанностей, которые он может выполнять, не была бы понята большинством общественных деятелей того времени, а если бы и была понята, то была бы с негодованием отвергнута более авторитетными из них. Они находили смысл собственности в общественных целях, которым она способствовала, будь то производство продуктов питания, как у крестьянства, или управление общественными делами, как у дворянства, и не колебались ни в сохранении тех видов собственности, которые отвечали этим обязательствам, ни в подавлении тех видов ее использования, которые, по-видимому, противоречили им. Собственность должна была быть подспорьем к творческой работе, а не альтернативой ей. Патентообладателю была обеспечена защита нового изобретения, чтобы обеспечить ему плоды

его собственного разума, но монополист, который разжирел на чужой промышленности, должен был быть свергнут. Деревенский закон обязывал крестьянина использовать свою землю не так, как он сам мог бы счесть наиболее выгодным, а для выращивания кукурузы, необходимой деревне. Долгое время после того, как политические перемены сделали прямое вмешательство невозможным, даже высшие чины английских землевладельцев продолжали выполнять, пусть капризно и деспотично, обязанности, которые смутно воспринимались как вклад, который они вносят в общественную службу в силу своих поместий. Когда, как во Франции, обязательства собственности были отменены почти так же полностью, как они были отменены владельцем в наши дни, немезида обрушилась на положение *дворянства*, которое сохранило свои права и отказалось от своих функций. Короче говоря, собственность основывалась не только на удобстве или жажде наживы, но и на моральном принципе. Она была защищена не только ради тех, кто владел, но и ради тех, кто работал, и тех, кого обеспечивал их труд. Она была защищена, потому что без гарантии собственности невозможно было производить богатство или вести общественную деятельность.

Что бы ни таило будущее, прошлое не продемонстрировало более совершенного общественного порядка, чем тот, при котором масса людей была хозяевами земель, которые они вспахивали, и орудий, которыми они работали, и могла похвастаться, как и английский фригольдер, тем, что "человеку спокойнее жить самостоятельно и точно знать своего наследника". С этой концепцией собственности и ее практическим выражением в социальных институтах не спорят те, кто настаивает на том, что общество должно быть организовано на основе функций. Это согласуется с их собственной доктриной, поскольку она оправдывает собственность ссылкой на услуги, которые она позволяет выполнять своему владельцу. Все, о чем им нужно попросить, - это довести это дело до логического завершения.

Ибо этот аргумент, очевидно, имеет не одно преимущество. Если она оправдывает определенные виды собственности, она осуждает другие; и в условиях современной индустриальной цивилизации то, что она оправдывает, меньше того, что она осуждает. Истина, действительно, заключается в том, что эта теория собственности и институты, в которых она воплощена, дожили до эпохи, когда вся структура общества радикально отличалась от той, в которой она была сформулирована, и которая сделала ее действенным аргументом, если не для всех, то по крайней мере для наиболее распространенных и характерных видов собственности. Дело не только в том, что владение какой-либо существенной долей национального богатства сосредоточено сегодня в руках нескольких сотен тысяч семей и что в конце эпохи, которая началась с утверждения прав собственности, права собственности, по сути, далеко не получили широкого распространения. И дело не только в том, что сегодня собственность становится ненадежной не из-за произвольного налогообложения неконституционных монархий или привилегий праздной *знати*, а из-за ненасытного расширения и агрегирования самой собственности, которая угрожает поглощением любой собственности, меньшей, чем самая крупная, мелкому хозяину, мелкому лавочнику, сельскому банку, и превратила массу человечества в пролетариат, работающий под началом агентов и ради прибыли тех, кто владеет.

Характерный факт, который отличает большую часть современной собственности от собственности доиндустриальной эпохи и который обращает против нее саму аргументацию, с помощью которой раньше она поддерживалась, заключается в том, что в современных экономических условиях собственность является не активной, а пассивной, что для большинства тех, кто владеет собственностью сегодня, это не средство труда, а инструмент для получения выгоды или осуществления власти, и что нет никакой гарантии, что выгода имеет какое-либо отношение к службе, а власть - к ответственности. Ибо собственность, которая может рассматриваться как условие выполнения функции, подобно инструментам ремесленника, или владениям крестьянина, или личному имуществу, которое способствует здоровой и продуктивной жизни, составляет незначительную долю, насколько это касается ее стоимости, прав собственности, существующих в настоящее время. В современных индустриальных обществах огромная масса собственности состоит, как показывает ежегодный обзор состояния, переходящего после смерти, не из личных приобретений, таких как домашняя мебель, и не из торговых акций владельца, а из прав различного рода, таких как авторские права, земельная рента и, прежде всего, конечно, доли в промышленных предприятиях, которые приносят доход независимо от каких-либо личных услуг, оказываемых их владельцами. Владение и пользование, как правило, разделены. Большая часть современной собственности была сведена к денежному залому или облигации на продукт промышленности, который несет с собой право на оплату, но который обычно ценится именно потому, что он освобождает владельца от каких-либо обязательств по выполнению позитивной или созидательной функции.

Такую собственность можно назвать пассивной собственностью или собственностью для приобретения, для эксплуатации или для получения власти, чтобы отличать ее от собственности, которая активно используется ее владельцем для осуществления своей профессиональной деятельности или содержания своего домашнего хозяйства. Для юриста первое, конечно, является такой же полной собственностью, как и второе. Сомнительно, однако, следует ли экономистам вообще называть это "Собственностью", а не, скорее, как предположил г-н Хобсон, "Неправомерностью", поскольку это не тождественно правам, которые обеспечивают владельцу продукт его труда, но противоположно им. Классификация прав собственности, основанная на этом различии, была бы поучительной. Если бы они были распределены в соответствии с близостью, с которой они приближаются к той или иной из этих двух крайностей, то было бы обнаружено, что они распределены по линии, простирающейся от собственности, которая, очевидно, является оплатой и условием личных услуг, к собственности, которая является просто правом на оплату услуг, оказываемых другими, фактически частным налогом. Приблизительный порядок, который возник бы, если бы все детали и уточнения были опущены, мог бы быть примерно следующим: —

1. Собственность на платежи, производимые за личные услуги.
2. Собственность в личном имуществе, необходимая для поддержания здоровья и комфорта.
3. Собственность на землю и инструменты, используемые их владельцами.
4. Собственность на авторские и патентные права, принадлежащие авторам и изобретателям.
5. Собственность под чистый процент, включая значительную часть арендной платы за сельскохозяйственное производство.
6. Собственность в виде прибыли от удачи: "квази-рента".

7. Собственность на монопольную прибыль.

8. Арендная плата за земельную собственность в городах.

9. Собственность в виде роялти.

Первые четыре вида собственности, очевидно, сопровождают выполнение работы и в некотором смысле обуславливают ее. Последние четыре, очевидно, нет. Чистый интерес имеет некоторое сходство с обоими. Это представляет собой необходимые экономические издержки, эквивалент которых должен быть понесен, каковы бы ни были юридические условия владения собственностью, и, таким образом, отличается от собственности, представленной прибылью (кроме эквивалента заработной платы и оплаты необходимого риска), городской арендной платой за землю и лицензионными платежами. Это освобождает получателя от личных услуг и, таким образом, напоминает их.

Ключевой вопрос для любого общества заключается в том, в соответствии с какой из этих двух широких групп категорий в любой данный момент можно найти большую часть (измеряемую в стоимости) прав собственности, которыми оно обладает. Если они попадут в первую группу, творческая работа будет поощряться, а безделье - подавляться; если они попадут во вторую, результат будет обратным. Факты сильно различаются от эпохи к эпохе и от страны к стране. И они никогда не раскрывались полностью, поскольку повелители джунглей не охотятся при дневном свете. По крайней мере, вероятно, что в Англии 1550-1750 годов большая доля существующей собственности состояла из земли и орудий труда, используемых их владельцами, чем в современной Франции, где феодальные налоги поглощали значительную часть доходов крестьян, или чем в Англии 1800-1850 годов, где новые капиталистические фабриканты зарабатывали сотни процентов. в то время как голодная смерть подтолкнула работников физического труда к безрезультатному восстанию. Вполне вероятно, что в девятнадцатом веке, благодаря Революции, Франция и Англия поменялись местами, и что в этом отношении не только Ирландия, но и британские доминионы больше похожи на первую, чем на вторую. Трансформацию лучше всего можно проследить на примере Соединенных Штатов, в некоторых частях которых население, состоящее из крестьян-собственников и мелких хозяев начала девятнадцатого века, за три поколения сменилось неимущим пролетариатом и капиталистической плутократией. Отмена экономических привилегий аграрного феодализма, которая под именем равенства была движущей силой Французской революции и которая в той или иной форме имела место во всех странах, затронутых ее влиянием, с 1800 года была в значительной степени уравновешена ростом неравенства, порожденного индустриализмом.

В Англии общим результатом недавнего экономического развития стало расширение прав собственности, которые дают владельцам право на оплату без труда, и уменьшение тех, которые должным образом можно охарактеризовать как функциональные. Расширение первых и процесс, посредством которого в них были объединены более простые формы собственности, представляют собой движения, значение которых вряд ли возможно переоценить. Существует, конечно, значительный объем собственности, которая все еще относится к более старому типу. Но хотя работающие землевладельцы и капиталисты, управляющие своим собственным бизнесом, все еще в совокупности представляют собой многочисленную группу, организация, за которую они выступают, не является наиболее репрезентативной для современного

экономического мира. Общая тенденция к разделению владения и управления собственностью, общее превращение собственности в притязания на товары, произведенные неизвестным работником, столь же очевидна, как и рост капиталистической промышленности и городской цивилизации как таковой. Деревни превращаются в города, а собственность на землю превращается из участка, обрабатываемого фермером, или поместья, находящегося в ведении землевладельца, в "арендную плату", которая рекламируется, покупается и продается, как любые другие инвестиции. Открываются шахты, и права землевладельца превращаются в дань за каждую тонну угля, поднятую на поверхность. Поскольку акционерные общества занимают место индивидуального предприятия, что было типично для ранних лет фабричной системы, организация переходит от работодателя, который владеет своим бизнесом и управляет им, в руки наемных чиновников, и снова масса собственников увеличивается за счет умножения *рантье*, которые предоставляют свое богатство в распоряжение промышленности, но не имеют с ней никакой другой связи. Наиболее заметные изменения происходят в наши дни, возможно, в результате вытеснения в розничной торговле мелких лавочников многочисленными магазинами и замены в обрабатывающей промышленности комбинатов и слияний отдельных предприятий, управляемых конкурирующими работодателями. И, конечно, не только экономическое развитие порождает такие утверждения. "Из того, кто ест, вышло мясо, а из сильного - сладость". Вполне вероятно, что война, которая в варварские века считалась разрушительной для собственности, в последнее время породила больше прав собственности, чем почти все другие причины, вместе взятые.

Какими бы бесконечно разнообразными ни были эти права собственности, они обладают общей характеристикой, заключающейся в том, что они настолько полностью отделены от реальных объектов, над которыми они осуществляются, настолько разрежены и обобщены, что почти аналогичны форме валюты, а не собственности, которая настолько тесно связана со своим владельцем, что кажется его частью. Их изоляция от грубой среды экономической жизни, где формируются и обрабатываются материальные объекты, символом которых они являются, - в этом их очарование. В этом же заключается их опасность. Влияние, которое класс имеет на будущее, зависит от функции, которую он выполняет. Чего требует природа, так это труда: мало работающих аристократий, какими бы тираническими они ни были, мало бесфункциональных аристократий выжило. В обществе, как и в мире органической жизни, атрофия отделена всего лишь одним этапом от смерти. По мере того, как землевладелец становится простым *рантье* и промышленность управляется не грубой энергией конкурирующих работодателей, которые доминировали в ее зачаточном состоянии, а наемными слугами акционеров, аргумент в пользу частной собственности, основанный на невозможности найти какую-либо организацию, способную заменить их, теряет свою применимость, поскольку они уже вытеснены.

Каким бы ни было оправдание этих видов собственности, это не может быть то, что выдавалось за собственность крестьянина или ремесленника. Не может быть, чтобы они были необходимы для того, чтобы обеспечить каждому человеку плоды его собственного труда. Ибо если законное право, дающее 200 000 долларов в год владельцу полезных ископаемых на Севере Англии и землевладельцу в Лондоне, вообще "обеспечивает плоды труда", то плоды принадлежат собственнику, а труд - кому-то другому. У собственности нет более коварных врагов, чем те благонамеренные анархисты, которые, защищая все ее формы как равнозначные, вовлекают институт в дискредитацию, связанную с его экстравагантностью. В действительности, какой бы вывод ни был сделан из этого факта, большая часть современной собственности, является ли

она, подобно правам на добычу полезных ископаемых и городской земельной ренте, просто формой частного налогообложения, которую закон разрешает определенным лицам взимать с промышленности других, или, подобно собственности на капитал, она состоит из прав на оплату инструментов, которыми капиталист не может пользоваться сам, но предоставляет в распоряжение тех, кто может, имеет своей существенной особенностью то, что она приносит своим владельцам доход, не сопровождаемый личным обслуживанием. В этом отношении собственность на землю и собственность на капитал обычно схожи, хотя с других точек зрения их различия важны. Для экономиста рента и процент отличаются тем фактом, что последний, хотя и часто сопровождается прибавочными элементами, которые объединяются с ним в виде дивидендов, представляет собой цену орудия производства, которое не поступило бы в промышленность, если бы цена не была уплачена, в то время как первый представляет собой дифференциальный избыток, который не влияет на предложение. Для делового сообщества и юриста земля и капитал в равной степени являются инвестициями, между которыми, поскольку они обладают общей характеристикой получения дохода без использования труда, недопустимо проводить дискриминацию; и хотя их значение как экономических категорий может быть разным, их эффект как социальных институтов одинаков. Она заключается в том, чтобы отделить собственность от творческих способностей и разделить общество на два класса, из которых один в первую очередь заинтересован в пассивном владении, в то время как другой в основном зависит от активного труда.

Следовательно, реальная аналогия многим видам современной собственности - это не просто собственность мелкого землевладельца или ремесленника, и уж тем более не предметы домашнего обихода и дорогие бытовые удобства, которые это слово внушает бесхитростным умам клерков и лавочников и которые толкают их демонстрировать свирепость перепуганных овец, когда раздается крик о том, что "Собственности" угрожает опасность. Именно феодальные налоги отнимали у французского крестьянина часть его продукции, пока революция не отменила их. Чем лицензионные платежи отличаются от *quintaines* и *lod et ventes*? Они схожи по своему происхождению и похожи тем, что являются налогом, взимаемым с каждого приращения богатства, производимого трудом. Чем городская земельная рента отличается от платежей, которые производились английским синекуристам до принятия законопроекта о реформе 1832 года? В равной степени это дань, выплачиваемая теми, кто работает, тем, кто этого не делает. Если монопольные прибыли владельца *banalités*, арендатор которого должен молоть зерно на своей мельнице и делать вино на своем прессе, были невыносимым гнетом, то какова святость монопольных прибылей капиталистов, которые, как говорится в Отчете Правительственного комитета по трестам, "занимаются мылом, табаком, обоями, солью, цементом и текстильной промышленностью... имеют ли они возможность контролировать объем производства и цены" или, другими словами, могут заставить потребителя покупать у них по установленной ими цене под страхом того, что он вообще ничего не купит?

Все эти права — лицензионные платежи, земельная рента, монопольные прибыли — являются "Собственностью". Критика, наиболее фатальная для них, исходит не от социалистов. Это содержится в аргументах, с помощью которых обычно защищается собственность. Ибо если смысл института состоит в том, чтобы поощрять трудолюбие, гарантируя, что рабочий получит продукт своего труда, то точно в той же мере, в какой важно сохранить собственность, которую человек имеет на результаты своих собственных усилий, важно уничтожить ту, которая у него есть на результаты усилий кого-то другого. Соображения, оправдывающие владение как

функцию, - это те, которые осуждают его как налог. Собственность - это не кража, но значительная часть кражи становится собственностью. Владелец авторских отчислений, который на вопрос, почему ему должны платить 50 000 фунтов стерлингов в год за полезные ископаемые, которые он не открывал, не разрабатывал и не разрабатывал, а только владел, отвечает: "Но это собственность!" - может ощутить весь благоговейный трепет, который внушают его слова. Но на самом деле он ведет себя как змея, которая уходит на задний план, притворяясь мертвой веткой дерева, или как безумец, который пытался ловить кроликов, сидя за живой изгородью и издавая звук, похожий на треск репы. Он практикует защитную, а иногда и агрессивную мимику. Его отношение к собственности - это отношение простого труженика, который боится, что то, что он посеял, может пожать другой. Его претензия заключается в том, чтобы ему позволили продолжать пожинать то, что посеял другой.

Иногда высказывается предположение, что менее привлекательные характеристики нашей индустриальной цивилизации, ее сочетание роскоши и убожества, ее классовое разделение и классовая война являются случайными недостатками, которые не коренятся в основе ее существования, а являются наростами, которые, как можно ожидать, со временем исправит сам экономический прогресс. Этот приятный оптимизм не выдержит изучения функционирования института частной собственности на землю и капитал в промышленно развитых сообществах. В странах, где земля широко распределена, во Франции или Ирландии, ее эффект может заключаться в общем распределении богатства среди сельского среднего класса, который одновременно работает и владеет. В странах, где развитие промышленной организации разделило владение собственностью и выполнение работы, нормальным следствием частной собственности является передача неработающим владельцам излишков, возникающих в результате более плодородных участков, более совершенного оборудования, более сложной организации. Не было приведено более четких примеров этого "закона ренты", чем цифры, предоставленные Комиссии по угольной промышленности сэром Артуром Лоусом Дикенсоном, которые показали, что в данном квартале затраты на тонну добычи угля варьировались от 3,12 до 12 долларов за тонну, а прибыль - от нуля до 4,12 доллара. Распределение в виде дивидендов акционерам излишков, получаемых от работы на более богатых и доступных месторождениях, от особых возможностей и доступа к рынкам, от превосходного оборудования, управления и организации, предполагает установление Привилегий как национального института в той же степени, что и самые произвольные поборы феодального *сеньора*. Это основа неравенства, которое не является случайным или временным, а необходимым и постоянным. И на этом неравенстве построен весь аппарат классовых институтов, от которых зависит не только доход, но и жилье, образование, здоровье и манеры, да и сам физический облик различных классов англичан, почти так же отличающихся друг от друга, как если бы меньшинство было инопланетными поселенцами, обосновавшимися среди грубой цивилизации расы обедневших аборигенов.

Таким образом, традиционное для Англии оправдание частной собственности, которая видела в ней гарантию того, что каждый человек будет пользоваться плодами своего собственного труда, хотя и в значительной степени применимое к эпохе, в которую оно было сформулировано, постигло судьбу большинства политических теорий. Она была опровергнута не доктринами соперничающих философов, а прозаическим ходом экономического развития. Что касается

основной массы человечества, то потребность, которую частная собственность, отличная от личного имущества, все еще часто удовлетворяет, хотя и несовершенно и ненадежно, - это потребность в безопасности. Для мелких инвесторов, которые составляют большинство владельцев недвижимости, хотя и владеют лишь незначительной частью существующей собственности, ее значение просто. Это не богатство, не власть и даже не досуг от работы. Это безопасность. Они усердно работают. Они откладывают немного денег на старость, или на случай болезни, или для своих детей. Они вкладывают их, и проценты стоят между ними и всем тем, чего они боятся больше всего. Их сбережения удобны для промышленности, доход от них удобен для них самих. "Почему, - спрашивают они, - мы не должны пожинать в старости преимущества энергии и бережливости в молодости?" И это стремление к безопасности настолько властно, что те, кто больше всего страдает от злоупотреблений собственностью, а также те, кто, если бы они могли извлечь из них выгоду, были бы наименее склонны делать это, будут терпеть и даже защищать их, опасаясь, как бы нож, разрезающий мертвую материю, не задел за живое. Они видели слишком много утонувших людей, чтобы критически относиться к суше, пусть это и негостеприимная скала. Их преследует кошмар будущего, и, если бы в него вломился грабитель, они были бы рады грабителю.

Эта потребность в безопасности является фундаментальной, и едва ли не самым серьезным обвинением нашей цивилизации является то, что основная масса человечества лишена ее. Собственность - один из способов ее организации. Поэтому вполне понятно, что инструмент следует путать с концом и что любое предложение по его изменению должно вызывать тревогу. В прошлом люди, дороги, мосты и переправы, гражданские, судебные и канцелярские учреждения, а также армейские комиссии - все это было частной собственностью. Всякий раз, когда предлагалось упразднить права, которыми они пользовались, звучал протест, что их устранение повлечет за собой разрушение учреждения, в которое бережливые люди вкладывали свои сбережения и от которого они зависели в плане защиты своих жизненных шансов и комфорта в старости. Однако на самом деле собственность не является единственным методом обеспечения будущего, и, когда выбирается именно этот способ, безопасность не зависит от сохранения всех прав, которые в настоящее время обычно связаны с владением. Поскольку его психологической основой является необходимость обеспечения стабильного и определенного дохода, который может быть получен, когда его получатель не может работать, и который может быть использован для обеспечения тех, кто не может обеспечить себя сам, то на самом деле требуется не распоряжение изменяющимися доходами от какого-либо конкретного предприятия, сопровождающего владение капиталом, а безопасность, которую предлагает аннуитет. Собственность - это инструмент, безопасность - это объект, и когда появляется какой-либо альтернативный способ обеспечения последнего, на практике не кажется, что какая-либо потеря доверия, свободы или независимости вызвана отсутствием первого.

Следовательно, не только работники физического труда, которым с момента возникновения капитализма в Англии редко удавалось накопить собственность, достаточную для того, чтобы служить гарантией дохода по истечении периода активного заработка, но также средний и профессиональный классы, сегодня все чаще ищут безопасности не в инвестициях, а в страховании от болезни и смерти, в покупке аннуитетов или, что по сути одно и то же, в накоплении части своей заработной платы в счет пенсии, которая выплачивается по окончании срока их заработной платы. Профессионал может покупать акции в надежде получить прибыль от сделки. Но когда то, что он желает купить, является ценной бумагой, форма, которую принимают его инвестиции, обычно является тем или иным видом страхования. Учитель, или

медсестра, или государственный служащий с нетерпением ждут пенсии. Женщины, которые пятьдесят лет назад считались бы почти полностью зависимыми, как если бы женственность была неизлечимой болезнью, с которой они родились, и чьи отцы, если только они не были богатыми мужчинами, терзались бы тревогой из-за страха, что они не скопят достаточно денег, чтобы прокормить их, теперь получают образование, находят себе профессию и таким же образом откладывают деньги. Этот тип обеспечения по-прежнему применяется лишь в сравнительно немногих случаях; почти всем наемным работникам, не работающим в государственном секторе, и многим в нем, а также большому числу профессиональных работников не на что опереться в случае болезни или старости. Но это не меняет того факта, что, когда это делается, это удовлетворяет потребность в безопасности, которая, конечно, помимо личного имущества и домашней мебели, является основным значением собственности для гораздо большей части населения, и что она удовлетворяет ее более полно и определенно, чем сама собственность.

И, действительно, даже когда собственность является инструментом, используемым для обеспечения будущего, такое обеспечение не зависит от сохранения во всей полноте всего комплекса прав, которые сопровождают собственность сегодня. Собственность - это не просто, а комплексно. Собственность человека, вложившего свои сбережения в качестве обычного акционера, включает по меньшей мере три права: право на проценты, право на прибыль, право на контроль. В той мере, в какой желаемым является гарантия поддержания стабильного дохода, а не приобретение дополнительного богатства без труда, — в той мере, в какой его мотивом является не выгода, а безопасность, - потребность удовлетворяется процентами с капитала. Это не имеет необходимой связи ни с правом на остаточную прибыль, ни с правом контролировать управление предприятием, от которого получена прибыль, поскольку и то, и другое сегодня принадлежит акционеру. Если бы все, чего хотелось, — это использовать собственность в качестве инструмента для приобретения ценных бумаг, очевидным ходом — с точки зрения инвестора, желающего максимально надежно застраховать свое будущее, - было бы максимально приблизить свое положение к положению держателя долгового обязательства или залогодержателя, который получает стабильный доход, являющийся его мотивом для инвестирования, но который не несет рисков и не получает прибыли спекулянта. Настаивать на том, что сложный механизм прав собственности, который распределяет дивиденды в размере тридцати процентов акционерам Coats и несколько тысяч в год владельцам авторских прав на добычу полезных ископаемых и земельной ренты, а затем позволяет им передавать основную часть доходов, которых они не заработали, потомкам, которые, в свою очередь, таким образом будут избавлены от необходимости зарабатывать, должен сохраняться ради вдов и сирот, подавляющее большинство из которых не имеют ни того, ни другого и с радостью расстались бы со всем этим ради безопасной ренты, если бы имели, - это, мягко говоря, экстравагантно *неправильное предложение*. Это все равно что сбросить человека в воду за то, что он выразил желание искупаться, или подарить тигренка хозяину дома, которого донимают мыши, на том основании, что и тигры, и кошки принадлежат к роду *felis*. Тигр охотится для себя, а не для своих хозяев, и когда дичи мало, охотится на них. Классы, которые владеют небольшой собственностью или вообще не владеют ею, могут уважать ее, потому что это безопасность. Но классы, владеющие многим, ценят это по совершенно иным причинам и посмеиваются вслух над наивностью, которая предполагает, что что-либо столь вульгарное, как сбережения *мелкой буржуазии*, представляет для них какой-либо интерес, за исключением выборов. Они ценят это,

потому что это порядок, который помещает их в общество и который обеспечивает содержание праздного класса за государственный счет.

"Обладание, - сказал Эгоист, - без обязательств перед объектом, которым обладаешь, приближает к счастью". Бесфункциональная собственность кажется естественной тем, кто считает, что общество должно быть организовано для приобретения частного богатства, а нападки на нее извращенными или злонамеренными, потому что вопрос, который они задают любому институту, звучит так: "Что это дает?" И такая собственность многое дает тем, кто ею владеет. Однако те, кто считает, что социальное единство и эффективная работа возможны только в том случае, если общество организовано и богатство распределяется на основе функций, спросят об учреждении, а не о том, "Какие дивиденды оно приносит?" но "Какую услугу это оказывает?" Для них тот факт, что большая часть собственности приносит доход независимо от какой-либо выполняемой услуги или обязательства, которое признают ее владельцы, покажется не качеством, а пороком. Они увидят в социальной неразберихе, которую это порождает, в платежах, непропорциональных обслуживанию здесь, и в платежах без какого-либо обслуживания вообще там, и в неудовлетворенности повсюду убедительное подтверждение их аргумента о том, что строить на фундаменте прав и только прав - значит строить на зыбучих песках.

От зловещего преувеличения до абсолютизации того, что когда-то было и все еще может быть здоровым социальным институтом, большинство других социальных зол следуют за властью тех, кто не работает, над теми, кто работает, попеременным раболопием и бунтарством тех, кто работает по отношению к тем, кто этого не делает, истощением науки, мысли и творческих усилий из страха, что расходы на них повлияют на комфорт бездельников и обессиленных, и устройством общества в большинстве его вспомогательных видов деятельности для удобства не тех, кто работает с пользой, а тех, кто не работает с пользой. тратьте весело, так чтобы самыми отвратительными, пустынными и бережливыми местами в стране были те, где производится наибольшее богатство, - долина Клайд, или хлопковые города Ланкашира, или шахтерские поселки Шотландии и Уэльса, а самыми веселыми и роскошными были те, где оно потребляется. С точки зрения социального здоровья и экономической эффективности общество должно приобретать свое материальное оборудование по как можно более низкой цене и после амортизации и расширения должно распределять весь продукт среди своих работающих членов и их иждивенцев. Однако в настоящее время происходит то, что его работники нанимаются по самой низкой цене, которую допускает рынок (изменяемый организацией), и что излишек, несколько уменьшенный за счет налогообложения, распределяется между владельцами собственности. Прибыль может варьироваться в течение определенного года от убытка до 100 процентов. Но заработная плата установлена на уровне, который позволит маргинальной фирме продолжать производить год за годом; и излишек, даже если он частично обусловлен эффективным управлением, достается не менеджерам или работникам физического труда, а акционерам. Смысл этого процесса становится поразительно очевидным, когда, как сегодня в Ланкашире, крупные капиталы переходят из рук в руки в период ненормальной активности. Существующие акционеры получают эквивалент капитализированного ожидания будущей прибыли. Рабочие как таковые не участвуют в огромном приращении стоимости; и когда в будущем они потребуют повышения заработной платы, им ответят, что прибыль, которая до сделки считалась бы большой, после нее приносит акционерам лишь низкую норму процента на их инвестиции.

Правда заключается в том, что в то время как в более ранние эпохи защита собственности обычно была защитой труда, отношения между ними в ходе экономического развития последних двух столетий изменились практически на противоположные. Два элемента, составляющие цивилизацию, - это активные усилия и пассивная собственность, труд человека и инструменты, которыми пользуются люди. Из этих двух элементов те, кто поставляет первый, поддерживают и улучшают его, а те, кто владеет вторым, обычно диктуют его характер, развитие и администрирование. Следовательно, несмотря на политическую свободу, основная масса человечества фактически живет по правилам, установленным для защиты интересов небольшой части из них, чьей главной заботой является собственность. Из-за такого подчинения творческой деятельности пассивной собственности рабочий, зависящий от своего ума, организатор, изобретатель, учитель или врач испытывает почти такое же смущение, как и ремесленник. Реальный экономический раскол происходит, как часто говорят, не между работодателями и наемными работниками, а между всеми, кто выполняет конструктивную работу, от ученого до рабочего, с одной стороны, и всеми, чьим главным интересом является сохранение существующих прав собственности, с другой, независимо от того, способствуют они конструктивной работе или нет.

Следовательно, если в современных условиях, когда значительная доля собственности сосредоточена в руках небольшого меньшинства населения, миром нужно управлять в интересах тех, кто владеет, то только случайно результаты будут приятны тем, кто работает. На практике между ними происходит постоянное столкновение. Превращенная в другой канал, половина богатства, распределенная в виде дивидендов неработающим акционерам, могла бы обеспечить каждому ребенку хорошее образование до 18 лет, могла бы заново финансировать английские университеты и (поскольку важно более эффективное производство) могла бы оснастить английскую промышленность более эффективным производством. Половина изобретательности, применяемой сейчас к защите собственности, могла бы сделать большинство промышленных заболеваний такими же редкими, как оспа, а большинство английских городов - местами здоровья и даже красоты. Что стоит на пути, так это доктрина о том, что права собственности абсолютны, независимо от любой социальной функции, которую могут выполнять ее владельцы. Таким образом, законы, которые наиболее строго соблюдаются, по-прежнему являются законами, защищающими собственность, хотя защита собственности уже вряд ли будет эквивалентна защите труда, а интересы, которые управляют промышленностью и преобладают в общественных делах, являются интересами собственности. Владелец фабрики может отравить или искалечить целое поколение рабочих; но его собратья-судьи отпустят его с предупреждением или номинальным штрафом, чтобы он отравил и искалечил следующее. Потому что он владелец собственности. Землевладелец может получать ренту с трущоб, в которых умирают маленькие дети, из расчета 200 на 1000; но тем не менее он будет желанным гостем в приличном обществе. Ибо собственность не имеет обязательств и, следовательно, не может причинить вреда. Городская земля может продаваться на рынке на окраинах городов, в которых люди живут по трое в комнате, а сельская земля может использоваться для занятий спортом, когда сельские жители покидают ее, чтобы еще больше ее перенаселить. Никакая государственная власть не вмешивается, поскольку и то, и другое является собственностью. Тем, кто верит, что институты, отрицающие всякую моральную значимость, рано или поздно должны рухнуть, общество, которое путает защиту собственности с сохранением своих бесполезных извращений, покажется таким же ненадежным, как то,

которое оставило следы своего безвкусного легкомыслия и еще более безвкусной показухи в садах Версаля.

Любят ли люди мир? Они увидят величайшего врага социального единства в правах, которые не предполагают обязательства сотрудничать на благо общества. Ценят ли они равенство? Права собственности, которые освобождают их владельцев от общечеловеческой необходимости труда, превращают неравенство в институт, пронизывающий каждый уголок общества, от распределения материальных благ до развития самого интеллекта. Желают ли они повышения эффективности производства? Нет более фатального препятствия для эффективности, чем откровение о том, что праздность имеет те же привилегии, что и трудолюбие, и что за каждый дополнительный удар киркой или молотком дополнительная прибыль будет распределяться между акционерами, которые не владеют ни тем, ни другим.

Действительно, бесполезная собственность - величайший враг самой законной собственности. Именно паразит убивает организм, который ее произвел. Плохие деньги вытесняют хорошие, и, как показывает история последних двухсот лет, когда собственность для приобретения или власть и собственность для обслуживания или использования свободно конкурируют друг с другом на рынке, без ограничений, подобных тем, которые некоторые правовые системы налагают на отчуждение и наследование, последнее обычно поглощается первым, потому что оно обладает меньшей сопротивляющейся силой. Таким образом, бесполезная собственность растет, и по мере ее роста она подрывает творческую энергию, которая производила собственность и которую в прежние эпохи она защищала. Она не может объединить людей, ибо то, что их объединяет, - это узы служения общей цели, и эту связь она отвергает, поскольку сама ее суть заключается в поддержании прав независимо от служения. Она не может создавать; она может только тратить, так что число ученых, изобретателей, художников или литераторов, которые выросли в течение прошлого столетия из наследственных богатств, можно пересчитать по пальцам одной руки. Она не ценит ни культуру, ни красоту, а только силу, которая присуща богатству, и показуху, которая является его символом.

Поэтому те, кто боится этих качеств, энергии, мысли и творческого духа — а их много — не будут проводить различие, как мы пытались это сделать, между различными типами и разновидностями собственности, чтобы они могли сохранить те, которые являются законными, и уничтожить те, которые таковыми не являются. Они будут стремиться сохранить всю частную собственность, даже в ее самых выродившихся формах. И те, кто ценит эти вещи, будут пытаться продвигать их, избавляя собственность от ее извращений и таким образом позволяя ей вернуться к своей истинной природе. Они не будут стремиться к установлению какого-либо призрачного коммунизма, поскольку они осознают, что свободное распоряжение достаточным количеством личного имущества является условием здоровой и уважающей себя жизни, и будут стремиться к более широкому распределению прав собственности, которые сегодня делают их привилегией меньшинства. Но они откажутся подчиниться наивной философии, которая рассматривала бы все права собственности как равные по святости только потому, что они идентичны по названию. Они будут проводить четкое различие между собственностью, которая используется ее владельцем для выполнения своей профессиональной деятельности или содержания своего домашнего хозяйства, и собственностью, которая является просто притязанием на богатство, произведенное чужим трудом. Они будут настаивать на том, что собственность моральна и полезна только тогда, когда она используется как условие не

праздности, а активности, и когда она предполагает выполнение определенных личных обязательств. Короче говоря, они попытаются основать его на принципе функционирования.

VI

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Применение принципа функции к собственности и промышленности совместимо с несколькими различными типами социальной организации, и столь же маловероятно, что более важные откровения являются секретом тех, кто кричит "Смотрите сюда!" и "Смотрите там!" Важно то, что люди должны сосредоточить свой разум на идее цели и придавать этой идее приоритет над всеми второстепенными вопросами. Если, как это очевидно, целью промышленности является обеспечение материальной основы хорошей социальной жизни, то любая мера, которая делает это обеспечение более эффективным, при условии, что она не вступает в конфликт с какой-либо еще более важной целью, является мудрой, а любой институт, который препятствует этому или затрудняет это, глуп. Глупо, например, калечить образование, как это калечат в Англии ради промышленности; ибо одно из применений промышленности - обеспечивать богатство, которое может сделать возможным лучшее образование. Глупо отстаивать права собственности, для которых не оказывается никаких услуг, поскольку оплата без оказания услуг является расточительством; и если верно, как утверждают статистики, что даже при разделении доходов поровну доход на душу населения был бы небольшим, то это тем более глупо, что у моряков на корабле нет места для пассажиров первого класса, и тем более важно, чтобы ни один из небольших национальных доходов не был использован не по назначению. Глупо оставлять руководство промышленностью в руках слуг владельцев частной собственности, которые сами ничего о ней не знают, кроме ее балансовых отчетов, потому что это отвлекает ее от оказания услуг к получению прибыли и подчиняет тех, кто занимается творческой работой, тем, кто этого не делает.

Курс мудрости в делах промышленности, в конце концов, такой же, как и в любой другой сфере организованной жизни. Она заключается в том, чтобы рассмотреть цель, ради которой ведется экономическая деятельность, а затем адаптировать к ней экономическую организацию. Это делается для того, чтобы платить за услугу и только за услугу, а при найме капитала следить за тем, чтобы он был нанят по как можно более низкой цене. Это значит возложить ответственность за организацию производства на плечи тех, кто работает и использует, а не на тех, кто владеет, потому что производство - это бизнес производителя, и надлежащим лицом, следящим за тем, чтобы он выполнял свое дело, является потребитель, для которого, а не для

владельца собственности, оно должно вестись. Прежде всего, это настаивать на том, чтобы все отрасли промышленности были полностью оглашены в отношении затрат и прибыли, потому что огласка должна быть антисептиком как экономических, так и политических злоупотреблений, и ни один человек не может быть уверен в своем соседе, если оба они не работают на благо общества.

Что касается собственности, то такая политика имела бы два аспекта. С одной стороны, она была бы направлена на ликвидацию тех форм собственности, при которых право собственности отделено от обязательств. С другой стороны, это было бы направлено на поощрение тех форм экономической организации, при которых рабочий, независимо от того, собственник он или нет, свободен выполнять свою работу, не делеясь своим контролем или прибылью с простыми *рантье*. Таким образом, если в определенных сферах это повлекло за собой расширение общественной собственности, то в других это способствовало бы расширению частной собственности. Ибо не частная собственность, а частная собственность, оторванная от труда, разрушает принцип трудолюбия; и идея некоторых социалистов о том, что частная собственность на землю или капитал обязательно вредна, является образцом схоластического педантизма, столь же абсурдного, как и идея тех консерваторов, которые придали бы всей собственности некую таинственную святость. Все зависит от того, что это за собственность и для каких целей она используется. При условии, что государство сохраняет свои выдающиеся владения и контролирует отчуждение, как это делается в соответствии с законами Доминионов о поместьях, с достаточной строгостью, чтобы предотвратить создание класса бездеятельных собственников, нет противоречия между одновременным поощрением увеличения числа крестьян-фермеров и мелких хозяев, владеющих собственными фермами или магазинами, и отменой частной собственности в тех отраслях, которые, к сожалению, на сегодняшний день наиболее заметны, в которых частный владелец является заочным акционером.

Действительно, вторая реформа помогла бы первой. В той мере, в какой общество терпимо относится к бесполезной собственности, это затрудняет, если не делает невозможным, восстановление мелкого хозяина в сельском хозяйстве или промышленности, которому нелегко удержаться в мире, где доминируют крупные поместья или капиталистические финансы. Поскольку оно упраздняет те виды собственности, которые являются просто паразитическими, оно облегчает восстановление мелкого собственника в тех видах промышленности, для которых приспособлена мелкая собственность. Социалистическая политика по отношению к первым не противоречит "распределительному государству", но в современных экономических условиях является необходимой предпосылкой к нему, и если под "собственностью" подразумевается личная собственность, которую это слово предполагает для девяти десятых населения, то целью социалистов является не подрыв собственности, а ее защита и приумножение. Граница между крупномасштабным и мелкосерийным производством всегда будет неопределенной и колеблющейся, в зависимости от технических условий, которые невозможно предвидеть: удешевление электроэнергии, например, может привести к децентрализации производств, подобно тому как пар приводит к их концентрации. Фундаментальный вопрос, однако, заключается не в различии масштабов собственности, а в различии видов собственности, не между крупным фермером или хозяином и мелким, а между собственностью, которая используется для работы, и собственностью, которая приносит доход без нее. Ирландский землевладелец был упразднен не потому, что он владел крупными землями, а потому, что он был собственником и ничем более; если и когда английское землевладение будет в равной степени ослаблено, как это уже было в городах, оно заслуживает той же участи. Как только

вопрос о характере собственности будет решен, вопрос о размере экономической единицы может быть оставлен на самотек.

Таким образом, первым шагом к организации экономической жизни для выполнения функции является отмена тех видов частной собственности, в обмен на которые не выполняется никакая функция. Человек, который живет за счет владения, не работая, обязательно поддерживается трудолюбием кого-то другого, и, следовательно, это слишком дорогая роскошь, чтобы ее поощрять. Хотя он заслуживает того, чтобы к нему относились со снисхождением, которое должно быть, но обычно не проявляется к тем, кто с младенчества был приучен к какому-либо другому сомнительному ремеслу, снисхождение к отдельным людям не должно оправдывать институт, жертвами которого являются как они сами, так и их соседи. Если судить по этому стандарту, определенные виды собственности явно антисоциальны. Права, в силу которых владелец недр имеет право взимать налог, называемый роялти, с каждой тонны угля, которую шахтер поднимает на поверхность, взимать другой налог, называемый путевым листом, с каждой тонны угля, транспортируемого под поверхностью его земли, хотя его удобство и ценность могут быть совершенно неизменными, исказить, если ему заблагорассудится, развитие целого района, отказывая в доступе к полезным ископаемым, кроме как на его собственных условиях, и приводить к тому, что около 3500-4000 миллионов тонн будут потрачены впустую на возведение барьеров между различными объектами собственности, в то время как он тем временем вносит свой вклад в развитие хор сетований по поводу порочности шахтеров, которые не добывают больше тонн угля для населения и, между прочим, не платят больше частных налогов для себя - все это добавляет приятную нотку юмора к серости нашей индустриальной цивилизации, за которую владельцы полезных ископаемых, возможно, заслуживают некоторого признания, хотя и не 400 000 с лишним долларов в год, которые выплачиваются каждому из четырех ведущих игроков, или 24 000 000 долларов в год, которые распределяются среди толпы.

Алхимия, с помощью которой джентльмен, никогда не видевший угольной шахты, перегоняет содержимое этого мрачного места в элегантные покои Лондона и загородные дома, не является монополией владельцев королевской семьи. Аналогичный подвиг престижизации совершает владелец городской арендной платы за землю. В сельских округах некоторые землевладельцы, возможно, многие землевладельцы, являются партнерами в опасном и трудном бизнесе сельского хозяйства, и, хотя они часто могут обладать властью, которая является чрезмерной в социальном плане, положение, которое они занимают, и доход, который они получают, частично, в конце концов, являются вознаграждением за выполняемые ими функции. Право собственности на городскую землю было усовершенствовано до тех пор, пока из этой сырой руды не осталось только чистого золота. Это идеальная синекура, поскольку единственная функция, которую она включает, - это сбор прибыли, и в эпоху, когда борьба либерализма с синекурами была еще достаточно недавней, чтобы затронуть некоторые струны памяти, последний и величайший из либеральных мыслителей сделал очевидный вывод. "Причины, которые служат оправданием ... собственности на землю, - писал Милль в 1848 году, - действительны лишь постольку, поскольку собственник земли является ее улучшителем.... Ни в одной здоровой теории частной собственности никогда не предполагалось, что собственником земли должен быть всего лишь расквартированный на ней синекурщик." Городская земельная рента и авторские отчисления на самом деле, как предположил премьер-министр в свои неокрепшие времена, являются налогом, который некоторым лицам закон разрешает взимать с промышленности других. Они отличаются от государственного налогообложения только тем,

что их сумма увеличивается пропорционально не потребности нации в доходах, а ее потребности в угле и площади, с которых они взимаются, что их рост направлен на частную выгоду, а не на общественную пользу, и что, если доходы тратятся впустую на легкомысленные траты, никто не имеет права жаловаться, потому что порядок, по которому лорд Смит тратит богатство, созданное мистером Брауном, на предметы, которые не приносят пользы ни тому, ни другому, является частью системы, которую под названием частной собственности мистер Браун, а также лорд Смит научились считать необходимой для повышения благосостояния человечества .

Но если мы примем принцип функционирования, то зададимся вопросом, какова *цель* такого устройства и с какой целью жители, например, Лондона платят 64 000 000 долларов в год своим землевладельцам. И если мы обнаружим, что это бессмысленно и бесцельно, но что эти вещи подобны подковам и гвоздям, которые Лондонский сити дарит короне в обмен на землю в приходе Сент-Клемент Дейнс, тогда мы не будем сурово относиться к причудливому историческому пережитку, но и не позволим ему отвлекать нас от дел настоящего, как если бы история была, но истории больше не было. Мы перекроем эти каналы, по которым утекает богатство, вернув себе право собственности на полезные ископаемые и городские земли, как это уже сделали некоторые общины в британских доминионах и на Европейском континенте. Мы обеспечим, чтобы те крупные накопления, которые остаются, переходили из рук в руки по крайней мере раз в каждом поколении, увеличивая наши налоги на наследство до тех пор, пока то, что переходит к наследнику, не будет немногим больше личной собственности, а не права на дань от промышленности, которая, хотя и ограничена пошлинами после смерти, является тем, что сын богатого человека наследует сегодня. Короче говоря, мы будем относиться к владельцам полезных ископаемых и земель так, как Платон относился бы к поэтам, которые в своей способности создавать что-то из ничего и очаровывать человечество словами, которые они немного напоминают, увенчивают их цветами и вежливо выпроваживают из Государства.

VII

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ПРОФЕССИЯ

Права без функций подобны теням у Гомера, которые пили кровь, но разбегались, дрожа при звуке человеческого голоса. Отменить лицензионные платежи и городскую арендную плату за землю - значит просто взорвать суеверие. Для этого нужно так же мало — и так же много —

решимости, как для того, чтобы протянуть руку через любого другого призрака. Во всех отраслях, за исключением сокращающегося числа, в которых капиталист сам является управляющим, собственность на капитал почти одинаково пассивна. Почти, но не совсем. Ибо, хотя большинство его владельцев сами не выполняют никаких положительных функций, они назначают тех, кто это делает. Конечно, верно, что вопрос о том, как следует владеть капиталом, отличается от вопроса о том, как им управлять, и что первый может быть решен без ущерба для второго. Делать вывод, что, поскольку акционеры владеют капиталом, необходимым для промышленности, что, следовательно, промышленность зависит от сохранения капитала в руках акционеров, писать вместе с некоторыми экономистами, как будто, если частная собственность на капитал будет еще более ослаблена или вообще отменена, конструктивная энергия менеджеров, которые могут владеть капиталом, а могут и не владеть, но редко, в более важных отраслях, владеют более чем небольшой его частью, неизбежно должна быть ослаблена, - значит быть виновным в сильной *непоследовательности* и игнорировать наиболее очевидные факты современной промышленности. Чем меньше простой капиталист говорит о необходимости для потребителя эффективной организации производства, тем лучше; ибо, каким бы ни было будущее промышленности, в эффективной организации, скорее всего, не будет места для *него*. Но хотя акционеры не управляют, они правят, по крайней мере, до такой степени, что раз в год произносят "*леруа ле вель*". Если их права будут урезаны или аннулированы, необходимость в каком-либо органе для их осуществления все равно сохранится. И вопрос о собственности на капитал имеет столько общего с вопросом организации производства, что проблема конституции, в соответствии с которой должна вестись промышленность, является общей для обоих.

Эту конституцию следует искать, рассматривая, как можно организовать промышленность, чтобы наиболее точно выразить принцип цели. Применение принципа цели к промышленности просто, как бы трудно ни было претворить его в жизнь. Это значит превратить это в профессию. Проще всего профессию можно определить как ремесло, которое организовано, без сомнения, неполно, но действительно, для выполнения определенной функции. Это не просто группа людей, которые зарабатывают себе на жизнь одним и тем же видом работы. Это не просто группа, организованная исключительно для экономической защиты своих членов, хотя обычно это входит в число ее целей. Это группа людей, которые выполняют свою работу в соответствии с правилами, призванными обеспечить соблюдение определенных стандартов как для лучшей защиты своих членов, так и для лучшего служения обществу. Стандарты, которые она поддерживает, могут быть высокими или низкими: у всех профессий есть одни правила, которые защищают интересы сообщества, а другие являются его навязыванием. Суть его заключается в том, что он берет на себя определенную ответственность за компетентность своих членов или качество своих товаров и что он намеренно запрещает определенные виды поведения на том основании, что, хотя они могут быть выгодны отдельному лицу, они рассчитаны на то, чтобы подорвать репутацию организации, к которой он принадлежит. В то время как некоторые из его правил являются профсоюзными постановлениями, разработанными в первую очередь для предотвращения снижения экономических стандартов профессии из-за недобросовестной конкуренции, другие имеют своей главной целью гарантировать, что ни один представитель профессии не должен иметь никакого, кроме чисто профессионального интереса к своей работе, исключая стимул спекулятивной прибыли.

Концепция, подразумеваемая под словами "непрофессиональное поведение", является, таким образом, полной противоположностью теории и практике, которые предполагают, что служение

обществу наилучшим образом обеспечивается неограниченным преследованием конкурирующими торговцами своих финансовых интересов в тех пределах, которые допускает закон. Примечательно, что в то время, когда профессиональные классы обожествляли свободную конкуренцию как арбитра торговли и промышленности, они и не мечтали применять ее к профессиям, в которых они сами были в первую очередь заинтересованы, но поддерживали и даже разрабатывали механизмы, с помощью которых профессиональная совесть могла бы находить выражение. Непрофессионалу сами правила иногда могут показаться произвольными и непродуманными. Но их цель ясна. Она заключается в том, чтобы возложить на саму профессию обязанность поддерживать качество предоставляемых услуг и не допустить подрыва ее общей цели из-за чрезмерного влияния мотива денежной выгоды на потребности или алчность индивида.

Таким образом, разница между промышленностью в том виде, в каком она существует сегодня, и профессией проста и безошибочна. Суть первого заключается в том, что его единственным критерием является финансовая отдача, которую он предлагает своим акционерам. Суть последнего заключается в том, что, хотя люди вступают в него ради средств к существованию, мерой их успеха является служба, которую они выполняют, а не выгоды, которые они накапливают. Они могут, как в случае с успешным врачом, разбогатеть; но смысл их профессии, как для них самих, так и для общества, заключается не в том, что они зарабатывают деньги, а в том, что они создают здоровье, или безопасность, или знания, или хорошее правительство, или хороший закон. Их доход зависит от этого, но они не считают, что любое поведение, которое увеличивает их доход, с этой точки зрения является хорошим. И в то время как производитель обуви, уходящий на пенсию с полумиллионом, считается добившимся успеха, независимо от того, были ли сделанные им ботинки кожаными или оберточными, государственному служащему, сделавшему то же самое, будет объявлен импичмент.

Итак, если они врачи, они признают, что существуют определенные виды поведения, которые нельзя практиковать, какой бы большой гонорар им ни предлагали, потому что они непрофессиональны; если ученые и учителя, то что неправильно зарабатывать деньги, намеренно обманывая общественность, как это делают производители патентованных лекарств, как бы сильно общественность ни требовала, чтобы их обманули; если судьи или государственные служащие, то они не должны увеличивать свои доходы, продавая правосудие за деньги; если солдаты, то служба на первом месте, а их личные склонности, даже разумное предпочтение жизни смерти, на втором. В каждой стране есть свои предатели, в каждой армии - свои дезертиры, а в каждой профессии - свои черноногие. Идеализировать профессиональный дух было бы крайне абсурдно; у него есть своя грязная сторона, и, если мы хотим поощрять его в промышленности, потребуются меры предосторожности для сдерживания его проявлений. Но есть огромная разница между поддержанием стандарта, от которого иногда отказываются, и утверждением в качестве центральной истины существования того, что стандарта, который нужно поддерживать, нет. Значение профессии в том, что она делает предателей исключением, а не правилом, как это происходит в промышленности. Это делает их исключением, поддерживая в качестве критерия успеха цель, ради которой осуществляется профессия, какой бы она ни была, и подчиняя склонности, аппетиты и амбиции отдельных людей правилам организации, целью которой является содействие выполнению функций.

Нет четкой границы между профессиями и отраслями промышленности. Сто лет назад профессия учителя, которая сегодня в целом является почетной общественной службой, была скорее вульгарной спекуляцией на доверчивости общества; если мистер Сквирс был карикатурой, то Оксфорд Гиббона и Адама Смита был твердой портовой реальностью; ни одна местная власть не смогла бы выполнить и десятой части обязанностей, которые ежедневно выполняет современная муниципальная корпорация, потому что не было группы государственных служащих для их выполнения, а те, кто там были, брали взятки. По крайней мере, возможно, что некоторые отрасли медицины развивались по образцу промышленного капитализма, с больницами как фабриками, с врачами, нанятыми за конкурентоспособную заработную плату в качестве "рабочих рук", с большими дивидендами, выплачиваемыми акционерам за счет обслуживания богатых и бедных, которые не предлагают прибыльного рынка, которым предоставляют услуги низкого качества или вообще не предоставляют услуг.

Идея о том, что существует какая-то таинственная разница между производством военного снаряжения и стрельбой из него, между строительством школ и преподаванием в них после постройки, между обеспечением продовольствием и обеспечением здоровья, что делает неизбежным и похвальным тот факт, что первое должно осуществляться с единственной целью - получить денежную выгоду, в то время как второе осуществляется профессионалами, которые ожидают платы за службу, но которые не следят за неожиданной прибылью и не повышают свои гонорары только потому, что есть больше больных, которых нужно вылечить, больше детей, которых нужно учить, или больше врагов, которым нужно противостоять, является иллюзией, лишь менее удивительной, чем то, что лидеры промышленности следует приветствовать оскорбление как честь и носить свое унижение как своего рода ореол. Работа по пошиву обуви или строительству дома сама по себе не более унижительна, чем работа по лечению больных или обучению невежд. Она столь же необходима и, следовательно, столь же почетна. Она должна быть, по крайней мере, в равной степени связана правилами, целью которых является поддержание стандартов профессионального обслуживания. Она должна быть, по крайней мере, в равной степени свободна от вульгарного подчинения моральных норм финансовым интересам.

Если промышленность должна быть организована как профессия, необходимы два изменения, одно негативное и одно положительное. Первый заключается в том, что она должна перестать проводиться агентами собственников в интересах собственников, и вместо этого должна проводиться на благо общества. Во-вторых, при условии строгого общественного контроля ответственность за поддержание службы должна лежать на плечах тех, от организатора и ученого до рабочего, которыми, по сути, проводится работа.

Первое изменение необходимо, потому что управление промышленностью в интересах общества невозможно до тех пор, пока конечная власть над ее управлением принадлежит тем, чья единственная связь с ней и интерес в ней - стремление к наживе. Поскольку промышленность в настоящее время организована так, что ее прибыль и контроль над ней по закону принадлежат тому элементу в ней, который имеет наименьшее отношение к ее успеху. В рамках акционерной организации, которая стала обычной во всех наиболее важных отраслях промышленности, за исключением сельского хозяйства, ею управляют наемные агенты тех,

кому принадлежит имущество. Она успешна, если возвращает акционерам крупные суммы, и неудачна, если этого не происходит. Если представляется возможность увеличить дивиденды с помощью методов, которые ухудшают качество обслуживания или унижают работников, должностные лица, управляющие промышленностью, действуют строго в рамках своих обязанностей, если они пользуются ею, поскольку они являются слугами своих работодателей, и их обязанность перед своими работодателями состоит в том, чтобы приносить дивиденды, а не оказывать услуги. Но владельцы собственности, как собственники, не являются функциональными, не в том смысле, конечно, что инструменты, владельцами которых они являются, бесполезны, но в том смысле, что, поскольку работа и собственность все больше разделяются, эффективное использование инструментов не зависит от сохранения прав собственности, осуществляемых в отношении них. Конечно, есть много управляющих директоров, которые одновременно владеют капиталом и управляют бизнесом. Но, тем не менее, большинство акционеров в большинстве крупных отраслей промышленности обычно являются акционерами и ничем больше.

Их экономические интересы также не совпадают, как иногда предполагается, с интересами широкой общественности. Общество богато, когда материальные блага, включая капитал, дешевы, а люди дороги: действительно, слово "богатство" не имеет другого значения. Интерес тех, кто владеет собственностью, используемой в промышленности, хотя, конечно, не менеджеров, которые управляют промышленностью и которые сами являются слугами, причем часто очень низкооплачиваемыми слугами, заключается в том, чтобы их капитал был дорог, а люди дешевы. Следовательно, если отрасль такова, что приносит значительную прибыль, или если одно подразделение в отрасли, благодаря какому-то особому преимуществу, производит дешевле, чем его соседи, продавая при этом по той же цене, или если оживление торговли повышает цены, или если поставки контролируются одним из комбинатов, которые в настоящее время являются правилом во многих наиболее важных отраслях, результирующий излишек обычно переходит ни к менеджерам, ни к другим работникам, ни к населению, но к акционерам. Такое устройство абсурдно в буквальном смысле, поскольку является противоположностью тому, которое было бы установлено соображениями справедливости и здравого смысла, и порождает (среди прочего) то, что называется "борьбой между трудом и капиталом". Эта фраза уместна, поскольку она столь же абсурдна, как и отношения, описанием которых она призвана быть. Выражать сожаление по поводу "неприязни" или выступать за "гармонию" между "трудом и капиталом" так же рационально, как оплакивать вражду между плотниками и молотками или продвигать миссию по восстановлению дружбы между человечеством и его сапогами. Единственное значение этих *клише* заключается в том, что их повторение имеет тенденцию приглушать их бессмысленность, вплоть до убеждения здравомыслящих людей в том, что капитал "использует" труд, подобно тому, как наши языческие предки воображали, что другие куски дерева и железа, которые они обожествляли в свое время, давали урожай и выигрывали битвы. Когда люди заходят так далеко, что говорят, будто их идолы ожили, пришло время кому-нибудь разрушить их. Труд состоит из людей, капитал - из вещей. Единственное применение вещей заключается в том, чтобы служить людям. Дело людей - следить за тем, чтобы ими можно было пользоваться и чтобы за их использование платили не больше, чем необходимо.

Таким образом, применение принципа функции к промышленности предполагает изменение прав собственности, поскольку эти права не способствуют, как сейчас, достижению цели, для которой существует промышленность. То, что придает единство любой деятельности, то, что единственное может примирить противоречивые притязания различных групп, вовлеченных в

нее, - это цель, ради которой она осуществляется. Если у людей нет общей цели, то неудивительно, что они расходятся по пути, и вряд ли они смогут примириться путем перераспределения своих припасов. Если они оба недовольны тем, что являются слугами, то один из них должен быть хозяином, и было бы напрасно предполагать, что господство может удерживаться в состоянии неопределенности между ними двумя. Может существовать разделение функций между различными классами работников или между работником и потребителем, и каждый может обладать в своей собственной сфере полномочиями, необходимыми для того, чтобы он мог их выполнять. Но не может быть разделения функций между рабочим и собственником, который является собственником и ничем иным, ибо какую функцию выполняет такой собственник? Обеспечение капитала? Затем заплатите ему сумму, необходимую для обеспечения использования его капитала, но не платите ему больше и не допускайте его на руководящую должность в производстве, для которой он просто как собственник не подходит. По этой причине, хотя равновесие между работником и менеджером возможно, поскольку оба являются работниками, то, что стремятся установить между работником и собственником, таковым не является. Это похоже на предложение немцев вести переговоры с Бельгией из Брюсселя. Их предложения могут быть превосходными, но непонятно, почему они находятся там, где они есть, или как, поскольку они не вносят вклада в производство, они вообще начинают выдвигать предложения. Пока они находятся на территории, где им нечего делать, их индивидуальное превосходство будет игнорироваться из-за раздражения системой, которая ставит их там, где они есть.

Это действительно счастье, если ничего хуже этого не случится. Ибо один из способов решения проблемы конфликта прав в промышленности состоит не в том, чтобы основывать права на функциях, как мы предлагаем, а в том, чтобы основывать их на силе. Это восстановление в какой-либо завуалированной и благопристойной форме института рабства путем введения обязательного труда. Почти во всех странах согласованный отказ от работы в тот или иной момент считался уголовным преступлением. В наши дни существуют районы мира, в которых европейские капиталисты, не сдерживаемые никаким общественным мнением или независимой от них властью, вольны навязывать рабочим невежественных и беспомощных рас практически любые условия, какие им заблагорассудится. В тех районах Америки, где капитализм все еще сохраняет свое примитивное беззаконие, угроза насилия, по-видимому, приводит к тому же результату, что и рабочих-иммигрантов.

При таких обстоятельствах конфликт прав, который находит выражение в промышленной войне, не возникает, поскольку права одной стороны были аннулированы. Простота средства правовой защиты настолько привлекательна, что неудивительно, что правительства промышленно развитых стран время от времени заигрывают с политикой принудительного арбитража. В конце концов, утверждается, что это всего лишь аналог действия сверхнациональной власти, которая должна использовать свои общие силы для предотвращения начала войны. На самом деле принудительный арбитраж противоположен любой политике, которую такой орган власти мог бы проводить либо справедливо, либо с надеждой на успех. Ибо оно принимает как должное стабильность существующих отношений и вмешивается для урегулирования случайных споров, исходя из предположения, что их справедливость признана и желаемо их постоянство. Однако в промышленности речь идет именно о справедливости существующих взаимоотношений. Лига наций, которая устанавливала бы отношения между подвластной расой и ее угнетателями, между славянами и мадярами или жителями того, что когда-то было прусской Польшей, и прусским

правительством, исходя из предположения, что подчинение славян мадьярам, а поляков пруссакам было частью неизменного порядка, справедливо встретила бы сопротивление всех тех, кто считает свободу более ценной, чем мир. Государство, которое во имя мира должно объявить согласованное прекращение работы юридическим правонарушением, было бы виновно в подобном предательстве свободы. Это означало бы разрешение конфликта прав между теми, кто владеет, и теми, кто работает, путем отмены прав тех, кто работает.

Итак, и здесь, если мы не готовы восстановить ту или иную форму принудительного труда, мы заходим в тупик. Но это тупик только до тех пор, пока мы рассматриваем права собственности тех, кто владеет капиталом, используемым в промышленности, как абсолютные и самоцель. Если вместо предположения, что любая собственность, просто потому, что это собственность, одинаково священна, мы спросим, какова *цель* для которой используется капитал, какова его *функция*, мы поймем, что это не цель, а средство достижения цели, и что его функция состоит в том, чтобы обслуживать и помогать (как говорят нам экономисты) труду людей, а не в том, чтобы люди служили тем, кому он принадлежит. И из этой истины вытекают два следствия. Первый заключается в том, что, поскольку капитал - это вещь, которую следует использовать для оказания помощи промышленности, подобно тому как человек может использовать велосипед, чтобы быстрее добираться до своей работы, он должен, когда он используется, использоваться на возможно более дешевых условиях. Второе заключается в том, что те, кто владеет им, должны контролировать производство не больше, чем человек, сдающий в аренду дом, контролирует блюда, которые будут готовиться на кухне, или человек, который позволяет лодке развивать скорость, с которой должны тянуть гребцы. Другими словами, капитал всегда должен приобретаться по себестоимости, что означает, что, если государство не сочтет разумным, что вполне возможно, владеть капиталом, используемым в определенных отраслях, ему следует выплачивать наименьший процент, за который он может быть получен, но он не должен иметь права ни на остаточные дивиденды, ни на контроль над отраслью.

Теоретически существует пять способов прекращения контроля над промышленностью со стороны агентов частных собственников. Они могут быть экспроприированы без какой-либо компенсации. Они могут добровольно отказаться от него. Они могут быть заморожены в результате действий со стороны рабочего *персонала*, который сам берет на себя те функции, если таковые имеются, которые они выполняли, и делает их излишними, осуществляя производство без их помощи. Их имущественный интерес может быть ограничен или ослаблен до такой степени, что они станут простыми *мирантье*, которым гарантирован фиксированный платеж, аналогичный платежу держателя долгового обязательства, но которые не получают прибыли и не несут никакой ответственности за организацию производства. Они могут быть выкуплены. Примером первой альтернативы являются исторические конфискации прошлого, такие как, например, захват церковной собственности правящими классами Англии, Шотландии и большинства других протестантских государств. Второе редко, если вообще когда-либо, пробовалось — ближайшим приближением к нему, возможно, было знаменитое отречение от престола 4 августа 1789 года. Третий - это метод, который, по-видимому, предполагается строительными гильдиями, которые сейчас находятся в процессе формирования в Великобритании. За четвертым методом обращения с капиталистом следует кооперативное движение. Это также предложение комитета работодателей и профсоюзных

деятелей строительной отрасли, председателем которого был г-н Фостер, и который предложил, чтобы работодателям выплачивалась фиксированная заработная плата и фиксированная ставка процентов на их капитал, но чтобы вся избыточная прибыль объединялась и управлялась центральным органом, представляющим работодателей и работников. Пятый метод неоднократно применялся муниципалитетами и несколько реже национальными правительствами.

Какой из этих альтернативных методов выведения промышленности из-под контроля собственника будет принят, зависит от целесообразности и подлежит решению в каждом конкретном случае. Следовательно, "национализация", которую иногда выдвигают в качестве единственного метода ликвидации прав собственности, является всего лишь одним из видов значительного рода. Ее, конечно, можно использовать для получения желаемого результата. Но, во всяком случае, есть некоторые отрасли промышленности, в которых национализация не является необходимой для того, чтобы ее осуществить, и поскольку это в лучшем случае трудоемкий процесс, когда возможны другие методы, следует использовать другие методы. Национализация - это средство достижения цели, а не самоцель. При правильном понимании его цель состоит не в том, чтобы установить государственное управление промышленностью, а в том, чтобы убрать мертвую руку частной собственности, когда частный собственник перестал выполнять какие-либо позитивные функции. Поэтому, к сожалению, отмена препятствующих прав собственности, которая является обязательной, должна была быть отождествлена с единой формулой, которая может быть с пользой применена в особых обстоятельствах некоторых отраслей, но не обязательно должна применяться во всех. Собственность - это не право, а совокупность прав, и их можно лишать как по частям, так и вычеркивать одновременно. Владение капиталом предполагает, как мы уже говорили, три основных требования: право на процент как цену капитала, право на прибыль и право на контроль, в силу которого менеджеры и рабочие являются слугами акционеров. Эти права в их полном объеме не являются неизменным сопровождением права собственности и не обязательно должны сосуществовать. Изобретательность финансистов давным-давно изобрела методы распределения акций таким образом, что собственность одних осуществляет полный контроль, а других - нет, что одни несут весь риск и имеют право на всю прибыль, в то время как другие ограничены в отношении того и другого. Все они являются собственностью, но не все обладают правами собственности в одинаковой степени.

Пока сохраняется частная собственность на промышленный капитал, целью реформаторов должно быть ослабление его влияния путем настаивания на том, чтобы он выплачивался не выше заранее установленной нормы процента и чтобы он не нес за собой права контроля. При таких обстоятельствах положение обычного акционера было бы примерно таким же, как у владельца долговых обязательств; собственность в отрасли была бы обращена в залог ее прибыли, в то время как контроль над ее управлением и вся прибыль, превышающая минимальную, остались бы в других руках. Как, конечно, и риски. Но риски бывают двух видов: риски отдельного бизнеса и риски отрасли. Первые намного тяжелее вторых, поскольку, хотя угольная шахта является спекулятивной инвестицией, добыча угля таковой не является, и до тех пор, пока каждый бизнес управляется как отдельное подразделение, выплаты акционерам должны покрывать оба вида инвестиций. Если бы владение капиталом в каждой отрасли было единым, что не означает централизации, те риски, которые присущи индивидуальной конкуренции, были бы устранены, и заслуга каждой единицы равнялась бы заслуге целого.

Такое изменение характера собственности имело бы три преимущества. Оно упразднило бы управление промышленностью посредством собственности. Это положило бы конец выплате прибыли бездеятельным акционерам, превратив их в кредиторов, выплачивающих фиксированную процентную ставку. Это заложило бы единственно возможные основы для индустриального мира, сделав возможным превращение промышленности в профессию, которой занимаются все категории работников для служения обществу, а не для наживы тех, кто владеет капиталом. Организация, которую это создало бы, будет, конечно, описана как неосуществимая. Поэтому интересно обнаружить, что именно этот опыт побудил практиков предложить его в качестве средства от расстройств в одной из важнейших отраслей национальной промышленности - строительстве. Вопрос, стоявший перед Комитетом работодателей и рабочих, который опубликовал в августе прошлого года отчет о строительной отрасли, касался "Научного управления и сокращения издержек".^[1] Это не фразы, которые предполагают экономическую революцию; но то, что предлагают подписавшие отчет, мало похоже на революцию. Ибо, как только они вплотную занялись этой проблемой, они обнаружили, что эффективно справиться с ней невозможно без восстановления общей структуры производственных отношений, которая является ее основой. Почему услуги, предоставляемые промышленностью, неэффективны? Отчасти потому, что рабочие не отдают всю свою энергию выполнению своей роли в производстве. Почему они не отдают всего себя? Из-за "страха безработицы, нежелания оперативников получать неограниченную прибыль для частных работодателей, отсутствия заинтересованности, проявляемой оперативниками из-за их неучастия в контроле, неэффективности как управленческой, так и оперативной". Как можно противодействовать этим психологическим препятствиям на пути к эффективности? Усиленным надзором и ускорением, соблазнами системы премирования или другими приемами, с помощью которых люди, слишком изобретательные, чтобы обладать воображением или моральной проницательностью, запугивают или уговаривают бедную человеческую природу делать то, что — если бы только изобретенные ими системы позволяли это! — она желает делать, простые обязанности и честный труд? Вовсе нет. Превратив строительство домов в то, чем сейчас является преподавание, - а мистер Сквирс думал, что оно никогда не сможет стать, - в почетную профессию.

"Мы считаем, — пишут они, - что великая задача нашего Промышленного совета состоит в разработке совершенно новой системы производственного контроля со стороны представителей самой отрасли - реальных производителей, будь то руками или мозгами, и в привлечении их к сотрудничеству с государством как центральным представителем сообщества, которому они организованы, чтобы служить". Вместо неограниченной прибыли, столь "необходимой как стимул к эффективности", работодателю должна выплачиваться зарплата за его услуги в качестве менеджера и процентная ставка на его капитал, которая должна быть фиксированной и гарантированной (если он не может заработать ее из-за собственной неэффективности); все, что сверх этого, фактически любую "прибыль", которая в других отраслях распределяется в виде дивидендов акционерам, он должен передать в центральный фонд, которым будут управлять работодатели и рабочие на благо отрасли в целом. Вместо того, чтобы финансовое положение каждой фирмы рассматривалось как непостижимая тайна для общественности, в результате чего она иногда остается загадкой сама для себя, должна быть создана система государственных расчетов затрат и аудита, на основе которой отрасль возьмет на себя коллективную ответственность за те фирмы, которые, как будет показано, управляются компетентно. Вместо того чтобы увольнять работников в трудные

времена, чтобы они боролись изо всех сил, они должны содержаться за счет фонда, взимаемого с работодателей и управляемого профсоюзами. Необходима гласность в отношении затрат и прибылей, открытые сделки, честный труд и взаимопомощь вместо конкуренции, которую девятнадцатый век рассматривал как эффективную замену им. "Капитал" не означает "использовать рабочую силу". Рабочая сила, которая включает управленческий труд, заключается в использовании капитала; и использовать его по самой дешевой цене, по которой, в условиях данной отрасли, его можно получить. Если компания использует его настолько успешно, что остается излишек, когда ей справедливо платят за ее собственные услуги, то этот излишек не следует делить между акционерами, поскольку, когда им выплачиваются проценты, они получают причитающееся; он должен быть использован для оснащения отрасли для обеспечения еще более эффективного обслуживания в будущем.

Итак, перед нами большинство практиков, которым наплевать на социалистические теории, предлагающих создать "организованную общественную службу в строительной отрасли", короче говоря, рекомендующих превратить их отрасль в профессию. И они делают это, это будет наблюдаться, именно такой функциональной организацией, именно таким преобразованием полных прав собственности в залог, обеспеченный (насколько это касается эффективных фирм) отраслью в целом, именно такой передачей контроля над производством от владельца капитала тем, чьим бизнесом является производство, что, как мы видели, необходимо, если промышленность должна быть организована для оказания услуг, а не для получения денежной выгоды теми, кто обладает правами собственности. Их отчет имеет первостепенное значение, поскольку предлагает политику ослабления частной собственности на капитал в важной группе отраслей, в которых частная собственность в той или иной форме, вероятно, сохранится в течение некоторого значительного времени, и ценную услугу оказал бы любой, кто детально проработал бы применение ее принципа к другим отраслям.

, конечно, это не значит, что это единственный способ или в отраслях с высокой капитализацией наиболее осуществимый способ, с помощью которого можно добиться изменений. Если бы движение против контроля производства со стороны собственности имело место до возникновения компаний с ограниченной ответственностью, в которых собственность отделена от управления, переход к организации производства как профессии также мог бы иметь место, как предлагают работодатели и рабочие строительной отрасли, ограничивая права частной собственности, но не отменяя ее. Но это не то, что произошло на самом деле, и поэтому предложения строительной отрасли не имеют универсального применения. Можно сохранить частную собственность в строительстве и в таких отраслях, как строительство, изменив при этом ее характер, именно потому, что в строительстве работодатель обычно является не просто собственником, но и чем-то еще. Он менеджер, то есть он рабочий. И поскольку он рабочий, чьи интересы и, тем более, чей профессиональный дух как рабочего часто могут перевешивать его интересы и просто финансовый дух как собственника, он может стать частью производственной организации отрасли после того, как его права как собственника будут урезаны и ограничены.

Но такое двойное положение ненормально, а в высокоорганизованных отраслях с каждым годом становится все более ненормальным. В угольной промышленности, производстве хлопка, судостроении, во многих отраслях машиностроения владелец капитала не является, в отличие от строительного, организатором или менеджером. Его связь с отраслью и интерес к ней чисто финансовый. Он собственник и ничего больше. И поскольку его интерес чисто финансовый, так

что его интересуют дивиденды и производство только как средство получения дивидендов, он не может быть принят в промышленную организацию, которая наделяет полномочиями орган, представляющий все категории производителей, или производителей и потребителей вместе, поскольку у него нет с ними общей цели; так что, хотя совместные советы рабочих и менеджеров могут добиться успеха, совместные советы рабочих и владельцев или агентов владельцев, подобно большинству так называемых Советов Уитли, не будут, потому что необходимость простого владельца сама по себе является одним из спорных пунктов. Мастер-строитель, которому принадлежит использованный капитал, может быть включен не *в качестве* капиталиста, а *в качестве* строителя, если он откажется от некоторых прав собственности, как предложил Комитет строительной промышленности. Но если акционер угольной шахты или верфи отказывается от контроля и неограниченных прибылей, на которые он в настоящее время имеет право как *капиталист*, он отказывается от всего, что делает его тем, кто он есть, и не имеет другого положения в отрасли. Он не может участвовать, подобно мастеру-строителю, в управлении зданием, потому что у него нет квалификации, которая позволила бы ему это делать. Его цель - прибыль; и если промышленность должна стать, как предлагают работодатели и рабочие строительной отрасли, "организованной общественной службой", то ее подчинение акционеру, целью которого является прибыль, - это, как они ясно видят, именно то, что должно быть устранено. Мастера-строители предлагают отказаться от этого. Они могут это сделать, потому что у них есть свое место в отрасли в силу их функции рабочих. Но если бы акционер отказался от этого, у него вообще не было бы места.

Следовательно, в угледобыче, где собственность и управление резко разделены, владельцы не допускают даже малейшей возможности существования какой-либо системы, в которой контроль над администрацией шахт распределяется между руководством и шахтерами. "Я уполномочен заявить от имени Горнодобывающей ассоциации, - сообщил Угольной комиссии лорд Гейнфорд, главный свидетель от имени владельцев шахт, - что, если владельцам не будет оставлен полный исполнительный контроль, они откажутся брать на себя ответственность за развитие отрасли".[2] Таким образом, владельцы шахт одним предложением отменяют всю совокупность правдоподобных предположений. -вера, которая основывается на идее о том, что, хотя частная собственность остается неизменной, промышленная гармония может быть достигнута с помощью волшебной формулы совместного контроля. И они правы. Представители рабочих и акционеров в горнодобывающей и других отраслях промышленности могут встречаться, вести переговоры и дискутировать. Но совместное управление имуществом акционеров органом, представляющим акционеров и работников, невозможно, поскольку между ними нет общей цели. Ибо единственная цель, которая могла бы объединить всех людей, занятых в промышленности, и взять верх над их особыми и расходящимися интересами, - это предоставление услуг. И целью акционеров, всей значимостью и *спецификой* отрасли для них является не предоставление услуг, а получение дивидендов.

В отраслях, где управление отделено от собственности, как это происходит в большинстве современных высокоорганизованных отраслей, следовательно, нет очевидного промежуточного пункта между сохранением существующей системы и полным вытеснением капиталиста из-под контроля производства. Изменение характера собственности, которое необходимо для того, чтобы угольная или текстильная промышленность и судостроение могли

быть организованы как профессии для обслуживания общества, не может легко произойти изнутри. Удар, необходимый для освобождения их от контроля собственника, должен прийти извне. Теоретически это могло бы быть вызвано действиями со стороны организованных рабочих, которые отменили бы остаточную прибыль и право контроля простой процедурой отказа от работы, пока они сохраняются, по исторической аналогии, предложенной крестьянами, которые в прошлом уничтожали хищническую собственность, отказываясь платить ее взносы и признавать ее правительство, и в этом случае парламент вмешался бы только для того, чтобы зарегистрировать согласие сообщества с *свершившимся фактом*. Однако на практике, при данных условиях современной промышленности, этот курс, помимо других его недостатков, настолько маловероятен, что им можно пренебречь, а если и попытаться, то добиться успеха. Альтернативой этому является то, что изменение характера собственности должно регулироваться законодательством, в силу которого права собственности в отрасли выкупаются одновременно.

В любом случае, хотя процедура отличается, результат изменения, как только оно выполнено, один и тот же. Частная собственность на капитал, в смысле права на прибыль и контроль, отменяется. То, что от него остается, - это, самое большое, закладная в пользу прежних владельцев, мертвый лист, который сохраняется, хотя сок промышленности больше не питает его, до тех пор, пока не сочтут целесообразным его срезать. И поскольку капитал, необходимый для поддержания и оснащения современной промышленности, не может быть предоставлен какой-либо одной группой работников, даже если бы по другим причинам было желательно, чтобы они полностью заняли положение нынешних владельцев, комплекс прав, составляющий собственность, остается разделенным между ними и любым органом, который может действовать от имени общества в целом. Первый, например, может быть наследником нынешних владельцев в том, что касается контроля за рутинной и управлением промышленностью: второй может унаследовать их право распоряжаться остаточной прибылью. Элементы, составляющие собственность, на самом деле должны быть распутаны: и тот факт, что сегодня под общим названием собственности несколько различных полномочий сосредоточены в одних и тех же руках, не должен умалять вероятности того, что, как только частная собственность на капитал будет отменена, может оказаться целесообразным перераспределить эти полномочия в деталях, а также передать их *единым блоком*.

Суть профессии, как мы уже предположили, заключается в том, что ее представители самоорганизуются для выполнения своих функций. Следовательно, для профессионализации промышленности важно, чтобы отмена неработающей собственности не интерпретировалась как подразумевающая сохранение в государственной собственности отсутствия ответственности со стороны *персонала* промышленности, что является нормальным сопровождением частной собственности, действующей через систему заработной платы. Тем более важно подчеркнуть этот момент, потому что подобный подтекст иногда высказывался в прошлом некоторыми из тех, кто приводил доводы в пользу некоторого подобного изменения характера собственности, на чем настаивалось выше. Название, освященное обычаем для преобразования собственности в результате общественных и внешних действий, - национализация. Но национализация - это слово, которое не является ни очень удачным, ни лишенным двусмысленности. При правильном использовании это означает просто владение органом, представляющим нацию. Но на практике он стал использоваться как эквивалент особого метода управления, при котором должностные лица, нанятые государством, занимают должности нынешних директоров промышленности и осуществляют всю ту власть, которой они

пользовались. Поэтому те, кто желает сохранить систему, при которой промышленность функционирует не как профессия, служащая обществу, а в интересах акционеров, нападают на национализацию на том основании, что государственное управление неизбежно неэффективно, и трепещут от страха всякий раз, когда опускают письмо в почтовый ящик; а те, кто желает изменить это, отвечают, что государственные службы эффективны, и восхваляют Бога всякий раз, когда пользуются телефоном; как будто частное или государственное управление обладает определенными особыми и неизменными характеристиками, вместо того, чтобы зависеть от его качества, как армия, железнодорожная компания или школа, и все другие предприятия, как государственные, так и частные, не от того, являются ли те, кто его проводит, частными чиновниками или государственными чиновниками, а от того, должным ли образом они подготовлены для своей работы и могут ли пользоваться доброй волей и доверием своих подчиненных.

Аргументы обеих сторон остроумны, но на самом деле почти все они не относятся к делу. Достоинства национализации не зависят от эффективности или неэффективности существующих государственных ведомств как управляющих промышленностью. Поскольку национализация, которая означает государственную собственность, совместима с несколькими различными типами управления. Структура отрасли может быть "унитарной", как, например, структура почтового отделения. Или она может быть "федеральной", как это было разработано г-ном судьей Сэнки для угольной промышленности. Управление может быть централизованным или децентрализованным. Органы власти, которым оно поручено, могут состоять из представителей потребителей, или представителей профессиональных ассоциаций, или государственных должностных лиц, или из всех трех в нескольких различных пропорциях. Руководящая работа может быть передана в руки государственных служащих, прошедших обучение, набор на работу и продвижение по службе, как в существующих государственных ведомствах, или может быть создана новая служба с собственной процедурой и стандартами. Он может находиться под контролем Казначейства или быть финансово автономным. На самом деле проблема знакомого, хотя и сложного порядка. Это проблема создания конституции.

Сторонники полемики обычно предполагают, что организация и управление национализированной отраслью промышленности по какой-то неопределенной причине должны быть аналогичны организации почтового отделения. С таким же основанием можно было бы предположить, что образцом частного предпринимательства должна быть Steel Corporation или Imperial Tobacco Company. Административные системы, существующие в обществе, национализировавшем основные отрасли промышленности, фактически будут столь же разнообразны, как и в обществе, передающем их в частную собственность; и обсуждать их относительные преимущества, не определяя, какой конкретный тип каждой из них является предметом рассмотрения, сегодня так же бесполезно, как подходить к современной политической проблеме с точки зрения аристотелевской классификации конституций. В высшей степени абстрактная диалектика относительно "предприимчивости", "инициативы", "бюрократии", "волокиты", "демократического контроля", "государственного управления", которыми пестрит пресса стран, занятых промышленными проблемами, на самом деле принадлежит темным векам экономической мысли. Можно предположить, что первой задачей студента, каковы бы ни были его личные выводы, является внести посильный вклад в восстановление здравомыслия, настаивая на том, что вместо того, чтобы вести спор с использованием сильно раздутой и быстро обесценивающейся словесной валюты, точная

ситуация, насколько это возможно, должна быть изложена такой, какая она есть; неопределенности (которых много) должны рассматриваться как неопределенные, и точное значение альтернативных предложений должно быть строго определено. Не последним достоинством доклада судьи г-на Сэнки было то, что, очень подробно описав тип организации, который он рекомендовал для угольной промышленности, он придал всей дискуссии новую точность и реальность. Независимо от того, будут приняты его выводы или нет, именно на основе четко определенных предложений, подобных его, должно проводиться будущее обсуждение этих проблем. Оно может не найти решения. Это, по крайней мере, создаст атмосферу, при которой можно будет искать разумное решение.

Таким образом, национализация - это не цель, а средство достижения цели, и когда вопрос о собственности урегулирован, остается решить вопрос об управлении. Как средство это, вероятно, будет незаменимо в тех отраслях, в которых права частных собственников не могут быть легко изменены без вмешательства государства, точно так же, как покупка земли советами графств является необходимым шагом к созданию мелких собственников, когда землевладельцы добровольно не расстанутся со своей собственностью для этой цели. Но целью покупки земли является установление мелких собственников, а не создание ферм, управляемых государственными чиновниками; и целью национализации горнодобывающей промышленности, железных дорог или производства стали должно быть не установление какой-либо особой формы государственного управления, а освобождение тех, кто выполняет созидательную работу, от контроля тех, чьим единственным интересом является денежная выгода, чтобы они могли свободно применять свою энергию для истинной цели промышленности, которая заключается в предоставлении услуг, а не в получении дивидендов. Когда произойдет передача собственности, вероятно, окажется, что необходимое обеспечение для правительства промышленности будет включать не просто свободу производителей производить, но и создание оборудования, с помощью которого потребитель, для которого он производит, сможет выражать свои пожелания и критиковать способ их удовлетворения, чего в настоящее время он обычно не может. Но это второй этап в процессе реорганизации промышленности для выполнения возложенных на нее функций, а не первый. Первый - освободить ее от подчинения денежным интересам владельца собственности, потому что они являются магнитным полюсом, который сбивает с толку все компасы и который заставляет промышленность, как бы быстро она ни развивалась, двигаться в неправильном направлении.

Это изменение характера собственности также не влечет за собой нарушения существующего порядка настолько резкого, чтобы быть практически невыполнимым. Фразеология политических споров продолжает воспроизводить традиционные антитезы начала девятнадцатого века; "частное предпринимательство" и "общественная собственность" по-прежнему противопоставляются друг другу, как свет тьме или тьма свету. Но, в действительности, за формальной оболочкой традиционной правовой системы элементы новой системы отношений уже подготовлены и находят практическое применение благодаря политике, разработанной не социалистами, а людьми, которые повторяют формулы индивидуализма в тот самый момент, когда они его подрывают. Закон Эша-Камминса в Америке, Закон о создании Министерства транспорта в Англии, схема организации угольных шахт сэра Артура Дакхэма, предложения в отношении угольной промышленности самого британского правительства, по-видимому, имеют общую характеристику сохранения частной собственности номинально, при одновременном ее фактическом ослаблении, путем помещения ее операторов под надзор, иногда сопровождаемый финансовой гарантией,

государственного органа. Схемы такого общего характера, по-видимому, действительно являются первой инстинктивной реакцией, вызванной открытием того, что частное предпринимательство больше не функционирует эффективно; вполне вероятно, что они обладают определенными достоинствами технического порядка, аналогичными тем, которые связаны с объединением конкурирующих фирм в единую комбинацию. Однако сомнительно, является ли компромисс, который они представляют, устойчивым на постоянной основе. В чем, в конце концов, можно спросить, заключаются преимущества частной собственности, когда она урезана до того уровня, который предполагает политика этого порядка? Разве "владелец", права которого они призваны защищать, не может небезосновательно ответить их авторам: "Спасибо вам за все"? Индивидуальное предприятие имеет свои достоинства: возможно, то же самое имеет и общественная собственность. Но к тому времени, когда с этими схемами будет покончено, от "простой и очевидной системы естественной свободы" мало что останется, в то время как их изобретателям запрещено апеллировать к мотивам, которые подчеркивают сторонники национализации. Одно дело быть предпринимателем, живущим в мире приключений и получающим неограниченную прибыль — если она может быть достигнута — перед одним из них. Совсем другое - быть директором железнодорожной компании или угольной корпорации с минимальной нормой прибыли, гарантированной государством, и максимальной нормой прибыли, которая не может быть превышена. Гибриды склонны быть стерильными. Можно усомниться в том, что, обнажая зубы частного капитализма, этот тип компромисса не лишает также и большинства его достоинств.

Итак, когда достигнута определенная стадия экономического развития, частная собственность, по признанию ее защитников, больше не может допускаться в той единственной форме, в которой она может свободно демонстрировать характерные и вполне подлинные преимущества, ради которых ее раньше защищали. И по мере того, как шаг за шагом она сводится на нет молчаливыми уступками практической необходимости защиты потребителя, или ликвидации отходов, или удовлетворения требований трудящихся, общественная собственность становится, не только по социальным соображениям, но и по соображениям экономической эффективности, альтернативой типу частной собственности, который, по-видимому, несет в себе мало прав собственности и на редкость лишен неприкосновенности частной жизни. Неизбежно и, к сожалению, изменение должно быть постепенным. Но оно должно быть непрерывным. Когда, как в последние несколько лет, государство приобретает в собственность огромные массы промышленного капитала, оно должно сохранить его, вместо того чтобы передавать частным капиталистам, которые сразу же протестуют, что им будут управлять настолько неэффективно, что он не будет окупаться, и управлять настолько эффективно, что он будет продаваться им по заниженной цене. Когда имущество дробится и продается, как это происходит в настоящее время, государственные органы должны выходить на рынок и приобретать его. Важнее всего то, что нелепый барьер, унаследованный от эпохи, когда муниципальные корпорации были коррумпированными олигархиями, который в настоящее время не позволяет местным властям Англии приобретать собственность на землю и промышленный капитал, за исключением целей, определенных Актом парламента, должен быть упразднен, и они должны быть свободны оказывать такие услуги, какие могут пожелать граждане. Возражение против общественной собственности, насколько это разумно, на самом деле в значительной степени является возражением против чрезмерной централизации. Но средством от чрезмерной централизации является не сохранение бесполезной собственности в частных руках, а децентрализация владения общественной собственностью, и когда

Бирмингем, Манчестер и Лидс становятся маленькими республиками, какими они и должны быть, нет причин ожидать, что они будут дрожать от одного шепота из Уайтхолла.

Все это должно делаться неуклонно и непрерывно, за исключением особых случаев, таких как ситуация с шахтами и железными дорогами, где, по утверждению экспертов, частная собственность на капитал привела к недопустимым растратам или производству украшений [Примечание автора: вооружения?] и алкогольные напитки, которые политически и социально слишком опасны, чтобы оставлять их в частных руках. Они должны быть сделаны не для того, чтобы установить единую форму бюрократического управления, а для того, чтобы освободить отрасль от господства интересов собственности, которые, какой бы ни была форма управления, не только доставляют хлопоты в деталях, но и порочны в принципе, поскольку отвлекают ее от выполнения функций к получению прибыли. Если в то же время частная собственность будет поколеблена, как это было недавно, действиями определенных групп трудящихся, тем лучше. Существует больше способов убить кошку, чем утопить ее в сливках, и тем больше вероятность, что она выберет сливки, если ей их объяснить. Но эти два метода дополняют друг друга, а не являются альтернативными, и попытка основать конкурирующие школы на мнимой несовместимости между ними является плохим примером *социологической одиозности*, от которой страдают реформаторы.

[1] Перепечатано в *Промышленном совете строительной отрасли*.

[2] *Комиссия по угольной промышленности, Протокол допроса*, Т. I, стр. 2506.

VIII

"ПОРОЧНЫЙ КРУГ"

Какая форма управления должна заменить управление промышленностью агентами акционеров? Что с наибольшей вероятностью удержит его от достижения своей главной цели и позволит в наименьшей степени зависеть от хищнических интересов и бесполезных статистов,

а также от чередования угрюмой неудовлетворенности и судорожного бунта, которые в настоящее время отвлекают его? Какой бы ни была система управления промышленностью, одно можно сказать наверняка. Его экономические процессы и результаты должны быть общедоступными, потому что только в том случае, если они будут общедоступными, можно будет узнать, является ли служба промышленности бдительной, эффективной и почетной, реализуется ли ее цель и выполняются ли ее функции. Защита тайны в бизнесе напоминает защиту от фальсификации на том основании, что это законное оружие конкуренции; на самом деле, у нее еще меньше оправданий, чем у этой известной доктрины, поскольку условием эффективной конкуренции является публичность, и одним из мотивов сохранения тайны является ее предотвращение.

Те, кто руководит промышленностью в настоящее время и кто наиболее настаивает на том, что, как сказал герцог Веллингтон о нереформированной Палате общин, они "никогда до настоящего момента не читали и не слышали о каких-либо мерах, которые могут в какой-либо степени удовлетворить разум", что метод их проведения может быть каким-либо образом улучшен, также, очевидно, являются теми, кто, за некоторыми почетными исключениями, крайне неохотно, чтобы были известны все факты об этом. И очень важно, чтобы они были известны. Это важно не только потому, что при нынешнем незнании реальной экономической ситуации все производственные разногласия неизбежно превращаются в сражения в темноте, в которых "армии невежд сражаются ночью", но и потому, что без полной огласки прибылей и издержек невозможно составить какое-либо суждение ни о разумности устанавливаемых цен, ни о требованиях к вознаграждению различных сторон, занятых в производстве. Ибо балансовые отчеты, с их возможностями для сокрытия прибылей, не дают ясного света ни на первое, ни вообще никакого света на второе. И вот, когда факты выходят наружу, общественность приходит в ужас от разоблачений, которые показывают, что промышленность ведется с ошеломляющей финансовой расточительностью. Если бы все факты публиковались, как и следовало, квартал за кварталом, эти разоблачения, вероятно, вообще не были бы обнародованы, потому что огласка сама по себе была бы антисептиком и не было бы ничего сенсационного.

События последних нескольких лет - это урок, который не нуждается в повторении. Правительство, удивленное ценой, взимаемой за изготовление снарядов, в то время как штаб-квартира приказала его солдатам производить не более нескольких выстрелов в день, независимо от необходимости ответных действий, потому что стрелять можно было не более чем несколькими патронами, создает отдел затрат для анализа смет, представленных производителями, и сравнения их, пункт за пунктом, с затратами на его собственных заводах. Он приходит к выводу, что благодаря простому объединению знаний, "некоторые из снижений цен на снаряды и аналогичные боеприпасы, - как сообщает нам Дипломированный бухгалтер, нанятый Департаментом, - достигли 50% от первоначальной цены". Бытовой потребитель жалуется на цены на уголь. Впервые в жизни, на фоне бури негодования влиятельных лиц, занятых в отрасли, публикуются факты. И что они показывают? Что после добавления 2/6 к и без того высокой цене на уголь из-за того, что более бедные шахты, как утверждается, не окупают свои расходы, 21% продукции, проверенной Комиссией, было произведено с прибылью от 1 /- до 3 /- за тонну, 32% - с прибылью от 3 /- до 5 /-, 13% - с прибылью от 5 /- до 7 /- и 14% - с прибылью от 7 /- за тонну и более, в то время как прибыль дистрибьюторов в одном только Лондоне составляет в совокупности более 3 200 000 долларов, а кооперативное движение,

целью которого является не получая прибыль, но оказывая услуги, распределяет бытовой уголь по цене от 2 / - до 4 / - дешевле за тонну, чем взимает торговля углем!^[1]

"Но это исключения". Они могут быть. Вполне возможно, что в отраслях, в которых, как недавно заявил нам Комитет по трастам, "мощные объединения или консолидации того или иного рода в состоянии эффективно контролировать объем производства и цены", не только затраты сокращаются до абсолютного минимума, но и прибыль становится незначительной. Но тогда зачем настаивать на этой унижительной традиции секретности в отношении них, когда каждый, кто использует их продукцию, и каждый, кто честно служит производству, выигрывает от огласки? Если промышленность должна стать профессией, каким бы ни было ее руководство, первым из профессиональных правил должно быть, как сказал сэр Джон Манн Угольной комиссии, "все карты должны быть выложены на стол". Если бы в обязанности Государственного департамента входило ежеквартально публиковать точные отчеты о производственных затратах и прибыли всех фирм в отрасли, выигрыш в простой производственной эффективности, который должен привлекать наших энтузиастов производства, был бы значительным; ибо организация, затраты которой были бы наименьшими, стала бы стандартом, с которым сравнивались бы все другие типы организаций. Повышение *морального духа*, которое также, каким бы абсурдным это ни казалось, является условием эффективности, было бы неисчислимым. Производство велось бы при свете дня. Его затраты, необходимые или ненужные, распределение отдачи от него, разумное или капризное, были бы общеизвестны. Его цель была бы достигнута простой невозможностью убедить тех, кто производит его продукцию, или тех, кто ее потребляет, согласиться, как они соглашались сейчас, на расходы, которые бессмысленны, поскольку они ничего не внесли в обслуживание, для выполнения которого существует отрасль.

Организация промышленности как профессии предполагает не только ликвидацию бесполезной собственности и поддержание публичности как необходимого условия стандарта профессиональной чести. Это подразумевает также, что те, кто выполняет его работу, должны позаботиться о том, чтобы его работа выполнялась эффективно. Это означает, что они не должны просто служить обществу из-за страха личных неудобств или наказаний, но что они должны относиться к выполнению профессиональных обязанностей как к обязанности, присущей не только небольшой *элите* интеллектуалов, менеджеров или "боссов", выполняющих техническую работу по "управлению бизнесом", но и как подразумеваемое простым приходом в отрасль и основывающееся на корпоративном согласии и инициативе рядовых работников. Действительно, разница между существующим промышленным порядком, коллективизмом и организацией производства как профессии заключается именно в той степени, в которой это обязательство интерпретируется как относящееся ко всем работникам, а не только к избранному классу. Первый предполагает использование людей в целях личной выгоды; второй - их использование в целях общественного служения; третий - объединение на службе обществу их профессиональной гордости, солидарности и организованности.

Разница в административном механизме между вторым и третьим вариантами может быть незначительной. Оба варианта предполагают резкое ограничение или передачу общественности прав собственности существующих владельцев промышленного капитала. И то, и другое потребовало бы механизма для учета мнения потребителей относительно услуг, предоставляемых им отраслью. Разница заключается в том, каким образом понимаются обязательства производителя перед обществом. Он может либо быть исполнителем приказов,

передаваемых ему ее агентами; либо он может сам, через свою организацию, принимать положительное участие в определении того, какими должны быть эти приказы. В первом случае он несет ответственность за свою собственную работу, но не за что-либо еще. Если он вырубает свой запас угля, его не касается, является ли шахта провалом; если он вставляет обычное количество заклепок, он отказывается от всякого дальнейшего интереса к цене или мореходным качествам судна. В последнем случае его функция охватывает нечто большее, чем выполнение порученной ему специализированной части работы. Она включает также ответственность за успех предприятия в целом. А поскольку ответственность невозможна без власти, его должность предполагала бы, по крайней мере, столько власти, сколько необходимо для обеспечения того, чтобы он мог на практике влиять на поведение отрасли. Именно эта коллективная ответственность за поддержание определенного качества обслуживания действительно является отличительной чертой профессии. Это совместимо с несколькими различными видами государственного управления, или, действительно, когда производственной единицей является не группа, а отдельный человек, практически без какого-либо государственного управления вообще. Что это действительно подразумевает, так это то, что человек, просто вступая в профессию, должен был взять на себя определенные обязательства в отношении своего поведения, и что профессиональная организация, какой бы она ни была, должна обладать достаточной властью, позволяющей ей выполнять их.

Требование участия рабочих в контроле над промышленностью обычно выдвигается от имени производителя, как призыв к экономической свободе или промышленной демократии. "Политическая свобода, - говорится в Заключительном докладе Комиссии по промышленным отношениям Соединенных Штатов, который был представлен в 1916 году, - может существовать только там, где есть промышленная свобода.... В настоящее время в составе нашей Республики существуют промышленные сообщества, которые фактически являются княжествами, угнетающими тех, кто зависит от них в плане средств к существованию и представляющими ужасную угрозу миру и благосостоянию нации". Тщеславие англичан может смягчить тени и усилить освещение. Но концентрация власти слишком глубоко укоренилась в самой сущности капитализма, чтобы различия в степени произвола, с которым она осуществляется, были чем-то иным, кроме тривиального. Контроль над крупным заводом фактически предоставляет своего рода частную юрисдикцию в вопросах, касающихся жизни и средств к существованию рабочих, что, как предполагает Комиссия Соединенных Штатов, можно правильно охарактеризовать как "промышленный феодализм". Нелегко понять, как традиционные свободы англичан совместимы с организацией промышленности, которая, за исключением того, что она ограничена законом или профсоюзами, позволяет контролировать рост и упадок населения, почти такого же большого, как население некоторых известных городов прошлого, в их работе, экономических возможностях и социальной жизни решениями Комитета из полудюжины директоров.

Самые консервативные мыслители признают, что нынешняя организация промышленности невыносима из-за принесения в жертву свободы, которую она влечет за собой для производителя. Но каждое усилие, которое он предпринимает, чтобы освободиться, наталкивается на протест, что если существующая система несовместима со свободой, то она, по крайней мере, обеспечивает эффективное обслуживание, и этому эффективному обслуживанию угрожают движения, направленные на то, чтобы передать больший контроль над производством в руки рабочих. Попытка вбить клин между производителем и потребителем, очевидно, является сигналом ко всем интересам, которые осознают, что сами по себе они не в

состоянии сдержать этот поток. Поэтому естественно, что в течение последних нескольких месяцев они должны были сосредоточить свои усилия на том, чтобы показать, что каждое повышение требований и власти какой-либо конкретной группы рабочих является новым навязыванием обществу в целом. Видные деятели, которые явно не производят больше, чем потребляют, объясняют рабочему классу, что, если они не производят больше, они должны потреблять меньше. Высоко синдицированные объединения предупреждают общественность об угрозе хищнического синдикализма. Владельцы шахт и полезных ископаемых в своей новой роли защитников бедных сетуют на "эгоизм" шахтеров, как будто до сих пор только чистая филантропия была причиной того, что они неохотно принимали прибыль и авторские отчисления.

Предположение, на котором основывается эта аргументация, простое. Она заключается в том, что существующая организация производства является гарантией эффективности производства, и что от каждой попытки изменить ее сами рабочие теряют больше как потребители, чем могут приобрести как производители. Мир лишился своего богатства и требует изобилия товаров. Рабочие требуют большего дохода, большего досуга и более безопасного и достойного статуса. Утверждается, что эти два требования противоречат друг другу. Ибо как потребитель может быть обеспечен дешевыми товарами, если как рабочий он настаивает на более высокой заработной плате и сокращенном рабочем дне? И как рабочий может обеспечить эти условия, если как потребитель он требует дешевых товаров? Таким образом, считается, что промышленность движется по порочному кругу сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и сокращения производства, что со временем должно означать увеличение рабочего дня и снижение заработной платы; и каждый получает меньше, потому что каждый требует больше.

Картина правдоподобна, но она ошибочна. Она ошибочна не только из-за своего грубого предположения, что повышение заработной платы обязательно влечет за собой увеличение издержек, но и по другой, более фундаментальной причине. На самом деле причина экономической неразберихи заключается не в том, что требования производителя и потребителя сталкиваются в прямом противоречии; ибо, если бы это было так, их несовместимость, когда они были несовместимы, была бы очевидна, и ни один из них не мог бы отрицать свою ответственность перед другим, как бы сильно он ни старался уклониться от нее. Дело в том, что они этого не делают, но при современной организации промышленности то, от чего рабочий отказывается, не обязательно получает основная масса потребителей, и то, что потребитель платит, не обязательно получает основная масса рабочих. Если круг порочен, то его порок не в том, что он замкнут, а в том, что он всегда полуоткрыт, так что часть производства утекает в потребление, которое ничего не добавляет к производительной энергии, и что производитель, зная это, не использует полностью даже ту производительную энергию, которой он располагает.

Именно осознание этой утечки ставит перед каждым из нас противоречивые цели. Никакая мыслимая система промышленной организации не может обеспечить промышленный мир, если под "миром" понимать полное отсутствие разногласий. Чего можно было бы добиться, так это того, чтобы разногласия не перерастали в маяк классовой борьбы. Если каждый член группы кладет что-то в общий фонд при условии, что он что-то заберет, они все равно могут поссориться из-за размера долей, как дети ссорятся из-за торта; но если общая сумма известна и претензии признаны, это все, из-за чего они могут поссориться, и, поскольку все они

стоят на одной ноге, любой, кто претендует на большее, чем его товарищи, должен привести какую-нибудь вескую причину, по которой он должен это получить. Но в промышленности признаются не все претензии, поскольку те, кто ничего не вкладывает, требуют, чтобы что-то извлечь; как общая сумма, подлежащая разделу, так и пропорция, в которой происходит разделение, тщательно скрываются; а те, кто руководит распределением пула и контролирует, что выплачивается из него, напрямую заинтересованы в том, чтобы получить как можно большую долю для себя и выделить как можно меньшую долю другим. Если один вкладчик возьмет меньше, то отнюдь не очевидно, что выигрыш достанется кому-то, кто что-то вложил и имеет такое же право, как и он сам, он может достаться кому-то, кто ничего не вложил и вообще не имеет никаких прав. Если другой требует большего, он может получить это, не грабя товарища по работе, за счет спящего партнера, который, как считается, грабит обоих. На практике, поскольку нет четкого принципа, определяющего, что они должны брать, оба берут все, что могут получить.

В таких обстоятельствах обвинения производителя в эксплуатации потребителя не попадают в цель. Они неизбежно рассматриваются как экономическая версия военного устройства, используемого армиями, которые наступают за заслоном из женщин и детей, а затем протестуют против жестокости врага, расстреливающего мирных жителей. Они интерпретируются как свидетельство не того, что часть производителей эксплуатирует остальных, а того, что меньшинство собственников, которое находится в оппозиции к обоим, может использовать свою экономическую мощь, чтобы приложить усилия, направленные против тех, кто много потребляет и мало производит, и против тех, кто мало потребляет и много производит. И недовольство, о котором так много пишет Пресса, тем, что некоторые рабочие, возможно, получают слишком большую долю по сравнению с другими, маскируется гораздо большим недовольством, о котором вообще ничего не говорится, тем, что некоторые бездельники вообще получают какую-либо долю. Отмена платежей, которые производятся без какого-либо соответствующего экономического обслуживания, является, таким образом, одним из необходимых условий как экономической эффективности, так и промышленного мира, поскольку их существование не позволяет различным классам рабочих сдерживать друг друга, объединяя их всех против общего врага. Либо принцип трудолюбия - это принцип функции, и в этом случае халтурная работа лишь менее аморальна, чем полное отсутствие работы; либо это принцип захвата, и в этом случае в данном вопросе нет никакой морали. Но это не может быть и то, и другое. И бесполезно ни владельцам собственности, ни правительствам сетовать на соринку в глазу профсоюзов до тех пор, пока, настаивая на сохранении неработоспособной собственности, они отказываются убрать бревно в своей собственной.

Правда в том, что только работники могут предотвратить злоупотребление властью со стороны работников, потому что только работники признаются обладателями какого-либо права на рассмотрение их претензий. И первый шаг к предотвращению эксплуатации потребителя производителем прост. Она заключается в том, чтобы превратить всех людей в производителей и, таким образом, устранить соблазн для определенных групп работников выдвигать свои требования за счет общества, устранив веское оправдание того, что те выгоды, которые они могут получить, отнимаются у тех, кто в настоящее время не имеет на них права, поскольку они несоразмерны службе или получены вообще без службы. Действительно, если бы труд был единственным правом на оплату, опасность эксплуатации общества высокоорганизованными группами производителей в значительной степени исчезла бы. Ибо, когда непроизводителям не производилось никаких выплат, не было бы спорных оснований для борьбы, и стало бы

очевидно, что если какая-либо одна группа производителей берет больше, другой приходится мириться с меньшим.

В таких условиях группу рабочих, которые использовали свое сильное стратегическое положение, чтобы вымогать экстравагантные условия для себя за счет своих коллег по работе, можно было бы правильно охарактеризовать как эксплуатирующую общество. Но в настоящее время такое утверждение бессмысленно. Оно бессмысленно, потому что, прежде чем сообщество можно будет эксплуатировать, оно должно существовать, и его существование в сфере экономики сегодня является не фактом, а всего лишь стремлением. Процедура, с помощью которой всякий раз, когда какая-либо группа рабочих выдвигает требования, которые их хозяева считают неудобными, их объявляют бандой анархистов, которые грабят общественность, может быть удобным оружием в чрезвычайной ситуации, но, как только она подвергается анализу, она логически саморазрушительна. В последние годы она применялась к почтальонам, инженерам, полицейским, шахтерам и железнодорожникам - населению с их иждивенцами, составляющему около восьми миллионов человек; и в случае с последними двумя вся организованная рабочая сила выступила заодно с теми, от непомерных требований которых она якобы стала жертвой. Но когда эти работники и сочувствующие им лица исключаются, что же представляет собой "сообщество", которое остается? Это наивная арифметика, которая дает общую сумму путем вычитания одного за другим всех составляющих ее элементов; и искусство, которое выявляет общественные интересы, устраняя интересы последовательных слоев общества, отдает скорее ритором, чем государственным деятелем.

Правда в том, что в настоящее время бесполезно пытаться противостоять требованиям какой-либо группы работников, апеллируя к "интересам общества", потому что сегодня, пока рассматривается только экономическая плоскость, существует не одно общество, а два, которые живут вместе в непростом соседстве, подобно Синдбаду и Морскому старцу, но которые по духу, идеалам и экономическим интересам представляют собой разные миры. Существует общество тех, кто живет трудом, каким бы ни было их ремесло или профессия, и общество тех, кто этим живет. Все вторые не могут требовать жертв или лояльности, которые требуются первым, поскольку у них нет титула, который выдерживал бы проверку. Инстинктивное игнорирование этого трагического разделения вместо того, чтобы положить ему конец, дружелюбно, а иногда и великодушно. Но это сентиментальность, подобная болезненному оптимизму чахоточного, который не осмеливается признаться даже самому себе в серьезности своей болезни. Пока существует разделение, общее сообщество рабочих, хотя и может страдать от борьбы какой-либо одной группы внутри себя, тем не менее поддерживает их своим сочувствием, потому что все заинтересованы в результатах борьбы, проводимой каждым из них. Различные слои рабочих будут проявлять взаимную сдержанность только тогда, когда прекращение борьбы оставит их лицом к лицу друг с другом, а не как сейчас, с общим врагом. Короче говоря, идеал объединенного общества, в котором ни одна группа не использует свою власть для посягательства на стандарты другой, недостижим, кроме как путем предварительной отмены бесполезной собственности.

Те, для кого праздный класс является частью незыблемого порядка, без которого немыслима цивилизация, не осмеливаются признаться даже самим себе, что мир беднее, а не богаче из-за его существования. Поэтому, когда, как сейчас, важно, чтобы производительная энергия была использована полностью, они топают ногами, кричат и пишут в *The Times* о необходимости увеличения производства, хотя все это время они сами, их образ жизни и расходы, а также само

их существование как праздного класса являются одними из причин, по которым производство не увеличивается. Во всех своих экономических планах они делают одну оговорку, что, каким бы нуждающимся ни был мир, он все равно будет поддерживать их. Но люди, которые работают, не делают таких оговорок, и нет никаких причин, почему они должны это делать; и призывы к ним производить больше богатства, потому что это необходимо обществу, обычно остаются без внимания, даже если такие призывы не связаны с невежеством и неправильным пониманием, которые часто характеризуют их.

Ибо рабочий - это слуга не потребителя, ради которого требуется большее производство, а акционеров, главной целью которых являются дивиденды, и для которых любое производство, каким бы бесполезным или легкомысленным оно ни было, до тех пор, пока оно приносит дивиденды, одинаково. Бесполезно настаивать на том, чтобы он производил больше богатства для сообщества, если в то же время он не уверен, что именно сообщество выиграет пропорционально тому, как будет произведено больше богатства. Если бы все ненужные сборы при добыче угля были устранены, было бы разумно, чтобы шахтеры подали столь необходимый пример, отказавшись добиваться лучших условий для себя за счет общества. Но нет никаких причин, по которым они должны работать за меньшую заработную плату или больше часов, пока те, кто сегодня отвечает за управление отраслью, ведут себя с "расточительностью", клеймимой самым выдающимся официальным свидетелем в Угольной комиссии, или почему потребитель должен роптать на жадность шахтера, пока он позволяет себе страдать от раздутых прибылей, издержек неэффективной организации и ненужных платежей лишним посредникам.

Если сегодня шахтер или любой другой рабочий производит больше, у него нет гарантии, что результатом будут более низкие цены, а не более высокие дивиденды и более крупные авторские отчисления, точно так же, как как рабочий, он не может определить качество товаров, которые его работодатель поставяет клиентам, или цену, по которой они продаются. Кроме того, до тех пор, пока он непосредственно является слугой прибыльной компании и лишь косвенно - слугой общества, ему не может быть предложена какая-либо такая гарантия. Это может быть предложено только в той мере, в какой он находится в непосредственной связи с общественностью, для которой ведется производство, так что, когда все издержки будут покрыты, любой излишек перейдет к нему, а не к частным лицам. Это будет принято только в той мере, в какой рабочие в каждой отрасли являются не просто слугами, выполняющими заказы, но сами несут коллективную ответственность за характер обслуживания и могут использовать свои организации не только для защиты себя от эксплуатации, но и для внесения положительного вклада в управление и развитие своей отрасли.

[1] *Комиссия угольной промышленности, Протоколы заседаний*, стр. 9261-9.

IX

УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Таким образом, новый промышленный порядок необходим не только ради производителей, на которых старый промышленный порядок давил сильнее всего. Это необходимо ради потребителей, потому что способность, которой старый промышленный порядок гордился больше всего и которой больше всего выставляют напоказ в качестве аргумента против перемен, способность эффективно обслуживать их, сама по себе заметно разрушается. Она разрушается в том, что всегда было ее самым уязвимым местом, в контроле над людьми, которых с характерным для них безразличием ко всему, кроме их экономической значимости, она превратила для своих собственных целей в абстракцию под названием "Труд". Первым симптомом его краха является то, чем обычно был первый симптом экономических коллапсов в прошлом, — неспособность привычных стимулов вызвать привычную реакцию в человеческих усилиях.

До тех пор, пока этот провал не будет признан и отрасль не будет реорганизована таким образом, чтобы новые стимулы могли свободно действовать, коллапс не исправится сам по себе, но, несомненно, при спазматических оживлениях и вспышках энергии, будет продолжаться и ускоряться. Причина этого проста. Она заключается в том, что те, чей бизнес заключается в руководстве экономической деятельностью, становятся все более неспособными направлять людей, от которых зависит экономическая деятельность. Вина здесь лежит не на отдельных людях, а на системе, на самом индустриализме. На протяжении большей части девятнадцатого века промышленность управлялась двумя силами - голодом и страхом, и работодатель командовал ими обеими. Он мог предоставить или отказать в приеме на работу по своему усмотрению. Если люди бунтовали против его условий, он мог уволить их, а если их увольняли, то их ждала голодная смерть или работный дом. Власть была централизована; ее инструменты были пассивны; единственное, чего они боялись, - это безработицы. И поскольку они не могли ни предотвратить его возникновения, ни сделать больше, чем немного смягчить его ужасы, когда оно произошло, они подчинились дисциплине, которой не могли сопротивляться, и трудолюбие шло своим чередом благодаря их пассивному согласию с силой, которая могла раздавить их по отдельности, если бы они попытались противостоять ей.

Эту систему можно было бы восхвалять как эффективную или осуждать как бесчеловечную. Но, по крайней мере, как не уставали подчеркивать ее поклонники, она работала. И, подобно прусскому государству, на которое оно мало походило как по своим достоинствам, так и по недостаткам, пока оно работало, оно переживало осуждения своих методов, как сильный человек избавляется от болезни. Но сегодня он утрачивает даже те качества, которые присущи его недостаткам. Он перестает быть эффективным. Она больше не обеспечивает постоянно растущий объем производства материальных благ, который она предлагала в период своего расцвета и который позволял ей заглушать критику впечатляющим зрелищем материального

успеха. Хотя он все еще работает, он работает неравномерно, среди постоянных тренировок, толчков и остановок, без доверия общественности и без полной уверенности даже в себе, тиране, который должен интриговать и уговаривать там, где раньше командовал, тюремщике, который, если еще не лишен кнута, смеет применять лишь умеренное наказание, и который, хотя он все еще протестует, что только он может поддерживать беговую дорожку в рабочем состоянии и молоть кукурузу, вынужден отказаться от такой части своей власти, что возникает сомнение, стоит ли он того, чтобы его содержать. Ибо инструменты, с помощью которых капитализм осуществлял дисциплину, один за другим отнимаются у него. Он не может платить ту заработную плату, которую ему нравится, или работать в те часы, которые ему нравятся. В хорошо организованных отраслях власть произвольного увольнения, самый центр его авторитета, пошатнулась, потому что люди больше не будут терпеть систему, которая ставит их средства к существованию в зависимость от капризов отдельного человека. Во всех отраслях промышленности не за горами то время, когда страх перед голодной смертью больше не сможет использоваться для подчинения недовольных работников, потому что общество больше не допустит, чтобы вынужденная безработица приводила к голодной смерти.

И если капитализм теряет свой контроль над телами людей, то еще больше он утратил власть над их умами. Продуктом цивилизации, которая рассматривала "бедных" как инструменты, в худшем случае - как предметы роскоши, в лучшем - как добродетели богатых, ее психологической основой пятьдесят лет назад было невежество в массах человечества, которое привело их к почитанию за мудрость самих безумств своих хозяев, и почти животная неспособность к ответственности. Образование и опыт разрушили пассивность, которая была условием сохранения промышленного правительства в руках олигархии частных капиталистов. Современный рабочий так же мало верит в интеллектуальное превосходство многих из тех, кто руководит производством, как и в мораль системы. Ему это кажется не только деспотичным, но и расточительным, неразумным и неэффективным. В свете своего собственного опыта работы на фабрике и в шахте он рассматривает претензии капиталиста на роль самозванного защитника общественных интересов как образец ханжеского лицемерия. Ибо он каждый день видит, что эффективность приносится в жертву близоруким финансовым интересам; и хотя как человек он возмущен бесчеловечностью промышленного порядка, как профессионал, знающий разницу между хорошей работой и плохой, он одновременно испытывает растущее презрение к ее неуместной скупости и неуместной экстравагантности, ко всему аппарату фальсификации, рекламы и шарлатанства, который кажется неотделимым от погони за прибылью как главного критерия промышленного успеха.

Таким образом, капитализм больше не обеспечивает напряженную работу страхом, поскольку он перестает быть грозным. И он не может обеспечить ее уважением, поскольку его перестали уважать. И сами победы, с помощью которых она стремится восстановить свой падающий престиж, более катастрофичны, чем поражения. Работодатели могут поздравить себя с тем, что они сохранили в неприкосновенности свое право на свободу управления, или успешно выступили против требования о государственной собственности, или пресекли движение за более высокую заработную плату и более короткий рабочий день. Но то, что является успехом в торговом споре или в политической борьбе, часто является поражением в мастерской: рабочие могли проиграть, но из этого не следует, что их работодатели, а тем более общественность, состоящая в основном из рабочих, выиграли. Ибо цель промышленности - производить товары, и производить их с наименьшими затратами человеческих усилий. Но нет такой алхимии, которая защитила бы эффективное производство от негодования или недоверия людей,

испытывающих презрение к порядку, в соответствии с которым они работают. Общеизвестно, что кредит является основой промышленности. Но кредит - это вопрос психологии, а у рабочего есть своя психология, как и у капиталиста. Если уверенность необходима для вложения капитала, то уверенность не менее необходима для эффективного выполнения труда людьми, от которого зависит единственное средство к существованию. Если они еще недостаточно сильны, чтобы навязывать свою волю, они достаточно сильны, чтобы сопротивляться, когда их хозяева будут навязывать свою. Они могут работать, а не бастовать. Но они будут работать, чтобы избежать увольнения, а не ради вящей славы системы, в которую они не верят; и, если их уволят, те, кто займет их место, сделают то же самое.

О том, что это одна из причин низкой выработки, заявляли как работодатели и рабочие строительной отрасли, так и представители шахтеров перед Комиссией по углю. Это было подчеркнуто г-ном судьей Сэнки. Это также не оспаривается серьезно самими работодателями. В самом деле, что еще означают их неоднократные обвинения в "ограничении производства", кроме того, что они не смогли организовать промышленность таким образом, чтобы обеспечить эффективное обслуживание, предоставление которого является их особой функцией? Также неуместно в данной ситуации предаваться полнокровным разоблачениям "эгоизма" рабочего класса. "Составить обвинительный акт против целой нации" - это процедура, которая так же невозможна в промышленности, как и в политике. Институты должны быть приспособлены к природе человека, а не человеческая природа к институтам. Если эффект промышленной системы таков, что большое и растущее число обычных мужчин и женщин обнаруживают, что она не дает им адекватного мотива для экономических усилий, то это просто педантизм - осуждать мужчин и женщин вместо того, чтобы вносить изменения в систему.

Таким образом, настало время, когда абсолютизм в промышленности все еще может выигрывать свои сражения, но проигрывает кампанию, и проигрывает ее на том самом основании экономической эффективности, которое было выбрано им самим. В переходный период, когда экономическая активность отвлекается борьбой между теми, кто имеет название и привычку к власти, но уже не осознает ее в полной мере, и теми, кто ежедневно завоевывает все больше реальной власти, но еще не является ее признанным носителем, страдает именно потребитель. У него нет ни служения безропотного повиновения, ни служения разумного сотрудничества. Ибо рабство будет работать — до тех пор, пока рабы будут это позволять; а свобода будет работать, когда люди научатся быть свободными; но то, что не сработает, - это сочетание того и другого. Таким образом, население испытывает нехватку угля не только из—за технических недостатков системы, в рамках которой он добывается и распределяется, но и потому, что сама система утратила свою движущую силу - потому что владельцы угля больше не могут убедить шахтеров приносить им больше дивидендов и больше отчислений владельцам полезных ископаемых, в то время как общественность не может призвать их направить все свои силы на служение себе, потому что она решила, что они должны быть слугами не ее, а акционеров.

И эта дилемма не является, как некоторые предполагают, временной, возникшей после войны или характерной для угольной промышленности, как если бы только шахтеры были детьми греха, каковыми они были в последние несколько месяцев. Это постоянно; это распространилось далеко; и по мере того, как образование пробуждает к жизни спящие души и одна отрасль за другой развивает сильное корпоративное сознание, это будет распространяться и дальше. Она также не будет разрешена жалобами, угрозами или

обличениями лидеров, единственное значение которых заключается в том, что они открыто говорят о том, что чувствуют простые люди в частном порядке. Ибо в основе этого вопроса лежит психология. Произошло то, что мотивы, на которые промышленная система опиралась в течение нескольких поколений для обеспечения эффективности, больше не обеспечивают ее. И восстановить их, возродить простым увещанием комплекс надежд и страхов, невежества, терпеливой доверчивости и пассивного согласия, которые пятьдесят лет назад делали людей пластичными инструментами в руках индустриализма, так же невозможно, как и вернуть невинность любому другому из тех, кто вкусил от древа познания.

Идеал некоторых умных и респектабельных бизнесменов - восстановление золотых шестидесятых, когда рабочие были послушными и доверчивыми, профсоюзы все еще были наполовину нелегальными, иностранная конкуренция означала английскую конкуренцию в зарубежных странах, а цены росли немного, но не слишком сильно, - это единственная утопия, которая никогда не может быть реализована. Король может ходить обнаженным до тех пор, пока его придворные протестуют против того, что он одет; но когда ребенок или дуракразрушил чары, портной важнее всего их восхищения. Если общественность, страдающая от замедления экономической активности, желает покончить со своим *недугом*, она не будет восхвалять как достойное восхищения и самодостаточное действие мотивов, которые явно перестают действовать. Она будет стремиться высвободить новые мотивы и поставить их себе на службу. Он попытается найти альтернативу стимулам, которые всегда были унижительными как для тех, кто их использовал, так и для тех, к кому они применялись, и которые теперь больше не являются адекватными стимулами. И альтернативой дисциплине, которую капитализм осуществлял с помощью своих инструментов безработицы и голода, является самодисциплина ответственности и профессиональной гордости.

Таким образом, требование, направленное на более сильную организацию, более полную ответственность, более широкие полномочия ради производителя как условия экономической свободы, требование свободы, не противоречит требованию более эффективной работы и увеличения выпуска, которое осуществляется в интересах потребителя. Это дополняет его, поскольку настойчивость группы профессионалов, будь то врачи или преподаватели университетов, в поддержании своей профессиональной независимости и достоинства против попыток удешевить услугу, не является препятствием для эффективного обслуживания, но, в долгосрочной перспективе, является его условием. Разумнее всего для потребителя было бы ускорить, насколько это возможно, переход. Поскольку в настоящее время промышленность работает не по плану. Он охватывает море и сушу в своих усилиях преодолеть с помощью хитроумных финансовых и технических средств препятствия, которых никогда не должно было существовать. Он пытается добиться результатов, побеждая профессиональное чувство, а не используя его. Она несет на себе не только неизбежное экономическое бремя, но и все возрастающий груз недоброжелательства и скептицизма. На самом деле он "подстрелил птицу, из-за которой подул ветер", и занимается своими делами с трупом на шее. По сравнению с этим психологическим инкубом технические недостатки промышленности, какими бы серьезными они ни были, кажутся мелочью, а бизнесмены, проповедующие евангелие производства, не предлагая никакого плана действий по тому, что сейчас является центральным фактом экономической ситуации, напоминают христианского апологета, который должен избегать нарушения спокойствия своей аудитории, тщательно опуская все упоминания либо о грехопадении человека, либо о плане спасения. Если мы хотим увеличить производство материальных благ, то это не парадокс, а констатация элементарного экономического трюизма

- сказать, что активное и конструктивное сотрудничество со стороны рядовых работников внесло бы больший вклад в достижение этого результата, чем открытие нового месторождения угля или поколение научных изобретений.

Первым условием привлечения на сторону созидательной работы профессиональных чувств, которые сейчас относятся к ней апатично или даже враждебно, является обеспечение того, чтобы, когда она будет реализована, ее результаты достанутся обществу, а не владельцу собственности на капитал, землю или другие ресурсы. По этой причине ослабление прав, связанных в настоящее время с частной собственностью на промышленный капитал, или их полная отмена - это не требование идеалов, а необходимый элемент политики экономической эффективности, поскольку это условие наиболее эффективного функционирования людей, от которых, хотя, как и от других прописных истин, об этом часто забывают, в конечном счете зависит экономическая эффективность. Но это только один элемент. Сотрудничество может варьироваться от простого молчаливого согласия до бдительной и ревностной инициативы. Критерием эффективной системы управления является то, что она должна успешно задействовать в управлении промышленностью скрытые силы профессиональной гордости, к которым нынешний промышленный порядок мало привлекателен и которые, действительно, капитализм в своей войне с профсоюзной организацией в течение многих лет пытался полностью искоренить.

Эффективность такого призыва также не основывается на предположении о том "изменении в природе человека", которое является триумфальным *доведением до абсурда*, выдвигаемым теми, кто меньше всего удовлетворен функционированием человеческой природы такой, какая она есть. Что это действительно подразумевает, так это то, что определенные элементарные факты должны приниматься во внимание, а не игнорироваться, как в настоящее время. То, что любая работа неприятна и что "каждый человек желает получить наибольший доход с наименьшими усилиями", может быть настолько аксиомой, насколько это принято считать. Но на практике отношение индивида зависит от того, является ли коллективное чувство группы, к которой он принадлежит, на стороне усилий или против них, и какой стандарт усилий оно устанавливает. То, что, как жалуются работодатели, общественное мнение значительных групп работников выступает против интенсификации усилий, пока частью ее результата является увеличение дивидендов для акционеров, без сомнения, с точки зрения простой эффективности, является самым серьезным обвинением существующего промышленного порядка. Но даже когда общественная собственность займет место частного капитализма, его способность обеспечивать эффективное обслуживание будет в конечном счете зависеть от его успеха в обеспечении не только того, чтобы профессиональное чувство больше не было противодействующей силой, но и того, чтобы его активно привлекали для поддержания максимально возможного уровня эффективности, который может быть обоснованно востребован.

Говоря конкретно, в то время как существующее владение шахтами является положительным стимулом к неэффективной работе, государственная собственность, управляемая бюрократией, если она устранит технические недостатки, подчеркнутые сэром Ричардом Редмэйном как неотделимые от раздельного управления 3000 шахтами 1500 различными компаниями, с

большой вероятностью упустит преимущество в капитале, которое обеспечил бы другой тип управления. Это лишило бы как помощи, которую можно получить от технических знаний практичных людей, которые по повседневному опыту знают, на каких этапах можно улучшить детали управления, так и стимула к эффективности, проистекающего из корпоративной гордости за профессию, которая отвечает за поддержание и улучшение характера оказываемых услуг. Профессиональный дух - это сила, подобная гравитации, которая сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, но которую инженер использует, когда может, для выполнения своей работы за него. Если глупо идеализировать это, то столь же недальновидно пренебрегать этим. В том, что *по преимуществу* называется "услугами", всегда признавалось, что *корпоративный дух* является основой эффективности, и для его поощрения используются все средства, как мудрые, так и вредительские: на практике, действительно, сила, на которую страна полагалась в качестве своей главной защиты в чрезвычайной ситуации, была профессиональным рвением военно-морского флота и ничем иным. Этот дух также не свойственен профессиям, связанным с войной. Это вопрос общей подготовки, общей ответственности и общих опасностей. Во всех случаях, когда предстоит трудная и неприятная работа, движущей силой, побуждающей к ней, обычно являются не просто деньги, но общественное мнение и традиции небольшого общества, в котором вращается индивид и в уважении которого он находит то, что люди ценят в успехе.

Игнорировать этот мощнейший из стимулов так, как его игнорируют сегодня, а затем сетовать на то, что усилия, которые он вызывает, не приносят результата, - это вершина извращенности. Стремиться исключить из отрасли рост и действие корпоративных настроений из-за страха, что организованная группа производителей будет эксплуатировать общественность, является правдоподобной политикой. Но это недальновидно. Это означает "выливать ребенка вместе с ванночкой" и снижать качество обслуживания в попытке его обезопасить. Мудрая система управления признала бы, что профессиональная солидарность может выполнять за нее большую часть работы более эффективно, чем она сама, потому что дух его профессии является частью человека, а не внешней силой, и поставила бы своей целью привлечь этот характер на государственную службу. Действительно, только благодаря этой политике разработка громоздких правил, препятствующих людям делать то, чего они не должны, со случайным результатом, иногда заключающимся в том, что они не могут делать то, что они должны, — только благодаря этой политике можно предотвратить то, что является механическим и препятствующим в бюрократии. Ибо промышленность не может работать без законов. Она должна либо контролировать себя в соответствии с профессиональными стандартами, либо ее должны контролировать чиновники, не относящиеся к ремеслу и которые, какими бы ревностными и благонамеренными они ни были, вряд ли могут почувствовать это на своих пальцах. Общественный контроль и критика необходимы. Но они не должны быть слишком подробными, иначе они наносят ущерб самим себе. Было бы лучше, если бы после установления справедливых стандартов профессиональная организация проверяла нарушения цен и качества, чем если бы это было необходимо государству. Альтернативой тщательному внешнему надзору является надзор изнутри со стороны людей, которые проникаются общественными обязательствами своей профессии в самом процессе ее изучения. Короче говоря, это профессионал в своей отрасли.

По этой причине коллективизм сам по себе является слишком простым решением. Его неудачей, вероятно, будут другие рационалистические системы.

"Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt leider! nur das geistige Band."

Если промышленная реорганизация должна стать живой реальностью, а не просто планом на бумаге, ее целью должно быть обеспечение не только того, чтобы промышленность работала на благо общества, но и того, чтобы она осуществлялась при активном сотрудничестве организаций производителей. Но сотрудничество предполагает ответственность, а ответственность предполагает власть. Бессмысленно ожидать, что люди будут делать все возможное для какой-либо системы, которой они не доверяют, или что они будут доверять любой системе, контроль над которой они не разделяют. Их способность выполнять профессиональные обязательства зависит от власти, которой они обладают для устранения препятствий, мешающих выполнению этих обязательств, и от их готовности, когда они обладают властью, использовать ее.

Две причины, по-видимому, препятствовали работе комитетов, которые были созданы в связи с угольными шахтами во время войны для увеличения добычи угля. Одним из них было нежелание некоторых из них выполнять возмутительную задачу наложения штрафов за прогулы на своих коллег по работе. Другим было исключение ошибок руководства из-под контроля многих комитетов. В некоторых случаях все шло хорошо, пока они не потребовали, чтобы, если шахтеры были наказаны за прогулы по их вине, руководство было наказано аналогичным образом, когда люди, которые хотели работать, были отправлены домой, потому что из-за плохой организации для них не было работы. Их требование было отвергнуто как "вмешательство в деятельность руководства", и попытка обеспечить регулярность посещения провалилась. Также, если взять другой пример из той же отрасли, нельзя ожидать, что вес организации шахтеров будет перенесен на сторону увеличения производства, если у нее не будет сил настаивать на устранении недостатков оборудования и организации, нехватки трамваев, рельсов, бадей и древесины, "засорения" карьеров за счет добычи легкодоступного угля в ущерб им в будущем, их расточительной планировки, вызванной причудами раздельного владения, из-за чего в настоящее время добыча снижается.

Общественность не может иметь и того, и другого. Если она позволяет обращаться с рабочими как с "руками", она не может претендовать на использование их воли и разума. Если оно желает, чтобы они проявляли рвение квалифицированных специалистов, оно должно обеспечить, чтобы они обладали достаточной властью, позволяющей им выполнять профессиональные обязанности. Для того чтобы рабочие могли отменить любые ограничения на выпуск продукции, которые могут быть введены ими самими, они должны иметь возможность настаивать на отмене ограничений, более пагубных, потому что более эффективных, которые, как недавно сообщил нам Комитет по трастам, вводятся организациями работодателей. Для того чтобы руководители шахтеров, вместо того чтобы просто торговаться о заработной плате, часах и условиях труда, могли обратиться к своим членам с призывом увеличить поставки угля, они должны быть в состоянии обеспечить устранение причин низкой выработки, которые происходят из-за недостатков руководства и которые сегодня являются гораздо более серьезным препятствием, чем любое нежелание со стороны шахтера. Если рабочие строительной отрасли намерены

предпринять совместные действия для ускорения производства, с ними как с единым целым следует проконсультироваться относительно цели, на которую следует направить их энергию, и не следует ожидать, что они будут строить фешенебельные дома, когда требуются коттеджи с шестью комнатами для размещения семей, которые в настоящее время проживают по три человека в комнате.

Действительно, прискорбно, что какие-либо человеческие существа соглашаются деградировать, производя изделия, которые сегодня выпускает значительное число рабочих, обувь, частично состоящую из оберточной бумаги, и мебель, непригодную для использования. Месть оскорбленного человечества несомненна, хотя и не всегда очевидна; и наказание, которое платит потребитель за терпимость к организации производства, которая во имя эффективности уничтожила ответственность работника, заключается в том, что услуга, которую ему предоставляют, даже неэффективна. Он всегда платил за это, хотя и не видел этого, качественно. Сегодня он начинает понимать, что, вероятно, будет платить и количественно. Если общество хочет получить эффективное обслуживание, оно может получить его только от людей, с их инициативой и капризами. Короче говоря, она получит это, поскольку относится к промышленности как к ответственной профессии.

Таким образом, коллективная ответственность работников за поддержание стандартов своей профессии является альтернативой дисциплине, которую капитализм применял в прошлом и которая сейчас рушится. Это предполагает фундаментальное изменение позиции как работодателей, так и профсоюзов. До тех пор, пока руководство промышленностью находится в руках собственников или их агентов, которые озабочены извлечением из нее максимальной прибыли для себя, профсоюз обязательно является оборонительной организацией. Поглощенная, с одной стороны, борьбой за сопротивление нисходящему влиянию капитализма на уровень жизни рабочих, и осуждаемая, с другой стороны, если она осмеливается "вмешиваться в управление", даже когда управление наиболее очевидно неэффективно, это оппозиция, которая никогда не становится правительством и у которой нет ни желания, ни власти взять на себя ответственность за качество услуг, предлагаемых потребителю. Если бы отмена бесхозяйной собственности передала контроль над производством органам, представляющим тех, кто выполняет конструктивную работу, и тех, кто потребляет произведенные товары, отношение рабочего к обществу было бы уже не косвенным, а непосредственным, и ассоциации, которые сейчас носят чисто оборонительный характер, были бы в состоянии не просто критиковать и выступать против, но и консультировать, инициировать и навязывать своим членам обязанности ремесла.

Очевидно, что в таких обстоятельствах услуга, предлагаемая потребителю, как бы тщательно ни охранялась его представительством в органах власти, контролирующим каждую отрасль, будет зависеть в первую очередь от успеха профессиональных организаций в поиске замены дисциплине, применяемой сегодня агентами собственников. Им было бы необходимо своими собственными действиями поддерживать рвение, эффективность и профессиональную гордость, которые, когда варварское оружие девятнадцатого века будет отброшено, станут единственной гарантией высокого уровня производства. Кроме того, после того, как эта новая функция стала возможной для профессиональных организаций, нет никакой экстравагантности ожидать, что они будут выполнять ее с разумной компетентностью. Насколько экономические

мотивы сегодня подавлены и могли бы быть усилены другим типом промышленной организации, в какой степени и при каких условиях возможно воспользоваться услугами производственных мотивов, которые не являются чисто экономическими, можно установить только после изучения психологии труда, которое еще не было проведено. Такое исследование, чтобы иметь ценность, должно начинаться с отказа от традиционных предположений, популяризируемых учебниками экономики и принимаемых практиками как самоочевидные, что мотивы усилий просты и постоянны по своему характеру, подобно давлению пара в котле, что они идентичны во всех сферах экономической деятельности, от фондовой биржи до маневрирования вагонов или кладки кирпичей, и что их можно выявить и усилить только с помощью прямых экономических стимулов. В той мере, в какой мотивы в промышленности рассматривались до сих пор, это обычно делалось авторами, которые, подобно большинству представителей научного менеджмента, исходили из предположения, что категории психологии бизнеса могут быть с равным успехом предложены всем классам работников и всем видам производительного труда. Эти категории, по-видимому, получены из упрощенного анализа ментальных процессов промоутера компании, финансиста или инвестора, и именно об их обоснованности как интерпретации мотивов и привычек, которые определяют отношение к своей работе каменщика, шахтера, портового рабочего или инженера, идет речь.

Очевидно, что существуют определенные отрасли промышленности, к которым они имеют лишь частичное отношение. Вряд ли можно предположить, например, что степень мастерства и энергии, привносимых в свою работу хирургом, научным исследователем, учителем, медицинским работником, индийским государственным служащим и крестьянином-собственником, могут быть точно и в одинаковой степени выражены в терминах экономических преимуществ, которые дают эти разные профессии. Очевидно, что на тех, кто ими занимается, в какой-то значительной, хотя и неопределенной степени влияют экономические стимулы. Очевидно, опять же, что точный характер каждого процесса или этапа в осуществлении их соответствующих обязанностей, выполнение операции, проведение части расследования, выбор определенного типа воспитательного метода, подготовка отчета, принятие решения по делу или уход за живностью, не зависят непосредственно от точного расчета денежной выгоды или убытка. По-видимому, дело обстоит так, что в определенных сферах жизни, хотя профессия выбирается с учетом ее экономических преимуществ, и хотя экономические причины определяют минимальный уровень активности, необходимый для предотвращения увольнения с нее или "провала", фактический уровень проявляемой энергии или мастерства во многом зависят от условий другого порядка. Среди них характер обучения, получаемого до и после поступления на работу, общепринятый уровень усилий, которого требует общественное мнение коллег, стремление к уважению в узком кругу, в котором вращается человек, и к признанию того, что он "преуспел", а не "потерпел неудачу", интерес к своей работе, варьирующийся от преданности до решимости "воздавать ей должное", гордость мастера, "традиции служения".

Было бы глупо предполагать, что на какую-либо значительную группу людей не влияют экономические соображения. Но представлять их как поддающихся только таким стимулам - значит давать совершенно нереальную и книжную картину реальных условий, в которых осуществляется мировая работа. Насколько велика роль таких соображений, зависит от рода занятий в зависимости от характера выполняемой работы и способа ее организации. В так называемой промышленности *par excellence* расчеты денежных прибылей и убытков имеют большее значение, чем в большинстве так называемых профессий, хотя даже в промышленности они более постоянно присутствуют в умах бизнесменов, которые "руководят"

ею, чем в умах менеджеров и техников, большинству из которых выплачивается фиксированная заработная плата, или в рядах наемных рабочих. В профессиях учителя и медицины, во многих отраслях государственной службы необходимые качества обеспечиваются без вмешательства капиталистического работодателя, частично за счет денежных стимулов, частично за счет профессиональной подготовки, частично за счет принятия теми, кто поступает на них, традиционных обязанностей своей профессии как части нормальных рамок их трудовой жизни. Но это различие не является постоянным и неизменным. Это проистекает из того, как организованы различные виды занятий, от обучения, которое они предлагают, и от *морального духа*, который они культивируют среди своих членов. Психология профессии на самом деле может быть изменена; могут быть выявлены новые мотивы при условии, что будут предприняты шаги, позволяющие им свободно выражаться. Превратить строительство в организованную профессию с относительно высоким кодексом общественной чести так же возможно, как сделать то же самое для медицины или преподавания.

Истина заключается в том, что нам следует радикально пересмотреть предпосылки относительно человеческих мотивов, на которых обычно основаны современные представления экономической теории и в терминах которых обычно ведется обсуждение экономических вопросов. Предположение о том, что стимул неизбежной личной нужды является либо единственным, либо достаточным стимулом для продуктивных усилий, является пережитком грубой психологии, которая не имеет под собой оснований ни в прошлой истории, ни в настоящем опыте. Насколько правдоподобным оно обладает, выводится из смещения работы в смысле наименьшего *количества* активности, необходимой для того, чтобы избежать реальной голодной смерти, и работы, которая дается, независимо от того факта, что элементарные потребности, возможно, уже удовлетворены, благодаря естественной склонности обычных людей поддерживать, а экстраординарных людей улучшать уровень физической нагрузки, принятый общественным мнением группы, членами которой они являются. Это старое различие, забытое обществом так же часто, как и усвоенное, между трудом свободного человека и трудом раба. Экономический страх может обеспечить минимальные усилия, необходимые для избежания экономических наказаний. Что, однако, делало возможным прогресс в прошлом и что, можно предположить, имеет значение для современного мира, так это не абсолютный минимум, необходимый для того, чтобы избежать реальной нужды, а способность людей использовать для решения своих задач такую энергию, которая, хотя и может стимулироваться экономическими стимулами, дает результаты, намного превышающие те, которые необходимы просто для того, чтобы избежать крайностей голода или нищеты.

Этот потенциал зависит от обучения, традиций и привычки, по крайней мере, в той же степени, что и от финансовых стимулов, и способность профессиональной ассоциации, представляющей общественное мнение группы работников, повышать его, следовательно, значительна. Как только промышленность будет освобождена от своего подчинения интересам бездеятельного собственника, можно ожидать, что именно в этой сфере профсоюзы во все большей степени будут находить свою функцию. Его важность как для общих интересов общества, так и для особых интересов отдельных групп работников вряд ли можно преувеличить. Технические знания и управленческие навыки, вероятно, будут так же легко доступны комитету, назначаемому работниками отрасли, как и комитету, назначаемому, как сейчас, акционерами. Но сегодня становится все более и более очевидным, что суть экономической ситуации заключается не в технических недостатках организации

производства, а в растущей неспособности тех, кто руководит промышленностью, добиться активной доброй воли *персонала*. Их сотрудничество обещано превращением промышленности в профессию, служащую обществу, и обещано, насколько можно судить, только этим.

Также не является принятием на себя новых и часто неприятных обязательств по внутренней дисциплине и общественной ответственности, от которых профсоюзы могут позволить себе уклоняться после завершения изменений, какими бы чуждыми они ни были их нынешним традициям. Ибо в конечном счете, пусть и медленно, власть следует за способностью владеть ею; авторитет сопутствует функции. Рабочие не могут иметь ее обоими способами. Они должны выбрать, взять ли на себя ответственность за производственную дисциплину и стать свободными, или отказаться от нее и продолжать оставаться крепостными. Если, организованные как профессиональные организации, они смогут оказывать более эффективные услуги, чем те, которые сейчас с возрастающими трудностями добиваются агенты капитала, они прочно закрепятся в будущем. Если они не смогут этого сделать, то останутся в числе менее поддающихся учету орудий производства, которыми многие из них являются сегодня. Инстинкт человечества предостерегает его от принятия за чистую монету духовных требований, которые не могут оправдаться практическими достижениями. И путь, по которому организованные рабочие, как и любой другой класс, должны подняться к власти, начинается с предоставления более эффективных экономических услуг, чем способны предоставить их хозяева, поскольку их власть в промышленности становится все более шаткой и неуверенной.

Х

ПОЗИЦИЯ РАБОТНИКА УМСТВЕННОГО ТРУДА

Превращение промышленности в профессию повлечет за собой по меньшей мере столь же значительные изменения в положении руководства, как и в положении работников физического труда. Поскольку каждая отрасль организована для выполнения определенной функции, работодатель перестанет приносить прибыль и станет тем, кем он уже является, поскольку занимает свою должность в соответствии с уважаемым титулом, одним из рабочих среди прочих. В некоторых отраслях, где менеджер также является капиталистом, изменение может произойти из-за такого ограничения его интересов как капиталиста, которое работодатели и рабочие предложили ввести в строительной отрасли. В других странах, где вся административная работа ложится на плечи наемных менеджеров, она уже частично выполнена. Экономические условия этого изменения, действительно, были подготовлены

отделением собственности от управления и ростом интеллектуального пролетариата, которому все больше доверяется научная и управленческая работа в промышленности. Концентрация предприятий, совершенствование организации и достижения, вытекающие из применения науки в промышленности, привели к умножению числа работников промышленного разума, которые используют старую классификацию на "работодателей и рабочих", которая все еще актуальна в обычной речи, абсурдно вводящее в заблуждение описание промышленной системы в том виде, в каком она существует сегодня.

Для завершения трансформации все, что необходимо, - это чтобы этот новый класс чиновников, которые пятьдесят лет назад были почти неизвестны, осознал, что они, как и работники физического труда, являются жертвами господства собственности и что как профессиональная гордость, так и экономические интересы требуют, чтобы они разделили свою судьбу с остальными, кто занят созидательной работой. Их сегодняшнее положение часто, действительно, очень далеко от счастливого. Многие из них, как и некоторые менеджеры шахт, получают мизерную зарплату. Их пребывание на своих должностях иногда крайне ненадежно. Их возможности для продвижения по службе могут быть невелики и распределяться с особой капризностью. Они видят, что промышленные награды присуждаются из-за фаворитизма или кумовства, которое приводит к тому, что глава предприятия возлагает на него семью сыновей, которым было бы экономно платить, чтобы они не вмешивались в это дело, и которое с негодованием осуждается в тех редких случаях, когда это происходит на государственной службе, и является настолько распространенным правилом в частной промышленности, что никто даже не подвергает сомнению его уместность. Во время войны они обнаружили, что, хотя организованные рабочие получали авансы, их собственная зарплата часто оставалась почти неизменной, потому что они были слишком благородны, чтобы участвовать в профсоюзной деятельности, и что сегодня им иногда платят меньше, чем людям, за работу которых они, как предполагается, несут ответственность. Рассматриваемые рабочими как прихлебатели хозяев, а их работодателями как одна из групп остальных "рабочих рук", они испытывают ненависть к капитализму без его власти и прибылей.

От превращения промышленности в профессию те, кто в настоящее время занимается интеллектуальным трудом, выиграют не меньше, чем работники физического труда. Ибо принцип функционирования, за который мы выступали в качестве основы промышленной организации, обеспечивает единственный понятный стандарт, с помощью которого могут быть определены полномочия и обязанности различных групп, занятых в промышленности. В настоящее время такого стандарта не существует. Социальный порядок доиндустриальной эпохи, слабые следы которого сохранились в формах академической организации, был отмечен тщательной классификацией последовательных этапов продвижения от ученика к мастеру, каждый из которых отличался четко определенными правами и обязанностями, варьирующимися от ступени к ступени и вместе образующими иерархию функций. Промышленная система, сложившаяся в течение девятнадцатого века, не признавала никакого принципа организации, кроме удобства отдельного человека, который благодаря предприимчивости, навыкам, везению, беспринципной энергии или просто кумовству в любой момент мог обладать экономической властью. Его власть заключалась в том, что он мог использовать; его права заключались в том, что он мог заявить в любое время. Ланкаширский фабрикант пятидесятых годов был, подобно Циклопу, сам себе закон. Следовательно, поскольку

субординация и дисциплина необходимы в любом сложном предприятии, субординация, возникающая в промышленности, была подчинением слуги хозяину, и дисциплина, подобная экономической силе, могла быть наложена на экономическую слабость.

Альтернативой распределению власти в результате борьбы индивидов за самовозвеличивание является ее распределение в соответствии с функциями, при котором каждая группа в сложном производственном процессе должна обладать таким объемом власти, который необходим ей для выполнения особых обязанностей, за которые она несет ответственность, и не более того. Организация промышленности, основанная на этом принципе, не подразумевает слияния специализированных экономических функций в недифференцированной промышленной демократии или уничтожения работников умственного труда под массой ремесленников и чернорабочих. Но это несовместимо с неограниченным использованием экономической власти любым классом или индивидом. Фундаментальным правилом было бы то, что единственные полномочия, которыми человек может пользоваться, - это те, которые предоставлены ему в силу занимаемой должности. Существовало бы подчинение. Но оно глубоко отличалось бы от того, что существует сегодня. Ибо это было бы подчинением не одного человека другому, а всех людей цели, ради которой ведется промышленность. Была бы власть. Но это не был бы авторитет индивида, который навязывает правила в силу своей экономической мощи для достижения своей экономической выгоды. Это был бы авторитет, проистекающий из необходимости сочетания различных обязанностей для достижения общей цели. Была бы дисциплина. Но это была бы дисциплина, необходимая для достижения этой цели, а не дисциплина, навязываемая одному человеку для удобства или выгоды другого. При такой организации производства работник умственного труда, как никогда раньше, может рассчитывать на то, что он станет самостоятельным. Его будут оценивать и продвигать по службе по его способностям, а не по средствам. У него было бы меньше шансов, чем сейчас, обнаружить, что двери для него закрыты из-за бедности. Его судьями были бы его коллеги, а не владелец собственности, стремящийся к дивидендам. Он не пострадал бы от извращения ценностей, которое ставит талант и энергию, с помощью которых создается богатство, ниже, чем обладание собственностью, которая в лучшем случае дает им пенсию, а в худшем - бережливое расходование того, что создал интеллект. В обществе, организованном для поощрения творческой деятельности, наиболее высоко ценятся те, кто создает, так же как в мире, организованном для наслаждения, они являются теми, кто владеет.

Такие соображения слишком общие и абстрактные, чтобы их можно было осудить. Большую конкретность им можно придать, сравнив нынешнее положение руководителей шахт с тем, которое они заняли бы, если бы план Г-на Судьи Сэнки по национализации угольной промышленности был приведен в действие. Группа технических специалистов, которые взвешивают возможные последствия такой реорганизации, естественно, рассмотрит их как в связи со своими собственными профессиональными перспективами, так и с эффективностью службы, которую они возглавляют. Они должным образом учтут вопросы заработной платы, пенсий, обеспечения статуса и продвижения по службе. В то же время они захотят быть удовлетворенными в отношении пунктов, которые, хотя и не менее важны, менее легко поддаются определению. При какой системе, частной или государственной собственности, они будут обладать наибольшей личной свободой действий или полномочиями в отношении ведения дел, входящих в их профессиональную компетенцию? При каких условиях у них будут наилучшие гарантии того, что их специальные знания будут иметь должный вес и что при решении вопросов искусства они не будут отвергнуты или затруднены любителями?

Что касается конкретного случая угольной промышленности, то вопрос о безопасности и заработной плате вряд ли нуждается в обсуждении. Самый большой поклонник нынешней системы не стал бы утверждать, что гарантированный статус входит в число преимуществ, которые она предлагает своим сотрудникам. Общеизвестно, что, по крайней мере, в некоторых округах менеджеры могут быть уволены, какими бы профессионально компетентными они ни были, если они публично выражают взгляды, которые не одобряются директорами их компании. Действительно, критика, которая обычно высказывается в адрес государственных служб, и не совсем безосновательная, заключается в том, что безопасность, которую они предлагают, чрезмерна. Что касается заработной платы, то более половины угольных компаний Великобритании сами предоставили данные Комиссии по угольной промышленности.^[1] Если можно доверять их отчетам, то может показаться, что менеджерам шахт, как классу, выплачивается заработная плата, скупость которой тем более удивительна, учитывая акцент, который владельцы шахт делают, и совершенно правильно делают, на ответственности менеджеров. Государственная служба обычно не предлагает и не должна предлагать финансовых вознаграждений, сравнимых с вознаграждениями частной промышленности. Но маловероятно, что, если бы шахты были его собственностью в течение последних десяти лет, более половины управляющих получали бы зарплату менее 301 фунта стерлингов в год и менее 500 фунтов стерлингов в 1919 году, к тому времени цены выросли более чем вдвое, а совокупная прибыль владельцев шахт (из которых большая часть, однако, была изъята государством в виде налогов) составила за пять лет 160 000 000 фунтов стерлингов. Было бы неверно предполагать, что заработная плата, выплачиваемая руководителям шахт, типична для частной промышленности, и при этом не нужно отрицать, что вероятным результатом превращения отрасли в государственную службу было бы сокращение размера самых крупных предлагаемых в настоящее время премий. Чего следует ожидать, так это того, что более низкие и средние зарплаты будут повышены, а самые большие несколько уменьшатся. Во всяком случае, вряд ли можно отрицать, что большинству работников умственного труда в промышленности нечего опасаться по финансовым соображениям такого изменения, которое предлагает г-н судья Сэнки. При нормальной организации промышленности прибыль, на которой нельзя слишком часто настаивать, достается не им, а акционерам. По-видимому, нет никаких оснований предполагать, что зарплаты менеджеров на шахтах, приносящих более 5 / -прибыли на тонну, были сколько-нибудь выше, чем у тех, кто получал менее 3 / -.

Однако финансовый аспект изменения - не единственный момент, который должна учитывать группа менеджеров или технических специалистов. Они также должны взвесить его влияние на свой профессиональный статус. Будут ли они обладать такой же свободой, инициативой и авторитетом на службе обществу, как при частной собственности? Способ ответа на этот вопрос зависит от формы, приданной административной системе, с помощью которой осуществляется государственная служба. Можно представить себе ситуацию, при которой жизнь управляющего шахтой стала бы для него обузой из-за постоянного упрямства со стороны работников шахты, за которую он несет ответственность. Можно представить себе ситуацию, при которой он был бы на грани паралича из-за раздражающего вмешательства бюрократии в штаб-квартире. В прошлом некоторые менеджеры "кооперативных мастерских", по-видимому, страдали от первого: многие сотрудники бирж труда являются жертвами второго, если только распространенные слухи не вводят в заблуждение. Совершенно законно, более того, необходимо подчеркивать эти опасности. Проблема реорганизации промышленности - это, как

было сказано выше, проблема разработки конституции. Вероятно, что она будет успешно решена только в том случае, если заранее будут указаны недостатки, к которым могут быть причастны различные типы конституционного механизма. Однако, как только эти опасности осознаются, разработать меры предосторожности против них оказывается сравнительно простым делом. Если предложения мистера судьи Сэнки рассматривать как конкретный пример положения, которое могли бы занять менеджеры в национализированной отрасли, то будет видно, что они не сопряжены ни с одной из двух опасностей, указанных выше. Управляющий, это правда, будет работать с местным горным советом или карьерным комитетом, который должен "собираться раз в две недели или, при необходимости, чаще, чтобы консультировать управляющего по всем вопросам, касающимся руководства и безопасности шахты", и "если управляющий отказывается прислушаться к совету местного горного совета по любому вопросу, касающемуся безопасности и гигиены труда на шахте, такой вопрос должен быть передан на рассмотрение Окружного горного совета". Верно также, что, как только такой Местный совет по добыче полезных ископаемых будет официально создан, менеджер сочтет необходимым завоевать его доверие, руководить убеждением, а не просто управлять, короче говоря, установить те же отношения товарищества и доброй воли, которые должны существовать между коллегами в любом общем предприятии. Но во всем этом нет ничего, что могло бы подорвать его авторитет, если только "авторитет" не понимать как произвольную власть, на осуществление которой ни один человек не способен и на которую мало кто в моменты трезвости стал бы претендовать. Управляющий будет назначаться и нести ответственность не перед людьми, чью работу он курирует, а перед окружным горным советом, который контролирует все шахты в округе, и в этом совете он будет представлен. Он также не будет зависеть от милости далекой "клеркокрации", заваливающей его циркулярами и перекрывающей его экспертные знания невыполнимыми мандатами, разработанными в Лондоне. Само ядро схем, выдвинутых как судьей Сэнки, так и Федерацией горняков, заключается в децентрализованном управлении в рамках национальной системы. Не может быть и речи об "управлении отраслью из Уайтхолла". Характеристики различных угольных месторождений настолько сильно различаются, что необходимо полагаться на местные знания и опыт, и именно местным знаниям и опыту предлагается доверить управление отраслью. Короче говоря, рекомендуемая конституция является не "Унитарной", а "Федеральной". Будет предусмотрено разделение функций и полномочий между центральными властями и районными властями. В первом будут установлены общие правила относительно тех вопросов, которые обязательно должны решаться на национальной основе. Последние будут управлять отраслью в пределах своих округов и, пока они соблюдают эти правила и обеспечивают свою квоту угля, будут обладать местной автономией и будут придерживаться метода разработки карьеров, который, по их мнению, лучше всего подходит для местных условий.

При такой интерпретации общественная собственность, по-видимому, не ставит перед работником умственного труда опасности неразумного вмешательства в его специальную технику, чего он, вполне естественно, опасается. Это предлагает ему, действительно, гораздо большие возможности профессионального развития, чем открыты сегодня для всех, кроме немногих избранных, когда соображения производственной эффективности, продвигать которые является его особой *метье*, могут быть отвергнуты близорукими финансовыми интересами, действующими под давлением Совета директоров, которые желают показать своим акционерам немедленную прибыль и которые, чтобы получить ее, будут "сливать сливки" с ямы или обрабатывать ее иным способом, чем того требовали бы соображения технической

эффективности. И заинтересованность общества в том, чтобы профессиональные навыки менеджера были использованы на благо общества, так же велика, как и его собственные. Экономическое развитие последних тридцати лет сделало управленческий и технический персонал промышленности хранилищем общественных обязанностей совершенно неисчислимой важности, которые при всем желании в мире они вряд ли могут в настоящее время выполнять. Наиболее характерной чертой современной промышленной организации является то, что производство осуществляется под общим руководством деловых людей, которые сами не обязательно что-либо знают о производственных процессах. "Бизнес" и "промышленность" во все большей степени склонны образовывать два подразделения, которые, хотя и объединены в рамках одной экономической системы, используют разные типы персонала, обладают разными качествами и признают разные стандарты эффективности и мастерства. Технический и управленческий персонал промышленности, конечно, так же, как и другие люди, поддается экономическим стимулам. Но их особая работа - производство, а не финансы; и, при условии, что они не страдают от чувства экономической несправедливости, они хотят, как и большинство рабочих, "видеть, что работа выполнена должным образом". Бизнесмены, которые в конечном счете контролируют промышленность, озабочены продвижением и капитализацией компаний, конкурентными продажами и рекламой товаров, контролем рынков, обеспечением особых преимуществ и организацией пулов, комбинатов и монополий. Фактически, они озабочены финансовыми результатами и заинтересованы в фактическом производстве товаров только в той мере, в какой это приводит к финансовым результатам.

Изменение в организации, которое в значительной степени специализировало сферы бизнеса и менеджмента, сравнимо по своей важности с тем, что разделило бизнес и рабочую силу полтора столетия назад. Это особенно важно для потребителя. До тех пор, пока функции менеджера, техника и капиталиста сочетались, как в классическую эпоху фабричной системы, в одном лице - "работодателе", было вполне разумно предполагать, что прибыль и эффективность производства одинаково взаимосвязаны. В таких обстоятельствах изобретательность, с которой экономисты доказали, что, подчиняясь "закону замещения", он выберет наиболее экономичный процесс, машину или тип организации, приобретала определенное правдоподобие. Правда, даже в этом случае работодатель может фальсифицировать свои товары или эксплуатировать труд беспомощного класса рабочих. Но до тех пор, пока человек, руководящий промышленностью, сам был в первую очередь менеджером, у него вряд ли могли быть подготовка, способности или время, даже если бы у него была склонность, концентрировать особое внимание на финансовых выгодах, не связанных с прогрессом в искусстве производства или противостоящих ему, и существовало некоторое оправдание общепринятой картине, которая представляла "производителя" как защитника интересов потребителя. С разделением финансового и технического департаментов промышленности - с отделением "бизнеса" от "производства" — связь, которая связывала прибыль с производительной эффективностью, имеет тенденцию к разрыву. Существует больше способов, чем раньше, обеспечить первое, не достигая последнего; и когда утверждается, что интересы капитана промышленности стимулируют принятие наиболее "экономичных" методов и, таким образом, обеспечивают промышленный прогресс, необходимо спросить: "экономичный для кого"? Хотя организация производства, которая является наиболее эффективной в смысле предложения потребителю

наилучших услуг при наименьших реальных затратах, может быть наиболее прибыльной для фирмы, верно также и то, что прибыль постоянно извлекается способами, которые не имеют ничего общего с эффективным производством и которые иногда, действительно, препятствуют ему.

То, каким образом "бизнес" может обнаружить, что наиболее окупаемые методы - это те, которые по-настоящему научный "менеджмент" осудил бы, можно проиллюстрировать тремя примерами. Во-первых, вся масса прибылей, получаемых за счет умелой капитализации нового предприятия или реконструкции того, которое уже существует, вряд ли имеет вообще какую-либо связь с производством. Когда, например, ланкаширская хлопчатобумажная фабрика с капитализацией в 100 000 фунтов стерлингов покупается лондонским синдикатом, который переводит ее в оборот с капиталом в 500 000 фунтов стерлингов - совсем не экстравагантный случай, — что именно происходит? Во многих случаях оборудование мельницы для производства остается после завершения процесса таким, каким оно было до него. Однако он оценивается в другую цифру, поскольку ожидается, что продукция завода будет продаваться по цене, которая принесет разумную прибыль не только при более низкой, но и при более высокой капитализации. Если очевидное состояние рынка и перспективы отрасли таковы, что общественность можно убедить в этом, инициаторы реконструкции считают целесообразным рекапитализировать завод на новой основе. Они получают прибыль не как производители, а как финансисты. Они никоим образом не повышают производительную эффективность фирмы, но они приобретают акции, которые дают им право на повышенную доходность. Обычно, если рынок благоприятен, они расстаются с большим количеством из них сразу же после их приобретения. Но независимо от того, делают они это или нет, произошел процесс, посредством которого бизнес-элемент в отрасли получает право на большую долю продукта, никоим образом не повышая эффективность обслуживания, предлагаемого потребителю.

Другими примерами того, каким образом контроль над производством со стороны "бизнеса" пересекает линию экономического прогресса, являются отходы конкурентной промышленности и прибыли монополии. Хорошо известно, что цена, уплачиваемая потребителем, включает маркетинговые издержки, которые в той или иной, но в значительной степени являются расходами не на поставку товара, а на его поставку в условиях, предполагающих расходы на рекламу и конкурентное распространение. Для отдельной фирмы такие расходы, которые позволяют ей поглощать часть торговли конкурента, могут быть экономией: для потребителя молока или угля — возьмем два вопиющих примера — это чистые убытки. Кроме того, как иногда предполагается, такие отходы не ограничиваются распределением. Руководители железных дорог приводят технические причины для того, чтобы сделать желательным объединение железнодорожной администрации, и специалисты по горному делу шахт. Но вплоть до войны деловые соображения поддерживали дорогостоящую систему, при которой каждая железнодорожная компания управлялась как отдельная система, и по-прежнему не позволяли управлять угольными шахтами, даже в одном районе, как частями единой организации. Карьеры затоплены водой, потому что компании не могут договориться о распределении между ними затрат на общую дренажную систему; материалы закупаются и продукция продается отдельно, потому что угольные шахты не объединяются; мелкий уголь остается в количестве миллионов тонн, потому что наиболее экономичная и технически эффективная разработка пластов не обязательно приносит наибольшую прибыль бизнесменам, контролирующим добычу. В данном случае значительные различия в экономической мощи, существующие между разными шахтами, препятствуют объединению, которое является экономически

желательным; естественно, директора компании, владеющей "хорошей вещью", не желают объединять интересы с компанией, добывающей уголь низкого качества или дорогой в добыче. Когда, как это все чаще происходит в других отраслях, конкурентные отходы или некоторые из них устраняются путем комбинирования, происходит подлинный прогресс в технической эффективности, который должен быть поставлен в заслугу деловым мотивам. Однако в этом случае расхождение между интересами бизнеса и интересами потребителей просто отодвигается на один этап вперед; оно возникает, конечно, из-за вопроса о ценах. Если кто-то склонен думать, что эта картина экономических потерь, сопровождающих доминирование деловых интересов в производстве, преувеличена, ему может быть предложено рассмотреть критические замечания в адрес системы, высказанные "инженерами по эффективности", которых все чаще призывают давать советы относительно организации производства и оборудования. "Высшие должностные лица корпорации, - пишет мистер Х. Л. Гантт о Государственной коммунальной компании, основанной в Америке во время войны, - все без исключения были людьми "делового" склада ума, которые добились успеха благодаря финансированию, покупке, сбыту и т.д.... На самом деле хорошо известно, что наша промышленная система оказалась не такой, как мы ожидали.... *Причина его провала, несомненно, заключается в том, что люди, руководившие им, были обучены бизнес-системе, работающей ради прибыли, и не понимали, что она работает исключительно ради производства.* Это не критика мужчин как личностей; они просто не знали своей работы, и, что еще хуже, они не знали, что они ее не знают".

Таким образом, поскольку "Бизнес" и "Менеджмент" разделены, причем последний используется под руководством первого, нельзя предполагать, что руководство промышленностью находится в руках лиц, главной заботой которых является эффективность производства. Тот факт, что погоня за прибылью от бизнеса случайно приведет к значительному повышению эффективности, конечно, не отрицается. Однако, что кажется правдой, так это то, что главный интерес тех, кто руководит отраслью, достигшей этой стадии развития, уделяется финансовой стратегии и контролю над рынками, поскольку выгоды, которые приносит эта деятельность, обычно намного больше, чем те, которые можно получить от простого совершенствования производственных процессов. Очевидно, однако, что именно это улучшение является основным интересом потребителя. Он может мириться с большими прибылями до тех пор, пока они считаются символом эффективного производства. Но то, что его интересует, - это предложение товаров, а не стоимость акций, и когда кажется, что прибыль получена не за счет эффективного производства, а за счет умелого финансирования или хитроумной коммерческой тактики, она больше не кажется заслуживающей внимания. Если потребитель, испытывая отвращение к тому, что он научился называть "спекуляцией", ищет альтернативу системе, при которой продукт контролируется "Бизнесом", он вряд ли сможет найти ее, кроме как обратившись за помощью к управленческому и техническому персоналу промышленности. Они организуют обслуживание, в котором он нуждается; они относительно мало вовлечены, либо из-за материальной заинтересованности, либо из-за психологических предубеждений, в финансовые методы, которым он не доверяет; они часто находят контроль над своей профессией со стороны бизнесменов, которые в первую очередь финансисты, раздражающим из-за препятствий, которые это создает для технической эффективности, а также резкого и скупого отношения к заработной плате. Как по общественным, так и по профессиональным соображениям они принадлежат к группе, которая должна проявлять

инициативу в продвижении партнерства между производителями и общественностью. Они могут предложить обществу научные знания и специальные способности, которые являются наиболее важным условием прогресса в области производственного искусства. Это может предложить им более безопасный и достойный статус, более широкие возможности для реализации их особых талантов и сознание того, что они отдают лучшее из своей работы и своей жизни не для обогащения горстки скучных, хотя и безобидных акционеров, а для служения большому количеству своих соотечественников. Если отбросить последнее преимущество как фразу — если предположить, что медицинские работники здравоохранения, директора образовательных учреждений, директора оптовых кооперативов совершенно не подвержены влиянию какого—либо осознания социального служения, - то первые два, во всяком случае, остаются. И они значительны.

Именно это постепенное отделение управленческих технологий от финансовых интересов представляется вероятной линией, по которой будет развиваться "работодатель" будущего. Замена колеблющейся прибыли фиксированной заработной платой во всей промышленности сама по себе лишила бы его положение половины унижительной атмосферы хищнического предпринимательства, которая ставит в затруднительное положение сегодня любого честного человека, обнаруживающего, что, получив плату за свои услуги, он обладает излишками, для которых нет видимой причины. Кроме того, после того, как большие доходы от прибыли были погашены, его зарплата не должна быть большой, поскольку доходы учитываются сегодня. Говорят, что среди варваров, где богатство все еще измеряется скотом, великих вождей называют людьми со ста коровами. Менеджера крупного предприятия, которому платят 400 000 долларов в год, точно так же можно было бы назвать человеком со ста семьями, поскольку он получает доход ста семей. Это правда, что особый талант стоит любой цены, и что выплата в размере 400 000 долларов в год руководителю бизнеса с миллионным оборотом с экономической точки зрения является пустяком. Но экономические соображения - не единственные соображения. Есть еще "вопрос чести". И правда в том, что эти зарплаты в сто семей не по-джентльменски.

Когда на карту поставлены действительно важные вопросы, каждый понимает, что ни один порядочный человек не может похвастаться своей ценой. Генерал не торгуется со своим правительством о точном денежном эквиваленте своего вклада в победу. Часовой, поднявший тревогу в спящем батальоне, не тратит следующий день на то, чтобы собрать капитальную стоимость спасенных им жизней; ему платят 1 / - в день, и ему повезет, если он ее получит. Командир корабля не запикивает себя и свои пожитки в шлюпки и не оставляет команду выбираться из затонувшего судна как можно лучше; по традиции службы он покидает корабль последним. Нет никаких причин, по которым общественность должна оскорблять производителей и деловых людей, обращаясь с ними так, как будто они более толстокожи, чем генералы, и более экстравагантны, чем рядовые. Сказать, что они стоят намного больше, чем даже те непомерные зарплаты, которые получают некоторые из них, часто бывает правдой. Но это не относится к делу. Никто не имеет права ожидать, что ему заплатят "столько, сколько он стоит", ибо то, чего он стоит, зависит от его собственной души и Бога. Того, чего он имеет право требовать и что касается его ближних, чтобы увидеть, что он получает, достаточно, чтобы позволить ему выполнять свою работу. Когда промышленность организована на основе функций, именно за это, и не более того, ему будут платить. Надо отдать справедливость менеджерам отрасли, это нытье о дополнительных деньгах - порок, к которому они (в отличие от своих акционеров) не особенно склонны. Нет причин, по которым они должны быть такими.

Если у человека есть важная работа, а также достаточно свободного времени и дохода, чтобы выполнять ее должным образом, он обладает таким количеством счастья, какого достаточно для любого из детей Адама.

[1] Департамент угольных шахт представил Комиссии по угольной промышленности следующие цифры (том III, приложение 66). Они относятся к 57 процентам. из угольных шахт Соединенного Королевства.

Зарплата, включая премиальные и количество менеджеров
стоимость дома и угля 1913-1919 гг.

100 фунтов стерлингов или меньше	4 2
От 101 до 200 фунтов стерлингов	134 3
от 201 до 300 фунтов стерлингов	280 29
от 301 до 400 фунтов стерлингов	161 251
от 401 до 500 фунтов стерлингов	321 213
от 501 до £600	57 146
601 фунт стерлингов и выше	50 152

XI

PORRO UNUM NECESSARIUM

Таким образом, организация общества на основе функций, а не на основе прав, подразумевает три вещи. Это означает, во-первых, что права собственности должны сохраняться, когда они сопровождаются оказанием услуг, и отменяться, когда этого не происходит. Это означает, во-вторых, что производители должны находиться в прямой связи с сообществом, для которого ведется производство, так что их ответственность перед ним может быть очевидной и безошибочной, а не утраченной, как в настоящее время, из-за их непосредственного

подчинения акционерам, интерес которых заключается не в обслуживании, а в выгоде. В-третьих, это означает, что обязанность по поддержанию сервиса возлагается на профессиональную организацию тех, кто его предоставляет, и что при условии надзора и критики со стороны потребителя эти организации должны иметь столько голосов в правительстве отрасли, сколько может потребоваться для обеспечения выполнения обязательства. Действительно, очевидно, что никакое изменение системы или механизма не может устранить те причины социального *недомогания*, которые заключаются в эгоизме, жадности или сварливости человеческой натуры. Что он может сделать, так это создать среду, в которой эти качества не поощряются. Он не может гарантировать, что мужчины будут жить в соответствии со своими принципами. Что он может сделать, так это установить их социальный порядок на принципах, которым они, если им заблагорассудится, могут соответствовать, а не унижать. Он не может контролировать их действия. Это может предложить им цель, на которой можно сосредоточить свои умы. И, каков их ум, такой, в долгосрочной перспективе, за исключениями, будет и их практическая деятельность.

Таким образом, первым условием правильной организации промышленности является интеллектуальное преобразование, которое англичане в своем недоверии к принципам склонны ставить на последнее место или вообще опускать. Она заключается в том, что акцент должен быть перенесен с возможностей, которые она предоставляет отдельным лицам, на социальные функции, которые она выполняет; что они должны четко представлять себе ее цель и судить о ней исходя из этой цели, а не по случайным последствиям, которые ей чужды, какими бы блестящими или заманчивыми они ни были. То, что придает смысл любой деятельности, которая не является чисто автоматической, - это ее цель. Именно потому, что цель промышленности, которая заключается в покорении природы для служения человеку, не находит адекватного выражения в ее организации и не представляется в сознании тех, кто в ней занят, поскольку она рассматривается не как функция, а как возможность для личной выгоды, продвижения или демонстрации, экономическая жизнь современных обществ находится в постоянном состоянии болезненного раздражения. Если необходимо устранить условия, вызывающие это неестественное напряжение, это может быть достигнуто только путем выработки привычки подходить к вопросам экономической организации с точки зрения цели, которой она призвана служить, и которая будет применять к ней что-то от духа, выраженного Бэконом, когда он сказал, что труд человека должен выполняться "во славу Божию и на благо положения людей".

С этой точки зрения проблемы, которые являются неразрешимыми при рассмотрении на основе прав, могут оказаться более приемлемыми для разумного рассмотрения. Для достижения цели - это, в первую очередь, принцип ограничения. Он определяет цель, ради которой и, следовательно, пределы, в которых должна осуществляться деятельность. Он отделяет то, что стоит делать, от того, что нет, и устанавливает шкалу, по которой должно быть сделано то, что стоит делать. Во-вторых, это принцип единства, поскольку он обеспечивает общую цель, на достижение которой могут быть направлены усилия, и выносит интересы, которые в противном случае вступили бы в конфликт, на суд господствующего объекта. В-третьих, это принцип распределения. Он определяет для различных сторон групп, участвующих в общем предприятии, место, которое они должны занимать при его выполнении. Таким образом, он устанавливает порядок, основанный не на случайности или силе, а на принципе, и

основывает вознаграждение не на том, что люди могут при удачном стечении обстоятельств урвать для себя, и не на том, что, в случае неудачи, их можно заставить принять, но на том, что соответствует их функции, не больше и не меньше, так что те, кто не выполняет никакой функции, не получают никакой оплаты, а те, кто вносит вклад в общую цель, получают достойную плату за честную службу.

Frate, la nostra volontà quieta
Virtù di carità, che fa volerne
Sol quel ch'avemo, e d'altro non ci asseta.
Si disiassimo esse più superne,
Foran discordi li nostri disiri
Dal voler di colui che qui ne cerne.

* * * * *

Anzi è formale ad esto beato esse
Tenersi dentro alla divina vogli,
Per ch'una fansi nostre vogli e stesse.

* * * * *

Chiaro mi fu allor com' ogni dove
In Cielo è paradiso, e sì la grazia
Del sommo ben d'un modo non vi piove.

Знаменитые строки, в которых Пиккарда объясняет Данте устройство Рая, представляют собой описание сложного и многообразного общества, объединенного всепоглощающей преданностью общей цели. С этой целью назначаются все станции и оцениваются все действия. Качество частей определяется их местом в системе, и они настолько проникнуты единством, которое они выражают, что сами по себе рады забвению, подобно тому, как ребра арки переносят взгляд с пола, из которого они вырастают, на свод, в котором они встречаются и переплетаются.

Такое сочетание единства и разнообразия возможно только для общества, которое подчиняет свою деятельность принципу цели. Ибо то, что предлагает этот принцип, является не просто стандартом для определения отношений различных классов и групп производителей, но шкалой моральных ценностей. Прежде всего, она отводит самой экономической деятельности подобающее ей место слуги, а не хозяина общества. Бремя нашей цивилизации заключается не только в том, как многие полагают, что продукция промышленности плохо распределяется, или ее поведение тираническое, или ее работа прерывается из-за ожесточенных разногласий. Дело в том, что сама промышленность заняла положение исключительного преобладания среди человеческих интересов, которое не может занимать ни один отдельный интерес, и меньше всего обеспечение материальными средствами существования. Подобно ипохондрику, который настолько поглощен процессами собственного пищеварения, что сходит в могилу, не начав жить, промышленно развитые общества пренебрегают теми самыми объектами, ради которых стоит приобретать богатство, в своей лихорадочной озабоченности средствами, с помощью которых оно может быть приобретено.

Эта одержимость экономическими проблемами столь же локальна и преходяща, сколь отталкивающа и тревожна. Будущим поколениям это будет казаться таким же жалким, каким сегодня кажется одержимость семнадцатого века религиозными распрями; на самом деле, это менее рационально, поскольку объект, с которым это связано, менее важен. И это яд, который воспаляет каждую рану и превращает каждую пустяковую царапину в злокачественную язву. Общество не решит конкретных проблем промышленности, от которых оно страдает, до тех пор, пока этот яд не будет изгнан и оно не научится видеть саму промышленность в правильной перспективе. Если оно хочет добиться этого, оно должно изменить свою шкалу ценностей. Оно должно рассматривать экономические интересы как один из элементов жизни, а не как всю жизнь в целом. Она должна убедить своих членов отказаться от возможности получения выгод, которые накапливаются без какого-либо соответствующего служения, потому что борьба за них держит в напряжении все сообщество. Промышленность должна быть организована таким образом, чтобы инструментальный характер экономической деятельности подчеркивался ее подчиненностью социальной цели, ради которой она осуществляется.